

INSPIRIA

ЛЕТО В ПРОВАНСЕ

*Роман, вдохновляющий
на перемены*

 INSPIRIA

Annotation

Роман, вдохновляющий на перемены.

Ферн и Эйден женаты семь лет, но их брак уже скорее напоминает дружбу, чем союз двух любящих сердец. Ферн отчаянно хочет наладить их отношения, а вот у Эйдена свои планы на жизнь.

Неожиданно пара выигрывает миллион фунтов. Ферн и Эйден понимают, что это счастливый лотерейный билет в новую жизнь. Они договариваются взять паузу: Эйден уезжает исследовать Австралию, о которой грезил всю жизнь, а Ферн отправляется в Прованс.

Им предстоит провести целый год вдали друг от друга и проверить свои чувства на прочность.

«Медитативные, прекрасные и вдохновляющие истории Люси Колман – идеальное тонизирующее средство, когда жизнь становится немного серой».

Холли Мартин

-
- [Люси Колман](#)
 -
 -
 - [Апрель 2018 г. Страуд, Глостершир](#)
 - [1. Дует ветер перемен](#)
 - [2. Разве не все мечтают о выигрыше?](#)
 - [3. Вечеринка](#)
 - [Июль 2018 г. Буа-Сен-Вернон, Прованс](#)
 - [4. На новом месте](#)
 - [5. Нахожу свой путь](#)
 - [6. Принятие](#)
 - [7. Татуировка дракона](#)
 - [8. День открытий](#)
 - [9. Чужая душа – потемки](#)
 - [10. Хоть кому-то я нужна](#)
 - [11. Дрожь возбуждения](#)
 - [12. Моя зона комфорта](#)
 - [13. Тяжелый труд полезен для души](#)

- [14. Фонтан эмоций](#)
- [15. Повод поразмыслить](#)
- [16. Глубинная связь](#)
- [Декабрь 2018 г.](#)
 - [17. Все вместе](#)
 - [18. В этом году Санта появляется немного раньше срока](#)
 - [19. Горькая правда](#)
 - [20. Новые расставания](#)
 - [21. Удивительный поворот событий](#)
 - [22. Ускорение](#)
 - [23. Все меняется](#)
 - [24. Прошлое всегда будет частью настоящего](#)
 - [25. Неожиданный рождественский подарок](#)
 - [26. Ревность или вина?](#)
- [Март 2019 г.](#)
 - [27. Не поддаваться страхам](#)
 - [28. Знакомство](#)
 - [29. Чувство облегчения](#)
 - [30. Слова, вода и мудрость](#)
- [Май 2019 г.](#)
 - [31. Сколько стоит муза?](#)
 - [32. Новый рассвет, новое начало](#)
- [Апрель 2020 г.](#)
 - [33. Глядя правде в лицо](#)
 - [34. Куда боятся залетать ангелы](#)
- [Декабрь 2020 г.](#)
 - [35. Два человека, одна жизнь](#)
 - [Нико и Ферн](#)
 - [Изабель, маркиза де Айтона](#)
 - [Эйден и Джосс](#)
 - [Тейлор и Келли](#)
 - [Сеана](#)
 - [Пирс](#)
 - [Ди-Ди и Одиль](#)
 - [Патриция](#)
 - [Бастьен](#)

- [Марго](#)
 - [Ханна и Оуэн](#)
 - [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Люси Колман

Лето в Провансе

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо»,
2023

* * *

Посвящается Лоренсу

Даже после всех проведенных лет вместе каждый день своей жизни я выбираю тебя. Это ты убедил меня, что пора бросить основную работу и просто начать писать. Я так и сделала. Всякий раз, когда моя вера в себя ослабевала, ты был рядом, чтобы меня поддержать. А когда приходило время торжествовать, ты увозил меня и заставлял почувствовать себя на миллион долларов. Люблю тебя во веки веков.

Апрель 2018 г. Страуд, Глостершир

1. Дует ветер перемен

Благословение это или проклятие – родиться с внутренним голосом... что говорит без устали, наполняя тебя ощущением смущенного ожидания?

Делу не помогает бушующая весь день головная боль. Час назад к ней добавился тик в правом глазу – теперь уже перешедший в постоянный. То, что грядет, назревает неумолимо, мучительно, от этого у меня вдобавок крутит живот.

Когда наступает наконец прозрение, все мои инстинкты кричат, что теперь все изменится. Любая мелочь, принимаемая мной за само собой разумеющуюся, окажется под ударом.

Перемена может быть пьянящей, но я все равно чувствую наваливающиеся на меня тяжесть и страх перед тем, что грядет.

* * *

Телефон на столе вибрирует и подпрыгивает. Я тоже подпрыгиваю. Последние двадцать минут я заставляю себя читать заключительную страницу отчета, но слова расплываются. Отвечать на звонок не хочется, потому что вся моя воля ушла на неподвижное сидение и чтение, так что даже простой разговор был бы сейчас превыше моих сил. Надеюсь, это подождет. Босс звонить так поздно не стал бы. Озираясь по сторонам, я убеждаюсь, что все остальные уже разошлись по домам.

Я отдергиваю руку, уже потянувшуюся к телефону, и просто проверяю, от кого звонок. Это моя сестра Ханна. Меня тут же охватывает паника, во рту пересыхает. Я хватаю телефон и прижимаю его к уху. В последнее время она вся в тревоге, переживает один эмоциональный кризис за другим. Наверное, это гормональное.

Я отвечаю сбивчиво и хрипло, не узнавая собственный голос:

– В чем дело, Ханна? – Я откашливаюсь. – Все хорошо?

Сердце у меня бьется нарочито медленно, как механизм, требующий отладки. Знаю, надо было прекратить работу уже час

назад, уйти домой, там нырнуть под одеяло и забыться.

– Не могу поверить, что ты еще на работе, Ферн. Знаешь, который час?

Боль немного отступает от теплого звучания ее голоса, свидетельствующего, что она в порядке.

– Я скоро пойду.

Я закрываю глаза, борясь с приступом тошноты, сопровождающей новую волну недомогания; теперь у меня ноют даже зубы. Я расправляю плечи, чтобы разгрузить шею, но толку от этого ноль.

– Я тут с Эйденем. Срочно езжай домой! Пока мы тебя ждали, я проверила лотерейный билет на двери холодильника.

Я слышу другие голоса, мешающие осознать ее слова.

– Билет? Что еще за билет?

Ах да, в пятницу мне навязали в супермаркете билет. Сегодня понедельник... нет, вторник... Дни проносятся у меня в голове без малейшей связи.

– Ну?! – Она смеется, я слышу, как она воодушевлена, и морщусь.

– В каком смысле? – В голове так мучительно пульсирует, что я чувствую: или таблетка от мигрени, или обморок.

– Ферн, ты что там, уснула? Ты угадала только один номер, но все равно выиграла!

В животе резь, от боли я наклоняюсь вперед и ударяюсь лбом об стол.

– Шикарно. Скажи Эйдену, что я скоро буду дома, честно.

Она положила трубку.

Почему Ханна дома, а не в университете? Потом я вспоминаю про пасхальные каникулы. Тем лучше. Теперь главное – добраться до дома, не развалившись по пути.

* * *

– Ужасный вид, Ферн. Опять твоя мигрень?

Я киваю, опускаю сумку на пол и с облегчением падаю в одно из кресел. Обстановка вокруг такая, словно здесь только что кончилась вечеринка: пустые рюмки, две открытые бутылки «Просекко», пакетики с чипсами.

Эйден смотрит на меня и вежливо предлагает чаю.

– Да, пожалуйста, – соглашаюсь я.

Я справилась с болью, но во всем теле тяжесть, нижняя челюсть, шея и плечи ноют, как после побоев или после столкновения с фонарным столбом. Прошла резь в животе – и на том спасибо.

– Где Ханна?

– Убежала на встречу с соседкой, ты забыла? Ваши родители привезли пальто, которое ты у них оставила после воскресного обеда, и предложили ее подвезти.

Ах да...

– А следы попойки? – Я указываю подбородком на беспорядок, который начинает прибираться Эйден.

– Заглянула наша соседка, Джорджия, она увидела рядом с домом машину ваших родителей. Ханна как раз проверила по телефону результаты лотереи, и ей не терпелось поделиться новостью. Она вызвала Стива, Джорджия решила остаться выпить с нами. Получился маленький праздник. Я надеялся, что ты вот-вот к нам присоединишься. – Он ставит на стол передо мной чашку с чаем. – Прости за сегодняшнее утро. – Он произнес это так небрежно, будто ничего не произошло. Но я знаю, он чувствует себя виноватым, недаром не смотрит мне в глаза.

Думает, я специально задержалась? За семь лет брака мы еще ни разу не ссорились за завтраком. Мы вообще редко ссоримся. Но с недавних пор... Во мне крепнет чувство, что я его совсем не знаю.

– Должно быть, ты очень плохо себя чувствуешь, если даже новость о пополнении твоего банковского счета на миллион фунтов не заставила тебя улыбнуться. Тебе весь день худо? – Он участливо морщит лоб, заставляя мое сердце биться чаще. Я люблю каждую клеточку этой выразительной физиономии, включая серебристо-белый шрам на лбу – память о буйном детстве, когда он всех сводил с ума своими проделками (так мне рассказывали). Люблю эти светло-карие глаза и коротко подстриженные каштановые волосы, которые он не отваживается отращивать из-за их своеволия. Долю секунды я вижу не двадцатидевятилетнего мужчину, а того Эйдена, каким он был при нашем знакомстве, – семнадцатилетнего юношу, уже мнившего себя мужчиной. В те времена у него на груди было не больше двух волосков, не то что теперь, когда ему, на мой вкус, не помешала бы

эпиляция. Не знаю, угадывает ли он мои мысли, – судя по улыбке, не исключено.

– То так, то саяк, – отвечаю я.

– Позвонила бы. Не люблю, когда ты за рулем в таком состоянии.

– В каком таком? – Я хмуро кошусь на него. Вдумываться в его слова – и то тяжкий труд.

Выражение озабоченности на его лице будит у меня воспоминание о сегодняшнем утре. Он был явно не в духе, метался из угла в угол, у меня было впечатление, что ему не терпится меня выпроводить. По неведомой причине его раздражало мое присутствие. Я спросила его, в чем дело, – только и всего.

– Ты еще спрашиваешь! Ты не всегда способна здраво рассуждать. Помнишь, как ты ударила машину об угол, заезжая в гараж?

Да, было дело, пять лет назад. Что ж, в тот день мне и вправду не стоило садиться за руль. Я забыла таблетки и не хотела никого утруждать.

Тошнотворные головные боли я унаследовала от отца, который все время предостерегал меня от стресса. Что толку от этих предупреждений? Разве хоть кто-нибудь способен его избежать?

Помню, как тогда вылезла из машины и потеряла сознание. Эйден нашел меня в коридоре на полу. На следующее утро он сказал, что я сильно его напугала, и взял с меня слово, что я больше не стану так рисковать.

Что ж, Эйдену, по крайней мере, не все равно, и это, что бы между нами ни происходило, немного утешает.

Сейчас он садится напротив меня со сконфуженным видом.

– Ханна не ошиблась, я перепроверил. Мы выиграли, Ферн.

Я сплетаю пальцы на горячей чашке и наслаждаюсь теплом, возвращающим меня к жизни. Таблетки от мигрени притупляют все чувства, отключают от действительности, создают целительную расплывчатость. Чуть не обжегшись, я отдергиваю руки и роняю их на колени. Сейчас это щекочущее ощущение в пальцах – благо, оно резко возвращает меня к жизни.

ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ДЕНЬГИ, почему-то всплывает у меня в голове. Никакие деньги не отменят перемены в Эйдене и моего страха, что он меня разлюбил.

– Теперь мы сможем выплатить закладную за дом. Погасим долги по кредиткам...

Он прикусывает язык. Судя по его тону и по выражению лица, он понимает, что я еще не до конца осознала происшедшее. Мой мозг сейчас не может правильно расшифровывать слова. Я тупо смотрю на него.

– Так... Чай делу не поможет, тебе надо поспать.

Он встает, сильные руки поднимают меня с кресла и несут к двери.

– Обещай, что больше не будешь так рисковать, глупышка. Может, ты и суперженщина, Ферн, но, подозреваю, даже тебе иногда полезно передохнуть. Всем нам иногда бывает нужна помощь, зачем рядом я, если не для этого?

Мне нужно было это услышать. О, как нужно! Нужны были его сильные руки, чувство облегчения, безопасности. Какое облегчение! Из меня, как из проколотого шарика, выходит воздух, я чувствую внутри пустоту и доверяюсь мужу. Моя опора никуда не делась.

Эйден опускает меня на кровать, помогает раздеться. Стоит мне почувствовать мягкие прохладные простыни, как я отключаюсь. Темнота как кокон, сейчас это именно то, что нужно.

2. Разве не все мечтают о выигрыше?

Джорджия смотрит на меня, поднеся к губам чашку с кофе, ее брови озабоченно сведены на переносице.

– Что значит «одни проблемы»? Да, придумать, как поступить с доставшимися тебе денежками, не так-то легко, но я не думаю, что это настоящая проблема. Во всяком случае, мало кто отказался бы от такой проблемы.

Она убирает со лба рыжие пряди и испытующе смотрит на меня синими-пресиними глазами.

Я вздыхаю. Такое ощущение, будто последние две недели у нас с Эйденом нет другой темы, кроме этой. Оказалось, внезапный приток денег – вовсе не чудо, разом устраняющее все проблемы. Наши родные и друзья, как и коллеги на работе, считают, что мы пребываем в эйфории. На самом деле это не так. Знаю, это неблагодарность с нашей стороны.

– Все сложно, Джорджия, – бормочу я.

Она ставит чашку на стол в знак того, что готова слушать и не перебивать.

– Тебе надо выговориться. Если ты не доверяешь мне, значит, твоего доверия не заслуживает вообще никто. Мы давно дружим, ты знаешь, что я всегда тебя поддержу.

Мне трудно подобрать слова: несколько минут уходит на то, чтобы привести в порядок разбредшиеся мысли.

– Думаю, Эйден переживает какой-то кризис. Кажется, это теперь называют выгоранием. Это когда люди оказываются в состоянии эмоционального, физического, умственного изнурения. В нашей совместной жизни наступил период неопределенности. У Эйдена ощущение, что он должен бежать без остановки; ему кажется, что он недорабатывает, хотя это безумие, этим он себя только опустошает.

Договорив, я спохватываюсь, что раньше не думала, что смогу проговорить все это вслух. У Джорджии отвисает челюсть, и с таким видом она сидит целую секунду, прежде чем догадывается закрыть рот.

– Для меня он всегда был мистером Надежность, и я мечтала о том, чтобы Стив хоть немного походил на него. Мне не приходило в голову, насколько это изматывает. Знаю, как на него ориентируются благодетели: он умеет мотивировать других. Ты ведь слышала поговорку: хочешь, чтобы дело было сделано, – поручи его занятому человеку.

– Боюсь, отчасти это моя вина. Мы бы хотели рано или поздно завести ребенка, но наши накопления тают. На работе открывались кое-какие перспективы, я старалась добиться повышения. Мне хотелось доказать, что я на многое гожусь.

– Ну, теперь вопрос денег решен, вы можете расслабиться.

С этим не поспоришь, но Джорджия не понимает, что дело было не только в деньгах. Важнее было признание, и я делала все от меня зависевшее, чтобы его добиться.

– Если бы не моя сосредоточенность на цели, я бы заметила, что он на пределе. – Впервые я сознаюсь в своих страхах. До сих пор все ограничивалось неясной тревогой. Но шли недели, месяцы, и произвольные элементы головоломки складывались во все более четкую и, увы, безрадостную картину.

– Честно говоря, это немного неожиданно, хотя в последнее время он стал каким-то невеселым, не то что раньше. Каким-то озабоченным, что ли... – говорит Джорджия.

Я прямо вижу, как она мысленно складывает дважды два и начинает отдавать себе отчет в том, признаки чего именно уже давно мозолят ей глаза.

– Мы перестали обсуждать будущее, остались только разговоры о самом насущном. Мы женаты семь лет, и я не могу не беспокоиться, не в этом ли причина, – жалуясь я.

Джорджия улыбается:

– Чесотка семилетнего срока? Неужели это правда?

– Говорят, к этому сроку некоторым становится скучно. Не думала, что это случится с нами. Какой же я была дурой, когда полагала, что молчание Эйдена – признак того, что мы с ним преследуем одинаковые цели! Он погрузился в себя, а это тревожный сигнал, я должна была давно это заметить!

– Как я погляжу, он из тех, кто не останавливается на достигнутом. Но центр его мира – это ты, Ферн.

– А он – центр моего, но у нас все свелось к работе и к семье. Мы перестали заботиться о том, чтобы приодеться, забыли про романтические вечера, больше не радуемся нашей близости. Мы возвращаемся домой уставшие и уподобляемся овощам перед телеэкраном. В выходные мы либо занимаемся благотворительностью, либо возимся дома, либо навещаем моих родителей.

– А он... не выкинул какую-нибудь глупость? Ты случайно не слышала, чтобы он... – Джорджия еще сильнее хмурится.

– Нет-нет, он не такой! Не думаю, что у него появилась другая женщина. Я бы обязательно почувствовала, ведь правда?

Брови Джорджии взлетают к самым корням курчавых волос.

– Вы – пара трудоголиков, потому всегда были так близки, понимали друг друга с полуслова. Возможно, настало время сделать перерыв, устроить себе небольшой отпуск, насладиться покоем вдвоем.

– Хотелось бы мне, чтобы существовал такой простой способ! Но, боюсь, это бы нас окончательно взбесило. Быть круглосуточно вместе при его нынешней раздражительности – это дополнительный стресс.

– Понимаю, о чем ты. Вы бы постоянно были только вдвоем, не имея ничего, на что можно было бы отвлечься. Да, непростая ситуация!

Опять она права! Как объяснить то, что состоит из несчетных мелочей? Каждая из них по отдельности не стоит ломаного гроша, но вместе они образуют грозную лавину. Так ли убийственна эта лавина?

– В последнее время он стал ворчливым, бесед по душам уже не получается. Пропасть между нами неделя за неделей становится все шире.

– Вам всегда было так весело вдвоем, просто загляденье! Мне стыдно, что я не замечала перемен. От подруги ждешь внимания, а я...

Выходит, я вызвала у нее чувство вины, хотя совершенно этого не хотела. Эйден холодно встречает любую мою попытку до него достучаться. Обиднее всего то, что я даже не могу определить, когда именно он стал меняться. Когда восторг от нашей близости стал превращаться просто в уютное, почти светское сосуществование, от которого хочется взвыть?

Джорджия опять подносит ко рту чашку с кофе, обдумывая следующую свою реплику. От этой ее осторожности я сойду с ума!

– У нас со Стивом нет времени думать о том, что наш брак вышел на плато: дети не дают. Все наши мысли только о том, чтобы выспаться. Супружеское счастье ушло в далекое прошлое. Наш подарок друг другу – возможность немного поваляться в постели. – Она корчит гримасу.

Вижу, Джорджия пытается подсластить пилюлю, хотя говорит искренне. Просто она не ждала от меня такой откровенности. Я сама уже жалею, что завела этот разговор.

– Этот выигрыш еще больше нас разделил, Джорджия. Я хочу вернуть прежнего Эйдена.

Глядя на меня, она печально качает головой:

– Я за тебя тревожусь, Ферн. Ты работаешь в отделе кадров, все время занимаешься людьми, их проблемами. Ты – хороший коммуникатор и умеешь истолковывать знаки. Если даже тебе это не под силу, то, возможно, пора обратиться к семейному терапевту.

Я не успеваю отреагировать на ее предложение, потому что слышу, как открывается входная дверь, слышу голос Эйдена. От его «привет!» у меня сводит живот.

Мы с Джорджией переглядываемся.

– Я, пожалуй, пойду, – торопливо говорит она. – Не знала, что уже так поздно. Сегодня вечером моя очередь готовить. Мое потомство возмутится, что духовка пуста. – Она сжимает мою руку и шепчет: – Поговорим завтра.

Эйден входит в кухню, она тепло ему улыбается.

– Я побежала. Увидимся, друзья! – И она вылетает из дома через заднюю дверь.

Эйден подходит и касается губами моей щеки. Сразу видно, что он что-то задумал.

– Тяжелый день? – спрашиваю я, надеясь, что у него развяжется язык.

– Да. – Он идет с чашкой к кофемашине. Ее шум мешает продолжить разговор.

Я вынимаю из холодильника продукты и начинаю готовить салат, лишь бы не бездействовать, лишь бы чем-то заполнить тяжелую паузу, трещину между нами, на глазах превращающуюся в пропасть.

Стоя спиной к Эйдену, я слышу, как он выдвигает из-под кухонного стола табурет и садится.

– Мы научились друг друга избегать, да?

От этих его слов я резко оборачиваюсь. В его голосе нет упрека, только грусть.

– Я стараюсь не сделать хуже, чем уже есть, – отвечаю я. – Ты об этом?

– Полагаю да, но я просто не знаю, что еще поделаться с тем, что мы сейчас переживаем.

Он указывает подбородком на другой табурет.

– Наверное, пришло время поговорить начистоту, Ферн.

Для меня его слова – как удар наотмашь.

– Я думала... надеялась... что мы всегда были друг с другом откровенны.

Он качает головой:

– Не знаю, в чем причина, но у меня такое чувство, будто из моей жизни что-то ушло, и понимаю, что это несправедливо по отношению к тебе. Как это ни бессмысленно, это отражается на всем, что я делаю. Или пытаюсь делать. Каждое утро, просыпаясь, я уже предвижу, что и как будет дальше.

Он смотрит на свою чашку, не поднимая глаз на меня.

– Предвидишь? А я вот не предвидела, что так будет. Не проще ли назвать это скукой?

– Скорее, однообразием, – поправляет он меня, и я чувствую, как у меня уныло опадают плечи.

– Однообразие? – повторяю я за ним. – Если ты говоришь о нормальной семье, появление которой мы все время откладываем, хотя в наших планах всегда было завести ребенка ближе к тридцати. Хочешь об этом поговорить – так и скажи. Все решаемо. Эйден, ты же знаешь. Нужна только уверенность, что мы готовы. Это ведь очень серьезно, милый.

– Речь не об этом. Не думаю, что сейчас было бы правильно усугубить напряжение.

Ничего хорошего эти его слова, мягко говоря, не предвещают.

– Послушай, мне очень жаль. Я знала, что у нас уже давно не все ладится. Зря я прятала голову в песок. Но при любой моей попытке затронуть эту тему ты заговаривал о другом. Я думала, что ты не готов к такому разговору.

Он выглядит удрученным, даже убитым.

– Я думал, что превратности жизни только сильнее нас сплотят. – Его тон становится мягче, я вижу, как он старается подыскать слова, чтобы выразить то, что чувствует. – Иногда каждый шаг дается с трудом, Ферн, нам ли этого не знать... Согласен, у нас бывали взлеты и падения, но мы всегда со всем справлялись вместе.

Он старается меня подбодрить, потому что не хочет продолжать этот разговор. Нет уж, Эйден, сколько ни увиливай, все равно нам придется разобраться, что у нас не так.

– Пора посмотреть правде в глаза. – Знаю, это звучит как вызов, но раз разговор пошел начистоту, нельзя давать задний ход. – Я никак не найду правильные слова, чтобы объяснить мои чувства, поэтому не удивлена, что ты не понимаешь... Я знаю одно: я тебя люблю, люблю всем сердцем, и для меня невыносимо, когда я так тебя огорчаю.

Он наконец поднимает глаза, наши взгляды встречаются. Выражение отчаяния в его глазах немного смягчается.

– Помнишь, как мы столкнулись друг с другом на школьных танцах? – Он щелкает пальцами. – Тогда что-то произошло, что-то важное, мы оба поняли, что все переменялось.

Я бы скорее назвала тот эпизод столкновением. И это были не просто танцы, а выпускной бал. Все мы были легковозбудимыми подростками, когда нам было по шестнадцать-семнадцать лет. Мы тогда впервые заговорили друг с другом, потому что Эйден был спортсменом, а я всего лишь болельщицей.

Я киваю, не желая его перебивать.

– Помню первое наше свидание через три дня. Назавтра ты мне позвонила и сообщила, что отец запрещает тебе со мной встречаться, потому что я вернул тебя домой на час позже обещанного и, уезжая, трижды погудел. Из-за этого во всем вашем тихом районе включился свет. Я просто выпендривался, хотел произвести на тебя впечатление и вообще был безумно счастлив.

Я в то время готовилась поступать осенью в прогрессивный Эмерсли-колледж. Отец, волновавшийся по любому поводу, решил, что Эйден слишком заносчив и самоуверен, что явно шло ему в минус. Но с годами отец понял, что приобрел еще одного сына, мужчину, которому можно доверить упрямую дочь.

– Ты тогда сказала: «Мне все равно, ничто мне не мешает с тобой встречаться», – продолжает Эйден. – Ты не шутила. Я

почувствовал себя непобедимым. Ничто в жизни уже не могло сбить меня с пути, ведь я нашел свою вторую половинку. Двое сильнее одного.

Мои глаза наполнились слезами, потому что при всей своей вдумчивости и даже романтичности Эйден нечасто рассказывает о своих чувствах. Если он этого желает, значит, на то есть причина... У меня уже холодеет, позвонок за позвонком, спина.

– Мы были очень настойчивы, – поддакиваю я ему.

Все твердили, что это ненадолго, потому что после получения аттестатов о среднем образовании мы оба намеревались поступить в университет и после этого вряд ли продолжили бы двигаться в одном направлении. Всем известно, что большие расстояния не способствуют отношениям. Но как ни страшна была мысль о разлуке, мы ни секунды друг в друге не сомневались.

Оглядываясь назад, трудно поверить, что у нас были шансы остаться вместе, – но мы использовали те немногие шансы, которые все же оставались. Оказалось, разлука даже способствует привязанности, и наши встречи складывались все лучше.

Эйден вглядывается в меня, и я гадаю, что он видит.

– Ты бы хотела что-то изменить? – спрашивает он. – По части карьеры ты меня обогнала, и я понимаю, что стал для тебя тормозом. Ты решительно отвергла предложение потрясающей работы в Лондоне, чтобы мы могли купить этот дом и пустить корни. Неудивительно, что твой папаша не сразу меня простил, не сразу смирился с тем, что ты согласилась на меньшее, чем заслуживала.

Он знает, что это не совсем так. Мне нужно было оставаться поблизости к своей семье по множеству причин, поэтому пустить корни именно здесь было правильным решением. Не вывело ли его из равновесия мое недавнее повышение? Надеюсь, он все-таки не считает, кто зарабатывает больше, а кто меньше: не хочется в нем разочароваться. Если у Эйдена настолько хрупкое эго, значит, я делаю что-то не то. Он для меня – всё: важнее денег, важнее должности. Он совсем меня не знает, если думает, что мне важны такие мелочи.

Эйден тоже вырос в плане работы. Пусть у него маловато дипломов, чтобы увешать ими стену, но набор его профессиональных навыков вполне востребован на рынке. Он блестяще мотивирует коллектив, занимающийся сбором средств на благотворительные

проекты. В этом деле он незаменим, но я знаю, что он не самого лучшего мнения о самом себе, и мне грустно оттого, что у него заниженная самооценка.

Нельзя не ответить на его вопрос, хотя лучше бы не отвечать...

– Нет, конечно, я бы ничего не хотела изменить. Почему ты вообще об этом спрашиваешь?

Я смахиваю слезы, полная самых противоречивых чувств. Не намекает ли он на то, что я изменилась?

Он вздыхает – у меня от его вздоха душа переворачивается.

– Даже не знаю, как объяснить это чувство... *А ЧТО, ЕСЛИ?..*

Я ошеломленно смотрю на него.

– Ты жалеешь об этих семи годах? Жалеешь о выборе, который мы сделали?

– Нет! – Это слово впивается в меня как пуля и вдребезги разбивает тишину. – Он выразительно крутит головой, выбрасывает вперед руки, сжимает кулаки.

Он смотрит в потолок, а мне нечего ему сказать, потому что я не понимаю, что творится у него в голове.

Год назад его выбила из колеи кончина бабушки. Но сейчас происходит что-то другое, что-то такое, чего я никогда раньше в нем не замечала, и это меня пугает.

Наконец-то я не прячусь от страха, который одолевает меня вот уже полгода. Но я не знаю, что делать, что сказать.

Эйден наклоняется вперед и протягивает мне над столом руку. Я невольно делаю то же самое, и наши пальцы переплетаются.

– Я люблю тебя, Ферн. Всегда любил и никогда не разлюблю. Просто порой я перестаю понимать, кто я такой за тем фасадом, который показываю внешне... Разным людям я кажусь разным, но внутри у меня ощущение растерянности. Знаю, надо быть благодарным за нашу жизнь, ведь я счастливчик... Я не перестаю себе напоминать об этом, но...

НО? Я жду в невыносимой тишине. Наши пальцы постепенно расплетаются.

– ...но это как-то не помогает разобраться с мучающим меня чувством, что я... чего-то не понимаю. Будто от меня требуется большее, что-то очень важное, вот только я никак не пойму, что именно.

– Что-то лучше, чем МЫ? Не знала, что у тебя такие ощущения, Эйден. Почему ты раньше молчал?

Кажется, он не ждал услышать в моем голосе гнев.

– Ферн, я просто пытаюсь объяснить что-то такое, чего сам толком не понимаю. Дело не в сожалении, прости, если это так прозвучало. Ты достигла расцвета, и мне это очень нравится. Ты не просто красивая, умная и заботливая жена, дочь и сестра, ты способна достигнуть всего, чего пожелаешь. Ты заслуживаешь, чтобы рядом с тобой был такой же сильный и сосредоточенный мужчина, а я... Я вдруг начал сомневаться во всем, что делаю. Из-за этого я чувствую себя слабаком, обманщиком, избравшим линию наименьшего сопротивления.

– У меня такое чувство, что ты меня за что-то наказываешь, а ведь я всегда ставила и ставлю тебя – НАС – на первое место. В любом деле я выкладываюсь на сто десять процентов – уж такой я человек, и ты это знаешь, Эйден. Я не соревнуюсь с тобой, ничего не пытаюсь доказать, просто хочу, чтобы мы были счастливы.

Я встаю, негодование сменяется во мне возмущением. Это совершенно не тот человек, за которого я выходила замуж!

Эйден вскакивает, чтобы не дать мне уйти.

– После смерти бабушки у меня такое чувство, будто жизнь – тикающие часы. День за днем я должен двигаться вперед, но я застрял на месте. Я опустошен. Не могу разглядеть самого себя, я превратился в автомат, совершающий запрограммированные движения, вместо того чтобы нормально жить.

– Почему же ты не открылся мне, твоей жене? Вместо этого ты затих и позволил, чтобы возникшая между нами трещина с каждым днем становилась все шире.

Из-за слез его лицо плывет у меня перед глазами.

– Не уходи, любимая, не отворачивайся от меня! – Он заключает меня в объятия, тепло его тела действует на меня как успокоительное. – Я сам со всем этим справлюсь, обещаю, – шепчет он мне на ухо. На короткий момент возвращается прежний, уверенный в себе Эйден. Какое облегчение знать, что, возможно – разве нет? – не все еще потеряно.

– Думаю, нам обоим необходимо подумать о том, куда двигаться дальше. Я упираюсь, потому что чувствую, что ты тащишь меня назад,

мне больно, но я думаю, что ты смущен этим не меньше, чем я. Это уже хорошо, правда?

От этих моих слов он еще крепче меня обнимает. Если у меня и были сомнения в его любви, это объятие уверенно их рассеивает.

– Я знаю, что не смогу без тебя. Но, может быть, чтобы обрести себя, я должен разобраться в себе вне наших отношений.

Вот оно! Перемена, о которой меня предостерегал внутренний голос, была неотвратима.

Неожиданно земля начала уходить у меня из-под ног. У него не депрессия, которой я опасалась. Нет, тут другое: Эйден стал чувствовать себя как в клетке, как в капкане. Его влечет неведомое, его уже перестал устраивать покой наших тринадцатилетних отношений. Жизнь, которую знала я – знали мы, – осталась в прошлом. И теперь я уже никак не могу это изменить.

Меня преследует прошлое. Отец сказал однажды: «Ты должна выяснить, кто ты такая как личность, Ферн, прежде чем строить отношения. Узнай себя – все остальное приложится».

У меня две сестры и брат, поэтому я хорошо знала саму себя. Дом был шумный, но мы были счастливы, невзирая на обычные перепалки и мелкие огорчения жизни в семье. Мы прислушивались друг к другу, всегда были готовы помочь, я чувствовала ответственность за брата и сестер. Мама называла меня прирожденной переговорщицей и всегда смеялась, когда я утихомиривала спорщиков, неспособных поделить удобное кресло перед телевизором.

В подростковом возрасте я, вторая по возрасту, стала, как ни удивительно, раздвигать границы дозволенного и сводить родителей с ума. Я была настолько уверена в своей правоте, что отказывалась слушать любые советы. Но часто им бывало не до меня, и отец ставил меня на место. Такие периоды шли мне на пользу, помогали увидеть перспективу.

Эйден – другое дело: как единственный ребенок, он был в своей семье пупом земли. Не решил ли он поэтому, что его роль – всегда радовать, никогда не разочаровывать? Только теперь, приближаясь к тридцати годам, он начинает бунтовать против этой роли. А достается от этого бунта мне.

Мой внутренний голос продолжает разговор, внутри звучат слова, которые я просто не могу произнести вслух. «Я не хочу, чтобы ты мне

угождал, Эйден, я просто хочу, чтобы ты был счастлив. Пока мы строим нашу жизнь, я воображаю, что стремлюсь именно к этому. Как видно, именно тогда, когда это стало по-настоящему важно, я потерпела неудачу. Никогда себе не прощу, что так тебя подвела, милый!» Я борюсь с собой, чтобы не разрыдаться.

3. Вечеринка

– Насчет вчерашнего вечера: я совсем не хотел, чтобы...

Мы завтракаем. Эйден сидит напротив меня с виноватым видом.

Я много часов не могла уснуть, а когда наконец забылась, через два часа внезапно проснулась. Лежа в нетерпеливом ожидании рассвета, я подозревала, что он тоже не спит. Мы лежали, отвернувшись друг от друга. Еще никогда в жизни мне не было так одиноко.

– Если мы не можем быть честными друг с другом, значит, что-то всерьез сломалось. Не буду врать, твои слова стали для меня шоком. Но я рада, что тебе хватило смелости их произнести.

– Ты не разочарована во мне? – Эйден уже забыл про завтрак, и хлопья в миске перед ним выглядят все менее аппетитно.

Я мотаю головой, боясь, что мое громкое «нет!» прозвучит неубедительно.

– Как же мы поступим? Тебе нужно время на раздумья, но я пока не разобралась, что ты имеешь в виду.

Накануне вечером он сказал «вне наших отношений», из чего следует, что он не размышляет о трехнедельном уединении со мной в каком-нибудь экзотическом месте.

– Я хочу раздвинуть свои горизонты, испытать то, о чем раньше мог только мечтать. Мир велик. Посмотреть, как живут другие, – это поможет мне поставить в понятный контекст нашу жизнь здесь.

Я старалась и стараюсь облегчить нам жизнь, зная, что у Эйдена стресс. А теперь я слышу в его словах упрек, как будто я делала что-то не так.

Я делаю над собой усилие, чтобы подавить удрученный вздох.

– Что ты, собственно, предлагаешь?

Эйден, глазом не моргнув, отвечает:

– Провести год врозь, пожить самостоятельно. Я утолю свою жажду путешествий. Знаю, тебе неприятна мысль, что ты меня сдерживаешь. Тебе тоже будет полезно выпустить своего внутреннего ребенка, Ферн. Ты это заслужила.

Я не нахожу слов и, глядя на Эйдена, стараюсь справиться с нарастающей резью в животе. Он все переворачивает с ног на голову, ведь это он – виновник хаоса в нашей жизни, а не я. Или он всего лишь надеется собраться с силами и разобраться в себе? Неужели, если этого не произойдет, я его потеряю?

Возможно, моя сила превратилась в мою слабость? Я всегда справляюсь с проблемами, нахожу успешные решения, составляю план действий. Этого Эйден ждет от меня и сейчас, как какого-то производственного проекта. Но так просто проблему не решить, теперь уже мало миновать нелегкий отрезок, задача в том, чтобы вдохнуть жизнь в наш брак.

Спокойно, Ферн! Что такое год? Ты вернешься, у Эйдена пройдет кризис, и ваша жизнь опять твердо встанет на рельсы...

– Что насчет майского банковского дня, нашего выигрыша и дня рождения Ханны? – лепечу я, с трудом подбирая слова. – На ней и объявим...

– ...о нашем «творческом отпуске». Многие так делают, чтобы...

– ...раздвинуть горизонты! – перебиваю его я. Я считаю, что это наше личное дело, о котором не нужно оповещать других.

Как по мне, чем быстрее это начнется, тем скорее кончится. Я все еще в шоке, хотя понимаю, что лучше увидеть в этом приключение. Отпуск, из которого мы оба вернемся и все продолжим с того же места. Есть, правда, реальный шанс, что мы оба изменимся так, как сейчас даже не можем вообразить. Этого Эйден, похоже, не может или не хочет осознать.

Это может показаться поражением с моей стороны, но я этого не хотела. Просто я напугана. Мне нравится моя жизнь, мне всегда всего хватало, Эйдену тоже. Чутье подсказывает мне, что прежняя жизнь канула в прошлое.

* * *

На календаре понедельник, но на сей раз это выходной, и моя младшая сестра Ханна приехала на два дня к родителям. Потом ей предстоит знакомство с семьей ее молодого человека. Родители,

конечно, переживают, потому что все мы чувствуем, что эти отношения серьезнее, чем все предыдущие.

Я? Я рада, что она улыбается, что впервые наслаждается настоящей любовью... Не исключено, правда, что все может закончиться приступом отвращения. Ничего, она уверена в себе и очень неглупа. Убеждена, что она не слетела с тормозов просто потому, что на нее обратил внимание смазливый парень. Уж я-то знаю свою сестренку!

Наш брат Оуэн собирался приехать на семейное торжество, но сейчас он на пехотных учениях в Бреконе – это неотъемлемая часть его военного обучения. Это совсем непросто, и по сравнению с этим наши мелкие проблемы как-то меркнут. Он получает навыки борьбы за свободу – что такое по сравнению с его тяготами мои мелкие затруднения, которые, наверное, иссякнут так же быстро, как возникли!

У нас полно народу: близкие родственники, друзья, коллеги, соседи. Каждый из них приглашен не просто так – каждый участвует в нашей жизни.

– Послушайте объявление! – Стив, муж Джорджии, звенит вилкой о бокал, безуспешно пытаясь привлечь к себе внимание. Вдруг от слишком сильного удара бокал разбивается. Белая футболка бедолаги залита красным вином, осколки летят на пол. У него в пальцах остаются только ножка и дно бокала.

Джорджия сначала не верит своим глазам, потом хватается за моток бумажных полотенец. Пока идет уборка, Стив продолжает:

– Внимание, слушать всем! Без дальнейших предисловий предлагаю послушать Эйдена!

Джорджия, стоя на четвереньках, поднимает на мужа глаза.

– Говорю же, она меня боготворит!

Все встречают его шутку смехом.

Я бы рада тоже прыснуть, но нет, мой взгляд прикован к ненаглядному мужу. Он заметно нервничает. Он повернулся в мою сторону, и я направилась к нему. Он берет меня за руку. Ирония ситуации в том, что, как только мы определились со следующим шагом, все между нами почти что вернулось к норме. Я сжимаю его руку, чтобы подбодрить.

– Единственный, кто не услышит сейчас нашего сообщения, – начинает он, – это брат Ферн, Оуэн. Но мысленно он с нами, хотя

физически штурмует, должно быть, какой-нибудь склон в разгар марш-броска. – Вокруг хихикают. – Для нас обоих очень важно, что все вы здесь сегодня собрались. Мы отмечаем не наш недавний выигрыш в лотерею, а то, как мы ценим главных людей в нашей жизни – родных и друзей. А теперь прошу всех поднять бокалы. – Он улыбается мне, подносит мою руку к своим губам и целует. – Продолжи тост, дорогая.

Мы понимающе переглядываемся. Просто невероятно, как принятое решение изменило Эйдена.

– Мы не можем пожаловаться на судьбу, ведь она подарила нам таких замечательных людей, всегда готовых поддержать нас. Поднимаю этот бокал за вас и в особенности за мою сестренку Ханну, которой на следующей неделе исполнится девятнадцать лет. С днем рождения, сестренка!

Все громко поддерживают меня и чокаются. Неудача Стива забыта.

– Как знаем мы оба, деньги и вещи не делают счастливыми. Когда их нет, это, конечно, проблема – попробуйте в таком случае уломать банк ссудить вам много денег! Мы убедились в этом, ступив на тернистый путь, закончившийся приобретением этого дома. Но благодаря помощи любящих родителей, – я посмотрела в их сторону, подняв бокал, – мы в конце концов вышли на финишную прямую. – Немного поколебавшись, я собираюсь с силами. Мы на это пошли, и сейчас уже поздно отступать. – Теперь мы можем вернуть долг, выкупить закладную и радоваться своему гнездышку. Мечта осуществилась, нам очень повезло. Мы следуем правилу «если можешь, поделись», поэтому намерены сделать взносы в три наших любимых благотворительных фонда. Для нас это очень важно.

По комнате разносится громкое восторженное «ах!».

– Как известно, Эйден неутомимо трудится на благо фонда *Merchant Outreach*, оказывающего финансовую поддержку семьям с детьми-аутистами. Это всегда было для него не только работой, он уделяет этому много своего личного времени. Даже в выходные и в отпуске он продолжает сбор средств. Поэтому мы знаем, на что там пойдут наши деньги. Два других проекта, которые мы поддержим, – это исследования по борьбе с раком у детей и с болезнью Альцгеймера. Последний – в память о бабушке Эйдена, Дейзи.

Мне хлопают. Как чудесно сознавать, что тебя единодушно одобряют!

Эйден поднимает руку, требуя тишины.

– Есть еще одна новость, которой нам не терпится со всеми вами поделиться. – Он смотрит на меня, я киваю, поощряя его продолжать и изображая воодушевление. – Этот выигрыш позволяет нам немного себя побаловать. Мы познакомились совсем молодыми, поженились, как только окончили университет, и тут же впряглись в работу. Это был труд буквально нон-стоп, не дававший передохнуть. Так что вот новость: мы оба позволим себе отдых длиною в год. Это станет для нас обоим шансом предпринять кое-что из наших давних списков дел, которые хорошо было бы исполнить до тех пор, пока мы не завели детей.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Он продолжает:

– Оба мы ждем не дождемся предстоящего приключения. Я намерен путешествовать, у Ферн появится шанс передохнуть, позаботиться о себе. – В его улыбке, предназначенной мне, я вижу обожание, и мне становится не по себе. У Эйдена получается изобразить все так, будто я с энтузиазмом поддержала его идею. На самом деле у меня чувство, что меня загнали в угол. Его воодушевление начинает меня раздражать.

После недолгого колебания Джорджия поднимает бокал, все следуют ее примеру. Когда стихает хор поздравлений, Эйден взмахом руки опять требует тишины. Возможно, все присутствующие успели слегка напиться.

– Речам конец, закуски заждались. Приятного аппетита!

Все устремляются к буфету. Эйден выводит меня в сад. Мы прячемся в тени. Смеркается, вечер волшебный, но я, если честно, уже живу в кошмаре. От реальности никуда не деться, и у меня заранее холодеет спина.

Две недели мы с Эйденем строили планы, а потом настал момент, когда уже нельзя было скрывать нашу новость от членов семьи. Оповещение родителей было непростым делом. Я считала, что, раз Эйден все это придумал, ему все и объяснять. Не обошлось от взлетающих на лоб бровей, но у Эйдена получилось так доходчиво все изложить, что даже у меня немного отлегло от сердца.

Признаться Ханне и Оуэну было проще. Однажды вечером, когда сестра заехала к нам, мы позвонили по Скайпу брату. Меньше всего мне хотелось, чтобы он почувствовал себя оставленным в стороне. Он, конечно, удивился, но сохранил самообладание.

– Гм... Смелое решение. У нас есть причины беспокоиться? – спросил он и усмехнулся – обычная усмешка, сопровождающая у него волнение.

– Конечно нет. Я отправлюсь на автомобиле в Прованс, поживу в тихой деревушке. Группа талантливых художников ведет там на базе отдыха курсы различных традиционных ремесел и рукоделия, от вязания до гравировки. Всем заправляет известный живописец. Я стану помощницей-волонтером, по понедельникам буду работать полный рабочий день, со вторника по пятницу – в первой половине дня. Свободного времени будет хоть отбавляй. А вот у Эйдена более обширные планы.

Я хорошо понимаю, что Эйдено необходимо попутешествовать, иначе ему не избавиться от нестерпимого зуда. Возможно, ему захотелось испытать во взрослом возрасте неизведанное чувство свободы. Разве могла я остаться дома, пытаться жить нормальной жизнью, нетерпеливо ожидая от него новостей? А еще говорят, что выигрыш в лотерею приносит облегчение... Вот я и решила погнаться за собственной ускользающей мечтой, найти себе дело и не переживать, пока мы будем врозь.

В усмешке Ханна я заметила пренебрежение.

– Каждый сам по себе? Целый год? – Она с ужасом уставилась на меня, потом скосила глаза на Эйдена. Где ей было догадаться, что это его выдумка, а не моя! – Свобода – для чего?

Этот язвительный вопрос был задан мне. Вот я и стала злодейкой. Наверное, это потому, что Эйдена она всегда считала безупречным. До сих пор мне это нравилось, но сейчас решение принял он, а не я! Не могла же я объяснить ей, что ему и так несладко, а я просто пытаюсь сократить ущерб.

– В основном чтобы учиться рисунку и живописи. Вообще всему, что пожелаю.

– Ферн, у тебя нет хобби. Ты не из таких.

В этом месте Эйден, ясное дело, пришел мне на выручку. Думаю, он чувствовал себя виноватым. Никому, кроме Ханна, не хватало

смелости высказать все начистоту.

– На протяжении всего нашего супружества Ферн училась, работала и поддерживала мои благотворительные проекты. Сама знаешь, она никому не отказывала в помощи. Свои собственные дела всегда были у нее на последнем месте.

Это отговорка, я недоумевала, почему бы ему просто не сказать им правду: что дело вовсе не во мне. Я просто подыграла его плану в надежде, что он вернется обновленным, готовым двигаться дальше вдвоем. Впрочем, мысль о том, чтобы хоть раз в жизни вырваться на волю, стала нравиться и мне. Я уже предвкушала занятия у художника Нико Галлегоса.

– Просто я удивлена, что вы не нашли что-нибудь для вас обоих, – не отступает Ханна. – Вы же всегда все делаете вместе!

Что ж, с этим не поспоришь.

Эйден не дал мне придумать ответ.

– Ты представляешь свою сестру с рюкзаком на спине? Я собираюсь скитаться по местам, которые раньше и не надеялся увидеть. Думаю, будет подворачиваться и благотворительная работа, а она тоже не предполагает удобств. Мир вообще не очень комфортабелен. Перемены сулят возможности, а такой шанс выпадает раз в жизни.

Я заметила, что он не обмолвился о моем страхе авиаперелетов. Как и о том, что я ни разу в жизни не ступала на палубу корабля. И там, и там я не контролирую ситуацию, и ему давно пришлось с этим смириться. В отпуск мы всегда ездили на машине. Эйден принимал это, потому что он меня любит.

Оуэн кивнул:

– Что ж, удачи вам обоим. Надеюсь, вы вернетесь посвежевшими.

Мы знали, что он все поймет, потому что он – человек дела, экономный на слова. Но Ханна все еще сомневалась.

– Нет, это какая-то чушь! Женатые люди не расстаются на целый год. – Она была расстроена и, может быть, даже напугана.

Я застонала – внутренне, рот оставался на замке, пока в голове не созрел подходящий ответ.

– Мы не расстаемся. Мы будем постоянно поддерживать связь. Вся штука в том, чтобы участвовать в делах другого, не присутствуя рядом физически. У меня будет получасовая поездка в тоннеле, потом

шоссе, вот и все. А Эйден всегда мечтал о дальних краях, он заслужил устроить себе путешествие всей жизни. Я буду наблюдать, чем он занимается, узнавать о том, что он испытывает, но, как всем известно... – Тут мне пришлось умолкнуть – не нашлось подходящих слов. – Одним словом, мне не терпится взяться за кисть. – Я очень старалась, чтобы это прозвучало убедительно, но на самом деле тем, кого приходилось убеждать, была я сама.

– А я подкачаюсь. Это гораздо лучше, чем месяц непрерывных занятий в тренажерном зале.

Эйден весело улыбался: в его воодушевлении нельзя было усомниться.

Ханна просто пожала плечами, переубедить ее было нелегким делом.

– В общем, старайтесь держать всех нас в курсе своих дел. Вы всегда были такими предсказуемыми. Теперь мы не знаем, что и подумать: всем придется переживать из-за ваших безумств. Это мне, младшей в семье, следовало бы ставить всех на уши! – добавила она с неуверенной улыбкой.

Мы с Эйденем были признательны ей за шанс посмеяться.

– С глаз долой – из сердца вон – это не про нас. Будем регулярно о себе сообщать, чем бы ни занялись. Но, думаю, вы можете спокойно отпустить нас на годик, вокруг вас и без нас достаточно народу, чтобы не заскучать. И потом, твоя сестра постоянно будет на телефоне, – ответил Эйден Ханне с комичной серьезностью.

За несколько секунд до конца связи по Скайпу я вдруг ощутила приступ уязвимости. Был ли это страх в одиночку выйти в большой мир? Я отбросила эту мысль, боясь, что она заведет меня не туда, и переключилась на практические заботы.

– Очень вас прошу: берегите себя, пока мы снова не соберемся вместе, хорошо? Главное, будьте внимательны к маме и папе, чтобы им не приходилось все время за нас переживать.

После моей просьбы повисла тишина. Прежде чем Оуэн пропал с экрана, я успела крикнуть:

– Мы тебя любим! Береги себя, Оуэн!

Иногда следующий шаг бывает не только захватывающим, но и пугающим. Никто – включая меня – не думал, что мы с Эйденем устремимся в столь неожиданную сторону. Мечты остаются мечтами,

пока мы сами не решим претворить их в жизнь. Я могла лишь надеяться, что наши с Эйденем совместные решения окажутся верными.

Июль 2018 г. Буа-Сен-Вернон, Прованс

4. На новом месте

Неспешная двухдневная поездка принесла мне, как ни странно, успокоение. Прощание было волнующим – что и понятно, учитывая обстоятельства. Но что такое в наши дни расстояние? С любимыми можно в любую минуту созвониться. Во всяком случае, именно это все твердили, тщательно стараясь не смотреть мне в глаза.

Но мне еще только предстоит осознать реальность этого сценария, потому что я очень боюсь тоски по дому. Что, если что-то случится и ты больше никогда не окажешься рядом с главными в твоей жизни людьми? Это невыносимо, это форменная пытка. Единственный способ – наклеить на лицо улыбку, чтобы никто не знал, что у тебя на самом деле разрывается сердце.

Когда я позвонила Ханне в первый раз, еще не доехав до места, она пыталась сохранять спокойствие, потому что с ней был ее парень, Лиам. Но я все равно поняла, что позвонила не вовремя и что она только изображает вовлеченность. Возможно, она еще меня не простила, а может, у нее просто выдался неважный день.

Лиам чем-то напоминает мне Эйдена в юности. Но он менее импульсивный и ребячливый, чем был Эйден до того, как его придавил груз ответственности.

Я остановилась и стала размышлять о том, как Эйден изменился за все годы после нашего знакомства. От первоначального вдохновения с момента заключения брака и совместной жизни мы с ним перешли к суровой реальности оплаты счетов и борьбы за собственное гнездышко. Не было ли ошибкой так сосредоточиться на целях, которые мы сами себе определили, не это ли его сломило? Не это ли высосало из нашей жизни радость? Трудно выдержать постоянный натиск, когда внутренние часы отсчитывают срок: «Время заводить ребенка, время заводить ребенка...»

Польза от разговора с сестрой в том, что теперь мои тревоги, что Лиам легкомысленно разбил ей сердце, рассеялись. Он понимает, как важна для Ханны я, и очень старается восполнить ей мое отсутствие, что даже трогательно. Гарантий, конечно, нет, но пока что создается впечатление, что они дороги друг другу. Еще мне кажется, что он со

мной осторожничает, потому что чувствует, что на любого, кто сделает моей сестренке больно, обрушится мой страшный гнев.

На самом деле мне не хотелось уезжать, но если бы я осталась, то жизнь без Эйдена была бы невыносимой. У меня было бы чувство, что мы с ним просто разбежались. Так что мне пришлось вспомнить, что я большая девочка, и прочесть самой себе строгую нотацию: либо я буду страдать и устрою себе адский год, либо использую его для личностного роста. Решено: я стану знакомиться с новыми людьми и приобретать новые навыки. К моменту возвращения я стану лучше, моя жизнь обогатится, кругозор расширится, я вырвусь за пределы своего маленького пузыря.

Эйден чувствовал, что он в некотором смысле меня притормаживает, но и я держала его на привязи своими фобиями. От одной мысли о посадке в самолет, о том, что я окажусь в замкнутом пространстве даже для совсем короткого перелета, я бывала близка к обмороку. Однажды я рискнула поплыть на пароме и поплатилась настоящей панической атакой. То же самое чувство попадания в западню и полной беспомощности. Эйден согласился, что это было пугающе для нас обоих: в таком состоянии он меня еще не видел. Он никогда не обвинял меня в том, что из-за меня мы не можем толком путешествовать, и, откровенно говоря, я не могу осуждать его за то, что он не упустил представившуюся возможность. Не исключено, что выигрыш в лотерею был не случайностью, а подсказкой судьбы.

И вот я позволила себе свое собственное маленькое приключение. Впрочем, заезжая на просторный передний двор усадьбы Вернон, я чувствую, что приключение грядет масштабное, отчего у меня в желудке снова просыпается нервная резь. Разглядывая это местечко на карте Google, я не могла представить такого масштаба и воображала всего лишь горстку хозяйственных построек и скромные флигели вокруг главного дома. Но то, что я вижу, – вовсе не деревушка, а нечто гораздо крупнее.

Я останавливаюсь рядом со старым «Ситроеном». Не успеваю захлопнуть дверцу и потянуться, как меня окликают по-английски:

– Как раз вовремя, к ужину! – Ко мне с улыбкой семенит пожилая дама в цветастой одежде. – Добро пожаловать, Ферн, я вас заждалась. Все называют меня Ди-Ди. – От нее прямо-таки исходит позитивная энергия.

Говорит она с легким акцентом, который я пока не могу понять. Ее английский безупречен. Она заключает меня в объятия, как свою старую подругу.

– Как добрались?

– Все прекрасно, благодарю, – отвечаю я ей со всей сердечностью.

– Это замечательно – предоставить себе роскошь поразмыслить в одиночестве, не так ли? Путешествие на автомобиле – отличная прочистка для мозгов, я всегда так считала.

Я киваю, признательная за теплый прием. Моя нервозность уже проходит, я очень рада, что хорошо себя чувствую в обществе первого же встретившего меня человека.

– Когда я была моложе, я несколько раз проводила отпуск в Провансе и рядом с ним. У меня прекрасные воспоминания о тех временах. Хорошо сюда возвращаться!

Для меня понятие «хорошо» подразумевает «...но не так, как раньше».

– Чудесно! Вы так вовремя приехали. Остальные нагрянут завтра, поэтому сегодняшней ужин пройдет в спокойной обстановке. Оставьте пока ваши вещи. Пойдемте.

Я хочу запереть машину, но она говорит через плечо:

– Здесь необязательно что-либо запирайте. Вы скоро освоитесь с нашим расслабленным ритмом жизни. Сюда редко забредают пешие туристы, слишком от всего далеко, а приближающуюся машину слышно задолго до того, как она к нам свернет.

Сам двор перед внушительным замком-шато, вымощенный булыжником, окружен огромными кадками с аккуратно подстриженными вечнозелеными кустами. Осматриваясь по сторонам, я буквально кожей чувствую историю этого места и уже пытаюсь представить людей, прогуливавшихся здесь до меня. Мне понятна радость владельцев, встречавших гостей, которые добирались сюда после долгого утомительного путешествия с известиями из далеких краев.

Меня ведут не к самому шато, а в противоположную сторону, через внутренний двор. Главный дом стоит на пригорке, отделенный от переднего двора невысокой стеной. Напротив удлиненное L-образное одноэтажное здание и еще одна постройка – отдельно стоящий коттедж. Отсюда открывается вид на обширные, насколько хватает

глаз, парк и сад. Вдали виднеются покрытые густым лесом холмы. Все вместе чрезвычайно живописно и создает ощущение уюта и защищенности.

Без сомнения, на обновление этих прекрасных каменных построек было потрачено немало времени, чтобы придать им вид расположенных уступами старинных домиков. В старину здесь, наверное, была ферма, даже конюшни. Я насчитываю шесть дверей на одном фасаде и вижу еще две чуть подальше.

– Какая любопытная планировка! – говорю я, ускоряя шаг, чтобы не отстать от Ди-Ди.

– Да. Когда-то здесь стояла деревушка, но некоторые старые дома так обветшали, что пришлось их снести. Чего тут только не было: пекарня, кузница, склад для фруктов и овощей. Теперь вместо всего этого, конечно, отдельные студии. Внутренняя планировка в каждой своя. Вон там, за садом, – она указывает в дальний угол площади, – наша кузница. Наш кузнец Бастьен неразговорчив, вы сами в этом убедитесь, но пусть вас это не беспокоит. Он – отличный слушатель, а главное, очень надежный. В общем, я познакомлю вас со всеми нашими, а потом, после ужина, вы пойдете устраиваться.

Мне определенно предстоит шок. Не знаю, чего я ждала, но сейчас у меня ощущение, что вокруг меня творится что-то сверхъестественное. Я уже тоскую по дому и по своей устоявшейся рутине, в которой ничего не хотела менять. В горле встает ком, и я откашливаюсь, чтобы с ним разделаться.

«Не глупи, Ферн, – говорю я себе. – Ты же взрослая женщина». Но мне еще не доводилось уезжать так далеко, тем более в одиночку, от моей семьи. Я считаю себя сильной и умелой, просто все мы попадаем порой в ситуации, в которых чувствуем себя уязвимыми. «Дыши глубже!»

– Привет, Ферн! – Один из мужчин встает и идет ко мне с вытянутой рукой. – Я Нико. Добро пожаловать на базу отдыха «Шато Вернон».

У него волнистые черные волосы до плеч и самые темные карие глаза, какие я когда-либо видела. Эти глаза меня гипнотизируют. Ему идет аккуратно подстриженная короткая бородка. По тону электронных писем, которыми мы с ним обменивались, я предполагала, что Нико Галлегос постарше, но на самом деле ему

немногим больше тридцати. Если бы не легкий испанский акцент, он вполне мог бы претендовать на роль мистера Дарси^[1].

Ему присущ несомненный магнетизм, и я боюсь, что не смогу оторвать от него взгляд. Его оливковая кожа и мускулистое телосложение производят сильное впечатление. Назвать его жгучим брюнетом – ничего не сказать. Но тут присутствует что-то еще, какая-то грусть, даже скорбь, усугубляющая загадку.

– Спасибо... Хорошо здесь у вас! – От волнения я с трудом выдавливаю слова. Он берет мою руку, но не пожимает ее, а просто держит обеими руками и смотрит мне прямо в глаза.

– Вы не совсем та, кого я ждал, – отвечает он теми словами, которые хотела произнести – но не произнесла – я сама.

Как ни приятно знакомиться, усталость принуждает меня рано попросить прощения и удалиться. Мое приключение началось.

* * *

Я выкладываю вещи из чемодана на удобную с виду кровать. Моя комната в шато раза в три больше моей спальни дома. Красивый дубовый пол поскрипывает под ногами. Кажется, я еще никогда не ночевала в таких старинных покоях. Я понемногу успокаиваюсь и уже способна оценить обстановку.

Она вполне спартанская. Единственные предметы мебели, кроме кровати, – большой платяной шкаф, вместительный комод и шезлонг – просиженная древность. На тумбочках по обе стороны изголовья кровати стоят изящные ночники в виде стеблей с переплетающимися чугунными листьями: один высотой дюймов тридцать, другой пониже, но идентичный по стилю. Я кладу на одну из тумбочек телефон и переносу в ящики комода аккуратные стопки своих вещей.

Белоснежные стены комнаты приятно контрастируют с темно-коричневой мебелью и паркетом. Весь стиль комнаты очаровательно прост, здесь отдыхаешь душой. Но есть здесь и нечто, выбивающееся из этого стиля, доминирующее, – огромная картина. Кажется, она сейчас возьмет и спрыгнет со стены. От пронзительности красок захватывает дух: это буйство всех оттенков зеленого, нанесенных грубоватыми мазками и образующих зачарованную чашу леса,

рассматриваемую издали. Очевидно, это Буа-Сен-Вернон, но подписана картина не Нико, а неким Хосе.

Я вешаю несколько вещей на плечики и любуюсь резьбой на дверце шкафа. Закрыв дверцу, я провожу кончиками пальцев по резным желудям и бутонам и восхищаюсь тонкой работой.

В следующую секунду я вздрагиваю от громкого стука в дверь.

– Войдите! – кричу я и наблюдаю, как дверь медленно открывается.

Голова, просунутая в щель, принадлежит Сеане Маклей, женщине, ухаживающей за садом и всей территорией.

– Не помешала? – Шотландский акцент придает ее речи тепло и соответствует ее жизнерадостному характеру. Эта краснощекая, жилистая, энергичная женщина производит несколько обманчивое впечатление большой физической силы. Она такая мускулистая, что я смотрю на нее с невольной завистью. Почему каждый год приносит лишний вес? Моя талия сейчас на пару дюймов шире, чем была два-три года назад.

– Нет, я почти закончила. Входите.

– Я хочу попросить вас о большой услуге.

Я удивленно смотрю на Сеану: не представляю, что может быть не по плечу ей, но подвластно мне.

– Да, конечно. – Я сажусь на кровать и жестом предлагаю ей устроиться в шезлонге.

– Шикарная вещь! – хвалит она шезлонг. – Ди-Ди твердит, что заберет его и заново обтянет в мастерской. Да уж, моль наделала в ткани дырок. Когда мы красили здесь стены на прошлой неделе, готовя комнату к вашему приезду, я чуть было не уволокла его к себе.

– Здесь все делают вместе? Я еще понимаю – уроки для приезжих, но как со всем остальным?

– Более-менее то же самое. Нико не берет с нас платы за проживание, только за еду, плюс нам выплачивают равные части прибыли. В ответ мы оказываем всю посильную помощь, кроме проведения занятий.

– Представляю, что помощь очень нужна. Тут полно работы.

Она кивает:

– Он вложил много денег в возвращение усадьбе былой красоты. Летом мы продаем местным жителям излишки нашей продукции – это

тоже прибавка к заработкам. Но деньги для него не проблема, если возникнут трудности, он попросту продаст еще одну картину. Отец оставил ему много полотен, его собственные тоже становятся все популярнее. Слыхали про Хосе Галлегоса? Жаль, что его картины стали цениться уже после его смерти. А вот картины Нико начали раскупать уже сейчас.

Я качаю головой.

Действительно, очень жаль! Семья наверняка от этого страдала. Чудесно, что Нико унаследовал отцовский талант.

– Они не очень ладили. Он говорит, что это из-за денег. Нико последний в семье, своих денег у него нет.

Из-за денег... Деньги не приносят счастья, я не перестаю об этом слышать.

– В общем, – продолжает Сеана, – Антон каждый день приезжает сюда из деревни на велосипеде и помогает полоть сорняки. Некоторые наши гости предпочитают простые занятия и наслаждаются свежим воздухом, а он за ними приглядывает. Это нетрудно, но без этого никак. Не каждый наш гость хочет приобретать новые навыки. Некоторым важнее добрые лица и дружеские слова. Антон большой мастер по этой части, а еще он классный садовник. Его жене сейчас нездоровится, вот Нико и предложил мне попросить вас его заменить. Сможете взять под крылышко парочку наших гостей в первой половине дня, пока не вернется Антон? Вы очень нас выручите.

Я чувствую облегчение.

– Конечно смогу. Уж полоть-то я умею. – Мне уже смешно. – Следить, как полют другие, и того легче. О ком из гостей речь?

– Вот спасибо! Здесь, конечно, курорт, но не удивляйтесь, если вам покажется, что мы не во всем соответствуем этому названию. В рекламе Нико говорится о пяти днях практики в неделю. По выходным занятия не проводятся, но люди могут свободно пользоваться мастерскими. Все нацелено на помощь тем, кому надо отдохнуть от привычной жизни. Большинство так или иначе страдает от стресса, а я в шутку говорю, что это вариант отдыха для тех, кого не устраивает йога. По крайней мере, сейчас это так, хотя в будущем все может измениться. Вы поправите здоровье, потому что вам предстоит активная неделя на свежем воздухе. Подзарядка батареек – вот что это такое. Мы считаем важным, чтобы все чувствовали себя как дома, не

испытывали никакого принуждения, если нуждаются в покое. Здесь хорошо просто гулять, просто сидеть в прохладной тени дерева. Это относится ко всем: к наставникам, к волонтерам, к гостям.

– Приятно слышать! Когда я нашла в интернете это местечко и нажала на клавишу «стать волонтером», я не понимала, что «базу отдыха» можно понимать по-разному. Меня привлек широкий выбор различных интересных предметов. Не говоря о самой местности! Я люблю лес, поэтому подумала, что здесь мне будет спокойно. Мне почудилось что-то знакомое, потому что в детстве меня возили отдыхать в эти края.

Для меня это было наилучшим решением: бесплатное жилье и еда в обмен на помощь. Я сказала Эйдену не переживать, если ему придется истратить больше, чем мы рассчитали на год. При этом плата по счетам на содержание дома в наше отсутствие никуда не делась. А главное, у меня чувство, что я буду делать что-то полезное и что я не просто упорхнула из нашего семейного гнездышка.

Сеана встает:

– Я все понимаю. Для вас это полная перемена в образе жизни. Но с Нико очень легко ладить. Думаю, вам у нас понравится, Ферн. Подходящего для нас человека всегда видно сразу. – Она ободряюще улыбается. – Новенькие приезжают на автобусе в понедельник днем. Изредка кто-то приезжает на машине, но большинство прилетает, дальше их забирают в аэропорту. Они устраиваются у нас и наскоро обедают. Под вечер немного учебы или труда. Всегда находится пара-другая новичков, предпочитающих уроку овощеводства простую прополку.

Я не удерживаюсь от хохота:

– Простите! Моя мать была бы сильно удивлена своей дочерью. Сама она часами возится в саду. Бóльшую часть детства я нехотя ей помогала. Отсюда мои познания в трудном ремесле прополки.

Сеана усмехается.

– Бóльшая часть нашей еды растет у нас на грядках. Скотиной занимается кузнец Бастьен, рыбу ловит Тейлор: в лесу есть озеро, так что вы можете принять участие в вылове ужина, если в вечернем меню обещана рыба. – Она идет к двери, уже берется за отполированную медную ручку, но снова оглядывается. Видно, что она колеблется. – Нико – прелесть, он просто пылкий человек, но иногда бывает

вспыльчивым. Не без скачков настроения. Если у него неприступный вид, то лучше оставить его в покое. Ну, вы меня понимаете.

– Благодарю за подсказки, Сеана. В высшей степени полезно!

– Спокойной ночи, – говорит она уже из двери. – Завтрак в восемь утра.

Я жду, пока закроется дверь, и проверяю телефон, чтобы узнать получил ли Эйден мое сообщение. Он летит в Австралию, чтобы начать свое приключение в стране, о которой всегда грезил.

«Рад, что ты добралась живой и невредимой. Через час у меня посадка и последний перелет. Выспись хорошенько. Люблю и скучаю».

Он отправил это сообщение всего двадцать минут назад. Возможно, раньше не было связи, но для меня странно не иметь возможности общаться с ним напрямую. Мы разлучились добровольно, но инициативу проявил Эйден. Я не могу избавиться от чувства, что он меня подвел.

Я ложусь и смотрю в сводчатый потолок. Вокруг широкой люстры ползает черная точка. Паучок предпринял грандиозное путешествие, и я хорошо понимаю, что он чувствует.

5. Нахожу свой путь

После завтрака все готовится встречать гостей. Нико хочет обсудить со мной мой рабочий график. Он намерен провести для меня обзорную экскурсию, но ему только что позвонили, и он вынужден куда-то бежать. Я остаюсь одна и слоняюсь без дела, дожидаясь его возвращения.

Внутри каменное здание почти лишено перегородок. Половину потолка занимает нечто вроде чердака: там виднеется какое-то ржавое железо. Наверное, раньше там был сеновал. Каменный пол изрядно истоптан, но все остальное здесь вовсе не ветхое, отдает простой, чистой, аккуратной деревней.

Я отхожу к дальней стене. Большой обеденный стол выглядит в огромном помещении гостинной одиноко. Стулья и табуреты всех размеров и форм, гулкую акустику смягчает парочка диванов.

В одном углу уютится что-то вроде библиотеки – книги и журналы, здесь же столик для чаепития – на нем предусмотрено все необходимое для приготовления кофе. Я вижу перед собой две двери. За одной туалет и душевая, за второй кухня. Я удивленно вижу весело улыбающееся лицо.

– А, новенькая! – Полная француженка во всем черном загружает одну из двух посудомоечных машин.

– Бонжур, я Ферн, Ферн Уаймен, – представляюсь я. Она прерывает свое занятие и поворачивается ко мне.

– Марго Брессан. Надеюсь, вы всеядная? – Она внимательно смотрит на меня.

– О да, мне просто угодить.

Она кивает. Мой французский оставляет желать лучшего, но я давно убедилась, что если позволить себе произнести хотя бы несколько французских слов, то создастся обманчивое впечатление, что я бегло владею языком. На самом деле я не могу уследить за быстрой французской речью, улавливая максимум некоторые обрывки. Попробуй поддержи разговор при таких плачевных навыках!

Я стою в симпатичной, полностью оборудованной кухне. Блеск нержавеющей стали и кафеля слепит глаза.

– Я прочла на сайте, что вы всю неделю даете уроки кулинарии. Она ополаскивает в раковине руки, вытирает их полотенцем и делает шаг ко мне.

– Да, обожаю учить.

Мы понимающе усмехаемся.

– Я бы к вам походила, если не потребуюсь где-то еще. Если честно, повариха из меня неважная, мне есть чему поучиться.

Мои слова ее насмешили.

– Я научу вас печь самые лучшие круассаны и булочки, даю слово.

Наш разговор прерывает мужской голос:

– Вот вы где, Ферн!

Нико входит в кухню и обращается по-французски к Марго. Я понимаю не все, но достаточно: они обсуждают сегодняшние блюда. Потом он поворачивается и разглядывает меня, прежде чем встретиться со мной взглядом.

– Давайте пройдемся и поговорим.

Я прощаюсь с Марго и выхожу следом за Нико на утреннее солнышко.

– Извините, что заставил вас ждать, Ферн. Всегда появляются какие-то важные заботы. Сегодня сломался грузовик, когда вез в город нашу свежую продукцию. На счастье, в местной автомастерской его быстро приведут в порядок. Надеюсь, вы хорошо спали?

Он выводит меня на середину двора.

– Хорошо, спасибо.

Его темные, полные загадки глаза смотрят очень внимательно. Чутье подсказывает мне, что бесы, обуревающие этого человека, шалют очень близко к поверхности. Для такого молодого мужчины у него слишком морщинистое лицо. Хмурится он чаще, чем улыбается.

– Расстаться на целый год с такой важной работой – серьезное решение. Надеюсь, вы найдете здесь то, что ищете.

Теперь мы смотрим друг другу в глаза, и я вижу, что это не простое любопытство, что его всерьез интересуют мои мотивы. Я еще не готова объяснять свою ситуацию, поэтому предлагаю ее смягченный вариант.

– Пришло время вспомнить о своем творческом прошлом. В детстве я любила рисовать, но, повзрослев, никогда еще не имела возможности по-настоящему разобраться в себе с этой стороны.

Вижу, его не обведешь вокруг пальца, но при этом не думаю, что он станет на меня давить.

– У вас будет много времени, чтоб все начать сначала. Судя по вашим письмам, вы интересуетесь несколькими ремеслами, которым мы здесь учим. Сеана очень рада, что вы готовы помогать ей в саду до возвращения Антона. Заниматься землей и заставлять ее плодоносить – главное в нашем здешнем образе жизни, поэтому мы всех привлекаем к этому в летние месяцы. Я твердо верю, что свежий воздух и природа исцеляют.

Для испанца у него почти незаметный акцент. Наверное, он давно не жил в родном краю.

– Здесь, в этом чудесном уголке, с вами невозможно спорить. Дома выбираться на природу удастся только по выходным. Я мало что знаю об уходе за растениями, но полна желаний научиться.

Он останавливается и поворачивается ко мне. По-моему, он пытается во мне разобраться – совсем как я в нем.

– Прекрасно. Я внесу работу в саду в ваше утреннее расписание на первую неделю. Думаю, для начала вам будет полезно поработать бок о бок с Сеаной. Днем я с радостью приглашаю вас на занятия живописью. Как только выяснится, каковы ваши навыки и интересы, я начну заниматься с вами индивидуально. К вам будут относиться как к члену коллектива. Надеюсь, когда пролетит год, вы почувствуете, что многое приобрели от участия в этой программе.

– Спасибо за этот великолепный шанс, я готова усердно трудиться, чтобы не ударить в грязь лицом. Уверена, многие с радостью махнули бы рукой на свою повседневную рутину и посвятили бы год изучению своих внутренних побуждений. Не обещаю, что во мне притаилось скрытое дарование, но мне всегда очень нравилось выделять время для того, чтобы посидеть с карандашом и блокнотом. Скажу честно, в школе было мало уроков рисования, да и те, что были, не слишком меня привлекали, зато дома, оставаясь одна, я давала себе волю...

Он качает головой, сверкая глазами.

– До чего грустно это слышать! Наши способности лежат глубоко в нас, пока не появляется шанс проявить свою творческую сущность. Не надо бы ее подавлять! Любой глаз по-своему воспринимает действительность. Искусство – способ уловить и сохранить эту

уникальность. – Нико говорит отрывисто, в его голосе слышен гнев, он возмущен тем, в чем видит колоссальную несправедливость. – Настоящий художник слушается своего сердца, а не просто силится произвести впечатление или угодить покупателю. Коммерция часто становится убийцей творчества. Я это знаю, я прошел этот путь.

– Соблюдение жестких сроков – источник лютого стресса, – подхватываю я. – Творческий порыв не включишь и не выключишь по своему хотению, верно?

– Ни за что! Не сомневайтесь, Ферн, здесь мы докопаемся до вашей внутренней музыки. Большинство людей видят в этом освобождение. Уверен, это произойдет и с вами. Живопись ради удовольствия – чудесный способ расслабления в нашем озабоченном мире. Порой это становится не просто хобби. Получится ли так с вами – покажет время.

Я околдована его словами. Околдована и вдохновлена. Нико – пылкий человек, но при такой решительности, при таком напоре можно вдохновлять и одновременно жестко ставить задачу. По словам Сеаны, он один как перст, никто, никакая родня не способна подарить ему ощущение близости. Поэтому я догадываюсь, что работа и эта маленькая община составляют весь смысл его существования. Похоже, он отрезал себя от мира, от возможности выстроить жизнь на пару с другим человеком. Почему, хотелось бы мне знать?

Меня переполняет сочувствие, я догадываюсь, что здесь кроется жизнь, полная боли и, наверное, сожаления. Если Нико и замечает мою спонтанную реакцию, то не подает виду – и хорошо, она мимолетна. Это обратная сторона интуиции; порой мне кажется, что я без разрешения вторгаюсь на чужую территорию, как наглый соглядатай.

– Вы видели нашу кухню и гостиную, под них мы отвели первый из бывших сараев в L-образном доме. Во втором столярная мастерская: там заправляет Тейлор Гамильтон. Еще он использует для своих нужд один из двух открытых навесов в саду. В оставшейся части Бастьен Карон развернул свою кузницу.

Я пробегаю глазами по веренице дверей в доме, о котором рассказывает Нико.

– Дальше гончарная мастерская и камера обжига Одиль Моро, еще дальше – студия кройки и шитья Ди-Ди. Она же пока что заведует нашей комнатой ремесел и рукоделия. Студия живописи занимает два

угловых помещения. Я провожу там часть моих занятий, но в теплое время года часто отправляюсь с учениками на этюды на озеро или в лес.

Слышно, как приближается, пыхтя выхлопом, автомобиль. Белый грузовик заезжает во двор и тормозит у входа. Водитель спрыгивает на землю и приветственно машет Нико. Тот в ответ поднимает вверх ладонь.

– В дальнем конце, – продолжает он рассказ, опять поворачиваясь ко мне, – две секции и отдельное строение – это жилые помещения. Комнаты преподавателей находятся, как вам уже известно, на втором этаже шато, только у Бастьена две комнаты в «малом доме», который мы называем коттеджем. А сам я живу на первом этаже, в задней части шато.

Это сооружение я еще не полностью обошла, отсюда мое нескрываемое любопытство.

– Гостей никогда не поселяют в главном доме?

– Бывает, но редко, хотя там на первом этаже всегда готовы восемь комнат. Всего во дворе шестнадцать комнат, не припомню, когда последний раз их не хватало. Мы аккуратно соблюдаем баланс между персонифицированным интерактивным опытом наших гостей и надежным заработком всех работающих здесь. На Рождество мы закрываемся на три недели, но весь остальной год наши преподаватели так распределяют отпуска, чтобы мы могли не закрываться.

Я отдаю должное тому, какую тяжесть взвалил на свои плечи этот человек. Наверное, он относится к шато как к своему святилищу. Понятно, почему другим преподавателям хочется иметь личное пространство для отдыха в конце дня. В конце концов, здесь их дом.

– Все очень разумно, Нико. И планировка замечательная!

Судя по выражению лица, ему хочется свернуть наш разговор. Он все время поглядывает на грузовик. Водитель куда-то исчез.

– Хотите заглянуть в мастерские? Узнаете, как там все устроено и что там есть. – Сказав это, он зашагал прочь.

Будь на месте Нико любой другой, такое завершение разговора можно было бы счесть невежливостью. Но его голова пухнет от мыслей – это ясно любому. Разобравшись с одним пунктом из своего мысленного списка, он немедленно приступает к следующему. Сейчас

он озабочен тем, чтобы выяснить, что не так с грузовиком и успешно ли доставлена продукция.

Любопытство гонит меня к угловой мастерской живописи. Отодвинув задвижку на двери, я попадаю в просторное помещение под плоским, в отличие от гостиной и кухни, потолком. Лесенка справа ведет в мезонин. Я поднимаюсь по ней, слушая звук собственных шагов.

Я попадаю в кавардак из табуретов и мольбертов, среди которого тонет столик под мятой темно-синей шелковой скатертью. Ее помятость напоминает рябь на море. На краю столика стоит блюдо с зелеными яблоками и нежно-желтыми грушами – несомненно, из здешнего сада. На одной груше осталась веточка с листьями. Нико повернул веточку так, чтобы она закрывала все белое керамическое блюдо. Куда ни глянь, всюду заметно внимание Нико к мельчайшим деталям. Мне даже видится в этом какая-то маниакальность.

Маниакальность... Это слово почему-то меня настораживает. Что мне в нем чудится? Не паранойя ли это? Вся моя жизнь перевернулась вверх дном, все вокруг меня – совершенно новый опыт. Этот год открытий, как выразился Эйден, – все равно что открывшаяся дверь в новый мир. Я не хочу ее распахивать, потому что раньше не испытывала в этом потребности. Я была довольна жизнью. Что в этом плохого? Не всем быть искателями приключений, но просто довольство тем, что у меня есть, меня больше не устраивает. Совершенно не устраивает!

– Мир сходит с ума? – громко кричу я. Эхо от моего голоса мечется по пустой мастерской.

Ощущение обязательности, необходимости прыгнуть выше головы – вот что оторвало от меня мужа, и как бы не навсегда!

Я торопливо достаю из кармана телефон, не нахожу новых сообщений и начинаю писать:

«Новости на сегодня: я стою в мастерской художника и жду не дождусь, чтобы усесться с кистью или с карандашом в руке и с чистым листом бумаги передо мной. Путешествие началось».

Пальцы автоматически набирают текст, я признаюсь, как сильно по нему скучаю, но, не дописав, прерываюсь и по одной стираю буквы. Если Эйден перерос меня, перерос нашу любовь, то мне остается только отдать себе в этом отчет. Я еще не догадываюсь, как именно это

сделать. Ведь он для меня – все. Он – центр моего мира, причина, по которой я встаю по утрам. Но его больше нет рядом, и у меня чувство, что не стало частички меня самой.

* * *

После приезда автобуса начинается суета. Люди, чемоданы, ручной багаж, какофония звуков... Впрочем, все держатся вместе, и я следую полученным инструкциям: помогаю разнести по комнатам вещи, а потом возвращаюсь в гостиную, чтобы помочь в столовой.

Марго выстраивает на длинном столе баррикаду из яств, в чем ей помогают несколько преподавателей. Сеана подходит ко мне и, пока я раздвигаю подносы, заводит разговор:

– Нико говорит, что среди приехавших есть девушка по имени Келли. Не знаю, заметили ли вы ее. Бледная, руки в браслетах и в татуировках драконов. Ей восемнадцать лет, он просит нас за ней приглядеть.

Она вскидывает брови, я киваю.

– Я отнесла ее чемодан. Она поселилась в коттедже.

– Если не возражаете, сегодня она побудет с вами. К вам может присоединиться еще одна женщина, Патриция. Она очень сдержанная, даже робкая. Келли неразговорчива, как вы, возможно, заметили, так что, думаю, получится неплохо. Не волнуйтесь, если Келли уйдет в себя. Пусть осваивается. Если вас что-то смутит, дайте мне знать.

– Жаль, что в группе нет ее сверстников. Она может почувствовать себя одиноко. – Я удивлена, что такая база отдыха приглянулась почти подростку.

– Мы часто убеждаемся, что возраст не играет роли. Выпадая из обычной рутины, люди пробуют необычные способы общения.

– Можно задать вам личный вопрос, Сеана?

Она кладет на расчищенное место на столе сырную доску.

– Спрашивайте о чем хотите, у меня нет секретов, – шепчет она.

– Я знаю, что вы садовник, а кто еще?

Она выпрямляет спину и чеканит:

– Еще я заведу психическим здоровьем и благополучием гостей.

Я киваю, и она возвращается в кухню.

Почему судьба забросила меня именно сюда? Вибрация на бедре заставляет меня спешно сунуть руку в карман.

«Моя первая новость: я на месте, и я в порядке. Познакомился с парой парней, они едут на разработки опалов. Подожду пару-тройку дней, но не уверен, что меня позовут. Наслаждайся уроками рисования. Я свяжусь с тобой, как только смогу. Скучаю по тебе, милая. Люблю тебя».

Я смотрю на сообщение, ужасно разочарованная. Добыча опалов? Вот, значит, как Эйден собирается избавляться от своей проблемы? Он с ума сошел, что ли? О добыче опалов в Австралии я знаю одно: это опасное занятие.

Я разрываюсь между тревогой и злостью из-за того, что мой любимый мужчина способен на такое глупое решение. К тому же с ним чужие люди! Это чревато бедой. Как я узнаю, если он угодит в переплет?

Эйден пытается придать своей жизни смысл – жизни, которую он вдруг счел слишком обыденной. А я махнула на него рукой. Надо было его отговорить, я ведь знала, какой у него сильный стресс. А стресс влияет не только на организм, но и на психику. Неудивительно, что меня саму качает, как тростинку на ветру.

6. Принятие

Пока все едят, Сеана показывает мне, где хранится садовый инвентарь. Я уже готовлюсь к первому коллективному занятию на неделе. Мы минуем сад, и я впервые вижу огород, оказывающийся очень большим. Вдаль тянутся бесчисленные грядки, и эта картина, если честно, действует на меня устрашающе.

– Вот это масштабы! Неожиданно! Где мне начинать?

Она смеется:

– Не бойтесь, ваша задача – грядки лекарственных растений. Идемте!

Пока мы идем к дощатым навесам, меня не покидает тоска, навеянная сообщением Эйдена. Смогу ли я добросовестно трудиться, пока душой и телом нахожусь совсем в другом месте?

Сеана, оглянувшись на меня, видит мое уныние.

– Не все так плохо, уверяю вас. Грядки сформированы, вы просто будете двигаться с тяпкой вдоль одной, потом вдоль другой. Работа трудоемкая, зато приносит удовлетворение. Инвентарь вот здесь, больше вам сегодня ничего не понадобится. Главное, убедитесь, что дамы отличают сорняки от культурных растений. Я вам растолкую, какие бывают сорта.

Это весьма насущная помощь, потому что некоторые сорта кажутся на вид бесполезными, но Сеана объясняет, что травы растут не так аккуратно, как другие культуры. Одни кустятся, другие переукореняются и сильно разрастаются.

– Дай волю, например, мяте – и она все заполонит. Поэтому применяются деревянные перегородки, мешающие разрастаться ее корням... Как настроение?

– Как будто неплохо, – бормочу я.

– Я бы так не сказала.

Я удрученно киваю.

– Прежняя профессия научила меня, что проблемой бывает полезно поделиться. Все сказанное останется между нами, Ферн. Вы можете мне доверять.

– Дело не в доверии, Сеана, а в том, что я сама перестала понимать, что происходит в моей жизни, – грустно сознаюсь я.

Она молчит. Я машинально вытягиваю из земли сорняк-другой.

– Дело в моем муже. У него очень напряженная работа. Он – сотрудник благотворительной организации, на нем серьезная ответственность. У него не остается свободного времени, он весь в работе. Отсюда стресс, и боюсь, как умственный, так и физический. Сейчас он путешествует, но меня удручает не это... – Я прикусываю язык.

Сеана внимательно смотрит на меня:

– Вы решили сделать перерыв, чтобы разобраться в ваших чувствах?

– Нет, мы решили, то есть ОН решил, что мы устроим себе годичный отпуск. В молодости это было нам недоступно: закончив университет, мы оба бросились зарабатывать деньги, чтобы расплатиться за закладную. Недавно мы неожиданно получили кое-какие деньги, вот Эйден и решил... о, если честно, я понятия не имею, как ему пришла эта безумная идея – отправиться в самостоятельное путешествие. Он сказал, что нам надо изучить самих себя, что бы это ни значило. Ему захотелось путешествовать, а я не летаю на самолете и не плаваю на корабле. От мысли, что я перестала контролировать окружающее меня пространство, у меня начинается паническая атака. Из-за этого набор маршрутов резко сокращается. Сейчас он скитается с рюкзаком по Австралии, познакомился там с каким-то парнями, занимающимися добычей опалов. Опалы, представляете?

Я хрипну от огорчения. На самом деле это большое облегчение – выложить все начистоту, хотя я подозреваю, что шокировала Сеану. Не хочу создавать у нее впечатление, что приехала сюда не по тем причинам, которые указывала в своих письмах. Мне действительно хотелось выявить в себе творческую жилку, которую я всегда подавляла – уж больно нетребовательной она была. Я работала, получала профессию, занималась домом – в сутках не хватало времени на всё. Время на Эйдена и на мою семью приходилось выкраивать с большим трудом.

В междурядье растет гора вырванных мной сорняков, а я все не унимаюсь.

– Я знаю, чего вам недостает, Ферн: ПРИНЯТИЯ. Поразмыслите об этом сегодня за работой.

Она идет дальше, я машинально следую за ней. Принятие? Вряд ли махнуть рукой на чужие проблемы – эффективная тактика психологического консультирования. Или это надежда на шок?

* * *

– Берите перчатки, леди. Вот это – если кто-то не знает – называется «тяпка». – Я дружески улыбаюсь обеим моим подопечным.

Патриция и Келли смотрят на меня не так воодушевленно, как я надеялась.

– Мы посвятим два часа прополке. Я сегодня уже поработала. Как вы убедитесь, распознать сорняки не составляет труда. Узнаете эти культуры?

Я пытаюсь установить с ними контакт, но по виду Келли ясно, что она не горит желанием идти мне навстречу. Ее небрежность смущает Патрицию, с виду весьма сдержанную, даже скрытную особу. Повинуясь моему взгляду, больше похожему на молчаливую мольбу, она говорит:

– Я справлюсь, сама кое-что выращиваю дома в огороде: салат летом, немного картофеля. Кажется, здешние травы мне знакомы.

– Отлично! Как насчет тебя, Келли?

– Ага.

Немногословно!

– Давайте так: одна встает на одном конце, вторая на другом, я беру на себя середину.

Келли хватает голой рукой тяпку и уходит на дальний конец грядки. Оттуда она ничего не услышит, из чего я делаю вывод, что ей хочется одиночества.

Я кошусь на Патрицию, та видит, что я провожаю взглядом Келли.

– Бедняжка! – говорит она.

Я киваю и тихо отвечаю:

– Думаю, свежий воздух пойдет ей на пользу.

Не хотелось бы, чтобы Келли знала, что мы ее обсуждаем, но Патриция и не собирается: она молча принимается за работу.

Исподтишка поглядывая на Келли, я удивляюсь, как активно она взялась за дело. Работа кропотливая, потому что травы, в отличие от овощей, высаженных прямыми рядами и не мешающих прополке, растут как попало. Розмарин представляет собой кустики, в тени которых вольготно чувствуют себя сорняки, а лимонная мята, наоборот, прибита дождем к земле. Но я отдаю должное Келли: она не халтурит и не менее старательна, чем Патриция или я.

В четыре часа мы закругляемся. Идти обратно молча как-то странно, поэтому я заговариваю первая:

– Я сама новенькая, только вчера приехала. На то, чтобы привыкнуть, нужно время.

Я не рассчитываю на реакцию, но Келли меня удивляет.

– В гостиной висит гитара, – сообщает она. – В списке занятий не было музыки, а жаль.

Любопытно!

– Действительно, жаль. Но раз есть гитара, значит, кто-то на ней играет. Если хочешь, я могу узнать.

– Спасибо, было бы славно.

Я вижу на лице Патриции улыбку. Считанные часы не особо тяжелого физического труда творят чудеса!

* * *

– Привет, Ферн! Как ты там?

Это Оуэн. Я откидываюсь в шезлонге, закрываю глаза и представляю себе лукавую улыбку брата.

– Я хорошо, рада слышать твой голос. Как учеба?

– Не передохнуть. Но конец уже виден. Ты не поверишь, у меня теперь кубики на животе.

Моего брата превращают в воина! Такую подготовку выдерживают только самые упертые, но решимости ему всегда было не занимать, надо было только определить, чего ему хочется больше всего.

– Чудеса! Надеюсь, вас хорошо кормят. – Сомневаюсь, что узнаю при следующей встрече своего подтянутого братца, бывшего домоседа, любителя компьютерных игр.

– Если честно, я хожу голодный и уминаю подчистую все, что кладут. Ничего, все съедобно. Несколько дней мы проведем на полигоне Солсбери-Плейн, вот я и решил справиться перед отъездом о тебе. Странновато, наверное, оказаться оторванной от всех?

Знаю, Оуэн за меня беспокоится, но не в его правилах в этом сознаваться.

– Здесь хорошо! Днем я возилась в огороде вместе с двумя другими новенькими. Завтра утром то же самое, зато днем я впервые за много лет сяду за мольберт. Горю от нетерпения!

Он смеется.

– Что тебя насмешило?

– Пытаюсь представить, как ты в порядке исключения делаешь то, что хочешь сама. Давно пора!

Да, делаю – потому что я здесь. Если бы я осталась дома, то...

– С тобой не соскучишься, Ферн. Обещай мне, что в этот раз ты расслабишься и получишь удовольствие. Хватит возиться с Эйденом и тревожиться за всех нас. Мы можем сами о себе позаботиться – каждый в определенной степени. Ханна тебе не перезвонила, хотя обещала, потому что помогает Лиаму у него в квартире. Я сам ей только что звонил, и ей совсем не хотелось мне отвечать. Бедный, он не знает, во что влип. Наша сестренка – не сахар!

Я вздыхаю:

– Я так и думала, что она никак не простит мне отъезд во Францию. Она уже немаленькая, если ты не заметил. Пора обходиться с ней уважительно, – сурово наставляю я брата.

– Она продолжает витать в облаках. Она тоже будет скучать по Эйдену. А вообще, она всегда была здоровенной занозой у меня в... я хотел сказать, закладкой у меня в книге. С младшими всегда так.

Он, конечно, несправедлив к ней. Уверена, каждый случай неповторим, хотя в отношении Ханны он отчасти прав.

– Она возьмется за ум, – продолжает он. – Успокойся, она жива-здоровая. Знаю, ты там места себе не находишь.

Забавно, что мой суровый братец способен, оказывается, на сочувствие, тогда как у сестренки один способ справляться с темами, связанными с эмоциями, – отворачиваться от них.

– Спасибо, что ты такой внимательный, Оуэн. Думаю, одним из уроков предстоящего года будет для меня наука отходить в сторону и

оставаться равнодушной. Но знай, ты всегда можешь на меня положиться.

Не хочу настаивать, потому что очень надеюсь, что моя помощь ему не понадобится – во всяком случае, экстренная. Мне нужна уверенность, что он не ошибся с карьерой, что проявит благоразумие и не станет рисковать. Он всегда был позитивным парнем, а теперь наращивает это свое качество при помощи армии, укрепляет свою выносливость.

– Опять ты за свое! Всего два дня отсутствуешь – и уже волнуешься. Слушай, мне пора, тут еще двое в очереди, я их задерживаю. – Слышен смех. – Все, пока!

– Ступай, не обращай на меня внимания. Напиши или позвони, когда вернешься из Солсбери. Спасибо, Оуэн, я попробую последовать твоему совету. Люблю тебя. Береги себя!

– Обязательно. Пока, Ферн.

Щелчок.

Воздух вокруг меня становится легче и прозрачнее. Пускай младшая сестра мне грубит, главное, чтобы она была счастлива. Что до брата, то он всегда был моей главной опорой. Рано или поздно он найдет достойную его женщину, а пока его сбережет хорошая голова на плечах. Я все время забываю, что Ханне всего девятнадцать, она только на год старше Келли.

Оуэн в свои двадцать четыре года, конечно, гораздо более зрелый человек, чем она, хотя она еще не успела поучиться в университете. Мама с папой всегда рядом, всегда готовы всех нас выслушивать, но это как раз те вещи, которыми не хочется делиться с родителями из страха их взволновать. Что ж, по крайней мере, я получила от брата честный, непредвзятый совет.

Прежде чем спуститься к ужину, я успеваю посмотреть в интернете, что представляет собой добыча опалов в Австралии. Я уже заносу палец, но он почему-то набирает слово «принятие». Несколько часов оно не выходило у меня из головы. Я знаю его смысл, но не знаю, почему Сеана усмотрела в этом решение.

«В психологии принятие – признание человеком реальности той или иной ситуации».

Велика премудрость!

Я скольжу вниз по экрану. Синонимы: согласие, признание, одобрение. Антонимы: несогласие, отвержение, отрицание. Вот это отражает мои ощущения!

Я привыкла все держать под контролем; я все время управляю людьми и ситуациями дома и на работе. Откуда тут взяться принятию ситуации, с любой точки зрения не имеющей ни малейшего смысла? Эйден не может объяснить свои чувства. По мнению моей семьи и вообще всех наших знакомых, год врозь, не как семья, – это форменная нелепость. За это время мы еще больше отделимся друг от друга.

Подступает головная боль, потому что этот внутренний диалог не прекращается ни на минуту, стоит мне остаться без дела.

Я печатаю в строке поиска «добыча опалов в Австралии» и начинаю читать. Первая же реакция: лучше бы я этого не делала.

7. Татуировка дракона

Многого я от вчерашнего вечера не ждала, но после волнующего общения с братом на меня хорошо действует большая группа людей. Ничто так не способствует сближению незнакомых людей, как совместный прием пищи в конце дня. Потом Нико принялся знакомить сидевших вокруг стола. Каждый должен был дать представление о себе одной короткой фразой.

Любопытно было наблюдать, как неважно у людей получается такого рода «самообобщение». Некоторым это давалось очень трудно, другие просили дать им дополнительное время. В итоге процесс затянулся.

Лично у меня затруднений не возникло.

– Мой муж и я, – сказала я, – взяли год на то, чтобы по отдельности разобраться в самих себе, прежде чем перейти к следующей стадии совместной жизни. Некоторые, допустим, вскинули брови, но тут же переключили внимание на следующего отвечающего.

Келли, сидевшая рядом со мной, сказала:

– Я нахожусь в поисках, сама не знаю, чего ищу, пока не найду.

Все оценили ее обнаженную искренность.

То, как описал себя Нико, тоже всех взволновало.

– Я – художник, бьющийся за контроль за своими творениями, но так, чтобы не убить свою непосредственность.

Потом мы неспешно пили кофе; некоторые отправились прогуляться, некоторые ушли к себе, в гостиной задержалась всего лишь небольшая группа. Келли осталась сидеть, и мне не захотелось оставлять ее одну, как бы ни подмывало уйти и пораньше завалиться спать.

Она спросила меня, трудно ли было разлучиться с семьей, и я почувствовала в ее вопросе непритворный интерес.

– Да, нелегко, – стала отвечать я. – Эйден, мой муж, отправился бродить по свету с рюкзаком. Ему всегда хотелось забраться куда подальше, а я, к несчастью, не летаю на самолете. Оуэн, мой брат, недавно записался в армию и сейчас проходит тренировку в учебном лагере новобранцев. Ханна, младшая сестра, в октябре поступила в

университет Кардиффа. Она сняла дом с еще тремя сокурсницами, все они в свободное от учебы время подрабатывают. Так что мне было в самый раз предпринять то, что мне по душе. Больше всего мне сейчас хочется взяться за кисть.

Келли искренне удивилась:

– Наверное, вы с мужем очень друг другу доверяете. Мои родители живут как кошка с собакой, но ленятся что-то предпринять. Расставание – большая возня, хотя оставаться вместе... – Она задумывается. – Это тоже возня. Все вместе называется «жизнь».

– Несладко тебе приходится! Представляю, каково присутствовать при отношениях, дающих сбой. Даже когда люди ладят, это не каждому под силу.

– Вот именно, сущий ад! Когда они ссорятся, я пытаюсь отключиться: надеваю наушники, врубаю музыку. У меня двое братьев, но я младшая, дома остался жить только один.

На этом наш разговор прервался: кто-то предложил перекинуться в карты, и мы глазом не успели моргнуть, как оказались среди картежников.

Келли была не против, я тоже. Разбрелись уже после одиннадцати, и только тогда я вспомнила, что собиралась узнать про гитару. Решив, что музыка важна для Келли, я сделала себе мысленную заметку навести справки с утра.

Помню, как упала головой на подушку, как вздохнула – на этом воспоминания обрываются.

* * *

– Нико, прежде чем отправиться на прополку, позвольте у вас спросить: чья эта гитара в гостиной? Келли говорила, что любит музыку, возможно, она даже играет. Нет ли у кого-нибудь из наставников музыкального опыта?

Он удивленно смотрит на меня:

– Тейлор – хороший музыкант в жанре кантри. Я тоже немного поигрываю, но не настолько, чтобы кого-то учить. Спросите его сами, уверен, он не откажет.

– Отлично, так и сделаю, спасибо.

Мы улыбаемся друг другу на прощание, и я иду искать Сеану. Интересно, с кем выдастся трудиться сегодня? Во дворе я сразу замечаю ее.

Сегодня в моей бригаде четыре человека: двое вчерашних картежников, Келли и Патриция.

– Ферн – моя помощница, она вам все покажет, – говорит им Сеана. – Желаю удачно провести утро!

Ее слова вызывают у меня улыбку. Я получила повышение!

У Келли бравый вид, но Патриция стоит отдельно и явно нервничает. Я киваю Сеане.

– За мной! – говорю я своей четверке. – Одно ясно: утро выдалось что надо.

Двое мужчин шагают слева и справа от меня, Келли и Патриция плетутся следом. На ходу я беспрерывно замечаю что-то для себя новое. Все переговариваются друг с другом.

– Красота! – радуется Куин, поймав мой взгляд.

– Эти холмы и горы вдали – визитная карточка Прованса, – говорю я. – Знаю, многие туристы считают сердцем региона его городки, но для меня именно здесь каждый вдох полон аромата с лавандовых полей и из оливковых рощ.

– Это так вдохновляет! – поддерживает меня Патриция. – Природа – это подлинная душа Прованса.

Она права. Именно поэтому многие художники стремятся сюда, мечтают испытать здесь неповторимые ощущения. Свет, краски, разнообразие и контрасты природных красот! На повороте дороги, на горной прогулке виды меняются молниеносно, но от каждой новой картины неизменно захватывает дух.

Я улыбаюсь Патриции, радуясь, что она полностью пришла в себя.

– Куда ни глянь, всюду виды просятся на открытку. Но здесь, среди деревушек, где время как будто остановилось, вся суть – это семья, работа на земле и праздники. Здесь все подлинное!

Мы ненадолго останавливаемся, и я указываю на пейзаж впереди.

– Как не восхититься этой картиной! Жилье карабкается на отвесные склоны, отвергая всякую логику, дома лепятся к скалам. Издали кажется, что жить так опасно, но когда вы сами там окажетесь,

вы посмотрите на это по-другому. Так строили, заботясь об обороне, а теперь это настоящая мечта фотографа!

Мы идем дальше, и я показываю на два амбара и на кузницу. В отдалении поблескивает озеро. Умолкнув, я слышу, как Патриция спрашивает Келли про ее татуировку с драконом.

– Это кельтский дракон, символ силы. Считалось, что у таких татуировок волшебное лечащее действие. Красный цвет – символ огня и страсти, крылья – символ кельтского узла, подразумевающего Троицу.

– Какая красота, Келли! – доносится до меня голос Патриции. Я тронута вкрадчивостью ее тона.

Татуировка покрывает у Келли почти всю правую руку, от плеча до кисти. Она носит на обеих руках широкие серебряные и черные браслеты. Патриция резко от нее отличается: она выглядит традиционно, даже старомодно; услышав, что она спрашивает Келли про татуировку, я даже забеспокоилась, какой будет ее реакция. Татуировка оказалась сделана мастерски, и когда Патриция отдала ей должное, у меня отлегло от сердца.

– Так, – говорю я. – Берем под навесом садовые перчатки и тяпки. Вчера мы разделились с первой грядкой, осталось еще четыре. Работайте, как вам больше нравится: либо по одному, либо кучей.

Я раздаю тяпки и зову за собой мужчин, чтобы быстро показать им правила прополки. Оказывается, оба умеют отличать культурные растения от сорных, поэтому я почти сразу сворачиваю инструктаж.

Подойдя к Келли и Патриции, я замечаю, что они трудятся меньше чем в метре друг от друга, и радуюсь, что им нравится быть вместе.

– Я ненадолго отойду, скоро вернусь, – говорю я им.

Моя цель – найти Тейлора. Судя по звукам, доносящимся из-под одного из навесов, он демонстрирует там, как пользоваться цепной пилой.

Я присоединяюсь к троице, наблюдающей этот шумный процесс. Тейлор кромсает толстое бревно, начав с отделения коры, и вгрызается в древесину так легко, словно это растаявшее масло. Всего за пару минут он отпиливает от бревна добрых две трети, и остаток вдруг приобретает очертания головы животного. Он отпускает рукоятку: возвращается блаженная тишина. Мы восторженно хлопаем.

– Готово. Теперь вы поработаете стамесками над деревянными заготовками. Делайте что хотите. Сначала подумайте, какого результата хотите добиться, потом сосредоточьтесь на форме. Хотите сделать птичку – берите большую колоду, хотите выточить фигурку на токарном станке – начните с удлиненного куска.

Все разбредаются в поисках подходящих деревяшек. Тейлор вешает пилу на стену и подходит ко мне.

– Привет, Ферн, как поживаете?

Он вальяжен и дружелюбен, но из тех, кто разговаривает только тогда, когда к нему обращаются. Он высок ростом, с мускулистыми руками. Глядя на меня сверху вниз, он улыбается.

– Хорошо, спасибо. Впечатлена вашим мастерством.

– Все дело в практике, как и в любом деле. Я учился у своего отца.

– Отдаю должное вам обоим. Но я пришла попросить вас об услуге. Келли заметила в гостиной гитару и спрашивает, играет ли здесь на ней кто-нибудь. Я обратилась к Нико, он посоветовал поговорить с вами.

Тейлор запрокидывает голову и хохочет.

– Тренькаю помаленьку: кантри, вестерн... А что, малышка Келли – музыкант?

– Да. Думаю, она уже поигрывает, но ей не помешает помощь.

Он почесывает подбородок, раздумывая. Я стараюсь не смотреть на длинный, от правой брови до мочки уха, шрам у него на лице. Это старая рана, оставшаяся по какой-то причине без должного лечения. Набухший шрам придает его красивому лицу суровости.

– Я не умею учить музыке, но не против попробовать. Я возьму мою гитару, Келли – гитару Нико, почему бы нет? Хоть сегодня вечером.

Я признательно киваю.

– Спасибо, Тейлор. Знаю, Келли это оценит.

– Я обратил внимание, что слова некоторых песенок часто имеют больше смысла, чем человеческая болтовня.

Я приподнимаю бровь:

– Не стану с этим спорить. Продолжайте ваше занятие, я подойду к вам за обедом.

– Увидимся, мэ.

Для такого молодого человека он весьма обходителен. Он умен и даже обворожителен – в провинциальном американском стиле. Уверена, Келли такой учитель понравится, он наверняка много где побывал и многое повидал.

Я выхожу из-под навеса, ветер треплет мне волосы, и я останавливаюсь, чтобы собраться с мыслями. Такой будет моя жизнь весь предстоящий год, если мне не надоест и я не решу двинуться дальше. Новизна уже становится привычной, я начинаю чувствовать себя старожилкой.

Зная, что гости приезжают сюда всего на неделю, я понимаю, что не должна ни с кем сходитьсь. Просто Келли напомнила мне Ханну, тоже старающуюся показать, что способна жить самостоятельно. С другой стороны, всем нам необходимы другие люди, иначе есть риск самоизоляции и ухода в себя. Боюсь, Келли в какой-то момент выбрала второе, и моя цель в эту неделю – помочь ей опомниться, не показывая, что я слежу, как у нее протекает этот процесс.

– Ну, как дела, Келли? Как быстро вы с Патрицей работаете! – Я люблю чистенькими, избавленными от сорняков грядками.

– Это легко, главное – понять систему. А запах какой! – Она весело морщит нос. Воздух пропитан ароматами мяты и тимьяна, ее тяпка работает без остановки, рыхля верхний слой почвы.

– Как насчет урока гитары с Тейлором сегодня вечером? Он любит музыку кантри и не прочь с тобой поиграть. У него своя гитара, ты сможешь взять гитару Нико – ту, что висит в гостиной.

Она перестает полоть и выпрямляется.

– Серьезно? Вот здорово! Спасибо, Ферн, я перед вами в долгу.

Я смотрю на красного дракона у нее на руке, она перехватывает мой взгляд.

– Его зовут Лаок.

– Это по-гэльски. Что это значит?

– Воин.

– Мне нравится! Очень мастерски нарисовано. Просто, но выразительно.

Она кивает, глядя на свою наклку, потом поднимает голову и смотрит на меня решительным взглядом.

– Я преодолею любые трудности, – твердо говорит она. – Всегда и везде! Раньше я сомневалась, но это в прошлом.

Я кладу руку ей на плечо и легонько его стискиваю. Понимаю, некоторыми секретами нелегко делиться.

– Я передам Тейлору, что сегодня после ужина ты будешь готова к занятию. Думаю, вам обоим понравится. Это лучше карт.

Эти мои слова вызывают у нее улыбку.

– Да, карты – скучноватое занятие.

Я прикусываю губу, она смеется. Веселиться она начинает с полоборота, иногда без причины. Всего за одни сутки с ней произошла заметная перемена, как будто с плеч свалилась тяжесть.

– Возьму-ка я тяпку и присоединюсь к вам. Солнце способствует расцвету сорняков!

8. День открытий

Мы сидим впятером перед мольбертами и напряженно смотрим на Нико, который пространно рассказывает о технике живописи и секретах нанесения мазков. К стене прислонено несколько полотен. Договорив, Нико вешает их на крючки, вбитые в грубую каменную стену у него за спиной. Буйство красок особенно потрясает на фоне беленой стены. Все картины – пейзажи, но в самых разных стилях.

– Вот этот написан профессиональным художником, моим другом, за чьи работы платят десятки тысяч фунтов. На счастье, я купил его в самом начале его карьеры, когда ему еще не хватало денег на краски и он даже был готов бросить живопись. Остальные картины написаны людьми, сидевшими раньше на ваших местах, некоторые впервые взяли за кисть.

Все мы были под сильным впечатлением от услышанного. Интерес представляет каждое полотно. Два написаны в традиционном стиле: они хороши, но у себя дома я бы их не повесила. Другие хороши потому, что оригинальны: заставляют думать.

– Я говорю о том, – продолжает Нико с жаром, – что в искусстве не бывает правильного и неправильного. Существует только то, что видит сам художник. Если вы это усвоите, то с кончиков ваших пальцев будет сходить содержимое вашей души. Не надо – и нельзя – заботиться о том, что увидит зритель.

Роль живописца – выразить свою внутреннюю сущность. Это как при чтении книги: только перейдя на точку зрения автора, читатель ее оценит и поймет. Так и в живописи: одни вас поймут, другие нет. Некоторые художники сочтут непонимание своей неудачей. Однако есть школа мысли, считающая боль неизбежностью, если из нее произрастает великое искусство. В некоторых случаях так оно и есть: большой талант – это великое бремя, причем это верно не только в отношении данной формы самовыражения. Возьмите Курта Кобейна или Джона Белуши^[2]: оба были по-своему талантливы, неповторимы – и глубоко тревожны...

Он с улыбкой смотрит на всех нас по очереди. Я невольно задерживаю дыхание, пораженная силой чувства, присутствующего в

его словах.

– Не хочу, чтобы, берясь за кисть, вы испытывали колебания. Поймите глубокое чувство уникальности в себе и исходите из него. Вы никуда не денетесь от страха: «Достаточно ли я хорош? Что подумают о моей работе окружающие?» Это естественная реакция, но она вас тормозит. Если вы дадите ей волю, она помешает вашей способности творить.

Обратите внимание, ваши мольберты стоят так, чтобы ни один из вас не видел, как работает ваш сосед. Если после этого занятия вам не захочется поделиться своей работой с остальными – пожалуйста, никто не заставляет. Вы сможете снять лист и унести его к себе в комнату.

Некоторые из вас раньше не держали в руках кисть и сейчас поймут, что краски – это не ваше. Тем не менее прошу: доверьтесь мне. Не думайте о том, что делаете, просто делайте. Сегодня у нас акриловые краски и тяжелая бумага. Она растворяется в воде. Тонкий слой грунтовки обеспечит наилучший результат, на ее высыхание уходит десять минут.

Нико подходит к ближайшему мольберту и берет с него баночку.

– Это не дает бумаге коробиться от влаги, содержащейся в краске, и делает поверхность более гладкой. Если вам нужна более шероховатая поверхность, обойдитесь без грунтовки. Хотите начать сначала – на столе в углу полно бумаги. Но не торопитесь отказаться от начатой работы. А главное, получайте удовольствие, друзья!

Мне не терпится начать, и хотя мне спокойнее работать карандашом, блюдо с фруктами настолько сочное и красочное, что я обязательно попробую его изобразить.

Я смотрю на других начинающих живописцев. Стоит Нико отвернуться к стене, чтобы снять с крючков картины, один из них встречается со мной глазами. Он с гримасой хватает кисть и держит ее крайне неуклюже. Я прыскаю. Лиха беда начало!

* * *

День развивается разнообразно – интересно, маняще, с пользой. И неожиданно. Разнообразные эмоции и новый опыт обрушиваются на

меня со всех сторон. Под напором новизны мои проблемы испуганно забились в угол, теперь для меня гораздо важнее происходящее вокруг. И это – наибольшая неожиданность.

Вечером я знакомлю Келли с Тейлором и провожаю их взглядом, пока они уходят с гитарами во двор: искать спокойное местечко. Патриция пока еще не расслабилась и ни с кем не общается, если к ней не обращаются, поэтому я провожу большую часть вечера с ней. Она оказывается неплохой шахматисткой, хоть и подолгу вспоминает, как ходит та или иная фигура, и мы весело играем несколько партий.

Потом, уже в своей комнате, я широко распахиваю окно и выглядываю из него, не понимая, что уже очень поздно. Что меня так взбудоражило? Я оглядываюсь на холст, который принесла сюда днем.

Глядя на ярко-зеленый лес, изображенный на картине на стене, я сравниваю его со своей работой. Когда я впервые сюда вошла, картина приковала мой взгляд. С тех пор она не перестает заставлять меня врасплох. Я внимательна к деталям, но смелые мазки нанесены так размашисто, так вдохновенно, что дух захватывает.

Переводя взгляд на свое произведение, я испытываю шок. Я собиралась написать совсем другое. Картина вышла красочной, но мрачноватой. Я хватаю с кровати подушку, кладу ее на шезлонг, ставлю шезлонг к стене и приподнимаю. Свой лист я приставляю к этой кривой поверхности так, чтобы он не съезжал. Потом отворачиваюсь и отхожу, боясь оглянуться. Зато когда оглядываюсь, увиденное наполняет меня восторгом. Вблизи я различаю комки краски, а издали вижу блюдо с фруктами. Я счастлива, потрясена, горда собой.

Непонятный звук снаружи заставляет меня подойти к окну и взглянуть во тьму. Рядом с одним из садовых столиков я вижу какой-то упавший предмет. Вдруг это человек?

Я тихонько спускаюсь вниз, припоминая, какая из половиц скрипит громче всего, и стараюсь на нее не ступить. Сначала надо разобраться, что происходит. Если окажется, что это подозрительный чужак, то я подниму крик.

Входная дверь заперта, поэтому я прохожу через кухню. Задняя дверь распахнута. Выйдя на крыльцо, я слышу громкий стон, но лежащий на земле человек не шевелится. Подойдя ближе, я вижу, что это Нико, и наклоняюсь к нему.

– Что случилось, Нико? Это я, Ферн. Вы можете встать?

Он не сразу открывает глаза.

– А, Ферн... Я оступился.

От него так разит спиртным, что я шарахаюсь.

– Вам надо встать, Нико. Давайте я отведу вас в дом.

Он приподнимает голову, я закидываю его левую руку себе на плечи и кое-как помогаю ему встать. Задача не из легких: проходит несколько минут, прежде чем он выпрямляется. При этом он так на меня напирает, что мне стоит огромного труда затолкать его внутрь дома.

– Эта ночь создана для порицания, – невнятно произносит он.

– Главное, ставьте одну ногу за другой. Не уверена, что смогу долго вас поддерживать, Нико. Мне нужна ваша помощь.

Нам обоим ежесекундно грозит падение, но я, скрежеща зубами, не сдаюсь. Оказавшись внутри, я не знаю, как быть дальше.

– Где ваша комната, Нико?

Он что-то бурчит и пытается показать рукой направление, но от этого усилия клонится вбок, вследствие чего мы с шумом врезаемся в стену. Я замираю, ожидая непрошенных звуков, но слышу только тишину, не считая хриплого пьяного дыхания Нико. Он меняет положение, я толчком ставлю его прямо.

– Шагайте, Нико, шагайте! Вы должны мне помогать, вы слишком тяжелый, не хочу, чтобы вы снова рухнули.

Он немного оживает:

– *Mi hermosa*, Ферн. Вы – мой прекрасный ангел.

Я цыкаю на него, удивленная тем, что он заговорил на испанском и начал с комплимента мне.

– Тише, Нико. Все спят. Ну-ка, прислонитесь к стене, а я открою дверь.

– Меня покинула моя муза. А теперь здесь вы. Она предупредила, что вы меня спасете.

– Сказано вам, тише! Уймись, Нико, умоляю!

Я надеюсь, что он не сползет на пол, потому что если сползет, то мне придется идти за подмогой. Но он, к счастью, помогает себе глубоким вдохом и с моей помощью вваливается в открывшуюся дверь. Я вхожу следом за ним.

Он добирается до кровати и валится на нее ничком. Оставить его в таком состоянии я не могу. Присев рядом на корточки, я разужаю его. Он почти сразу принимается негромко храпеть. Я близка к панике. Не могу же я всю ночь его сторожить! Я пытаюсь перевернуть его на бок и добиваюсь цели после нескольких минут возни и борьбы.

Чтобы зафиксировать его в этом положении, я подпираю его одной подушкой со спины, другой спереди. Он слишком пьян, чтобы себя контролировать. Я колеблюсь, не зная, как быть дальше. Потом вспоминаю рекомендуемую позу из курсов первой помощи и сгибаю ему одну ногу. Теперь он в относительной безопасности. Пусть выпится и немного протрезвеет. Поднимаясь к себе, я надеюсь на лучшее.

Моя отчасти просохшая картина упала и свернулась. Я пытаюсь ее расправить, но половинки слиплись. Выясняется, что спасательная операция запоздала. По какой-то глупой причине я близка к слезам.

* * *

Нико не пришел на завтрак, и я не знаю, как поступить. Пойти проверить его у него в комнате я стесняюсь, остается искать Сеану.

– Вы видели сегодня утром Нико? – спрашиваю я ее как ни в чем не бывало.

– Да, мельком. Если вам что-то нужно, то, боюсь, придется подождать. Он погнал грузовик в мастерскую, ставить новую выхлопную трубу. Обратнo его подбросят, но только через час. Этим утром я проведу урок вместо него.

– Никаких проблем, это несрочно.

По выражению ее лица не понять, знает ли она, в каком состоянии Нико провел истекшую ночь, – скорее не знает. Я колеблюсь, стоит ли об этом говорить, наверное, это будет не деликатно, хотя что-то мне подсказывает, что Сеана заботится о Нико – не как о своем начальнике, а потому что хорошо его знает.

– Как прошел вчера ваш первый урок у него? – интересуется она.

Я изображаю веселую улыбку.

– Это что-то удивительное! – С этими словами я ухожу.

Этим утром я испытываю смешанные чувства. Одно дело – тяга к творчеству, и совсем другое – пугающая возможность наконец-то реализовать свою мечту. Я давно смирилась с тем, что ждать такую возможность придется очень долго. Я привыкла вообразить себя в поле, среди цветов, сидящей за мольбертом. Сбыться моей мечте помог не только выигрыш в лотерее. Ирония в том, что этого не произошло бы, если бы не Эйден. Вчерашнее занятие извлекло на поверхность желание, от которого я так долго отнекивалась... Теперь я вся на нервах: вдруг я обделена истинным талантом?

– Вижу, вы задумались. – По дороге к садовому навесу меня нагоняет Патриция.

– Доброе утро, Патриция. Как спалось?

– Хорошо, спасибо. Давно мне не удавалось так выспаться. Вы видели Келли? Она сегодня утром тоже в хорошем настроении. Полагаю, вчера она удачно позанималась с Тейлором.

– Как я рада! Это большое облегчение. По словам Сеаны, в таких заведениях, как это, людей по многим причинам влечет друг к другу. Любовь к музыке – отличный повод. Остается надеяться, что рано или поздно они для нас сыграют.

Патриция складывает губы трубочкой:

– Жду не дождусь!

Для меня по-прежнему загадка, что именно сможет приобрести от недели пребывания здесь Патриция. Пока что она не общается ни с кем, кроме меня, разве что нежно носится с Келли.

– Что у вас в плане на сегодня? – интересуюсь я.

– Думаю примкнуть днем к группе Сеаны. Она будет показывать, как обрезать побеги. Мне это полезно, хотя садик у меня почти сплошь трава, грядок всего две. Деревьев ни одного, зато парочка вьющихся растений и большая коллекция розовых кустов. За розы я даже брала призы.

Мне почему-то кажется, что ей не удастся расслабиться и насладиться происходящим. Меня это печалит. Участию она предпочитает наблюдение со стороны.

– Я обратила внимание, что на урок гончарного искусства Одиль сегодня днем никто не записался. Если бы не желание рисовать, я бы туда ходила, хотя сегодня только мой второй день, и я не хочу, чтобы Нико решил, что я сразу сдалась.

Она понимает мой намек.

– Надо же, я и не заметила. Сходить туда, что ли?

– Потолкуйте с ней за обедом, узнайте, что будет на первом уроке.

– Спасибо, я так и сделаю.

Вскоре к нам присоединяется Келли и еще трое. В это утро Сеана ведет нас на прополку огорода. Грядкам с овощами не видно конца, уже тепло, работа обещает быть жаркой.

Вокруг нас жужжат пчелы, расппевают птицы; лето – полное забот время для всех крохотных созданий.

– Нелишне напомнить о необходимости частых перерывов в тени, – говорит Сеана. – Я принесу с кухни ящик со льдом и бутылками воды, чтобы они все время были у вас под рукой.

У всех полющих веселое настроение, они уже переговариваются между собой. Думаю, дело в появлении двух новых лиц. Чтобы все начали общаться, хватает одного балагура, создающего атмосферу товарищества. Я еще не беседовала с Джоном, но, как я погляжу, у него врожденное чувство юмора. Я радуюсь, слыша смех.

Когда я возвращаюсь на кухню, у меня звонит телефон. Я пытаюсь понять, кто звонит, но на таком солнце трудно что-то разглядеть на экране.

– Алло!

– Это я, Ферн. Боже, как же хорошо слышать твой голос!

Я останавливаюсь, в животе опять резь.

– Эйден! Я тоже рада, милый.

– Мы в городе, запасаемся всем необходимым. Наконец-то приличная связь. Я просто хотел... Я не перестаю думать о тебе.

Он очень далеко, в тысячах миль от меня. Даже не зная толком, что сказать мне, он решил позвонить.

– Я беспокоюсь... – Зря я это сказала.

– Все в порядке. Даже удивительно, как тут весело! У меня на глазах люди сходят с ума, стоит только найти переливающийся кусочек породы...

Начало вышло не очень, но он быстро нащупал тему для разговора.

– С тобой все еще те люди? Это хоть не подземная выработка? – Опять я дала маху.

– Нет. Мне доверили бульдозер, я обнажаю его отвалом породу на склоне. Мы уже наткнулись на первую жилу.

Я облегченно закрываю глаза. Хорошо хоть то, что он не лезет в грозящий обвалом подземный забой.

Он сказал «мы».

– Судя по твоему голосу, тебе все нравится. Есть планы податься куда-нибудь еще?

– Пока что не знаю, детка. Сейчас мне пора бежать. Просто хотел убедиться, что ты в порядке. Как прошел твой первый урок живописи?

– Зажигательно! Здесь тоже весело. – Мне очень хочется звучать жизнерадостно и ни в коем случае его не осуждать. Только бы не оттолкнуть его своей озабоченностью! – Здесь все чудесно устроено, в первой группе очень дружелюбные гости.

– Как там дома, все здоровы?

Выходит, он ни с кем еще не связывался.

– Да. Мама и папа в порядке. Мама делится со мной по электронке всякими сплетнями, ну, ты ее знаешь. Они переделывают свой сад, работы полно, хотя и старый вариант был неплох. Зато они нашли себе занятие. Звонил Оуэн, он разговаривал с Ханной и говорит, что у нее все нормально.

– Как я погляжу, она нас еще не простила.

– Да, не до конца.

НАС? ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭТОТ НЕСЕШЬ ТЫ, ЭЙДЕН, А НЕ Я.

– Сам-то ты как? Здоров? В безопасности? – Опять я за свое! Никак не спрячу свою тревогу, он сразу поймет это по моему тону.

– Все отлично. Пришли мне фотографии, я тоже пришлю тебе свои. Жаль, скоро уедет мой лифт и связь прервется.

– Обязательно пришлю, обещаю. Люблю тебя.

Я слышу еще какие-то голоса, его слов уже не разобрать. Женский голос зовет его по имени.

– И я тебя...

Связь прерывается. Я тяжело вздыхаю. Когда у тебя кризис, тебя на каждом углу подстерегает соблазн. Знаю, Эйден спал с кем-то до меня, но у меня он первый и единственный.

Только услышав голос Нико, я спохватываюсь, что он подходит ко мне.

– Проблемы? – озабоченно спрашивает он и изучает мое лицо.

Я силюсь превратить свой встревоженный вид в улыбку, но получается из рук вон плохо.

– Нет, просто семейный разговор. Разные часовые пояса, это мешает.

Он сочувственно смотрит на меня.

– Я пришел попросить прощения за вчерашний вечер. Если я что-то натворил, то...

– Все хорошо, не надо ничего объяснять. Я просто была рада помочь.

Он смущенно и рассеянно роет носком кроссовки дерн.

– Вчера была годовщина смерти моего отца. Похоже, даже лежа в могиле, он не дает мне покоя. Не надо, конечно, слишком часто оглядываться в прошлое, но оно умеет застигать врасплох. Я ценю ваше благоразумие, Ферн, очень ценю.

Сказав это, он разворачивается и уходит решительным шагом в направлении студии живописи.

9. Чужая душа – потемки

Обед проходит в молчании. Марго приготовила для всех коробочки с ланчем и убежала. Похоже, она не вернется до вечера, потому что вчера отработала полный день. Жаль, я не попала на ее урок по приготовлению круассанов, хотя те, кто на нем присутствовал, сказали, что у нее все получается удивительно легко. На следующей неделе постараюсь не пропустить.

– Не возражаете, если я к вам подсяду?

Я поднимаю голову и щурюсь. Из-за солнца над головой Келли сияет нимб. Я с улыбкой киваю.

– Конечно. Я вышла прочесть длинное письмо и отправить мужу фотографии. Все, готово. Мать держит меня в курсе всех последних домашних новостей, ни одной не пропускает. – Я не скрываю, что это меня забавляет. – Мать есть мать, я очень ее люблю.

– Наверное, вы по всем им скучаете. Приезд сюда должен быть для вас большой переменной в жизни.

Я сажусь поудобнее, так, чтобы в спину не впивалась жесткая кора дерева.

– Да, но иногда бывает полезно покинуть свою зону комфорта. Начинаешь иначе воспринимать жизнь. Вижу, ты не пошла ловить рыбу? Там, у озера, наверное, прохладно, живительная тень...

Келли опускается рядом со мной и испытующе на меня смотрит.

– Я не против половить рыбку, но подцепить живое существо на крючок – это жестокость. Неплохо, конечно, поесть вечером рыбки, приготовленной Марго, а так я щепетильная. Если не перестану думать о том, откуда берется моя пища, то, пожалуй, сяду на одни чипсы. Я уже через это проходила пару лет назад, мне не понравилось.

– Ты через это прошла – это главное. Я согласна, но с пищевой цепочкой ничего не поделаешь, без еды нет жизни. Ненавижу расточительство, но у меня нет проблем с рационом.

Мы обе умолкаем. Я убираю обертку от ланча, закрываю крышку пластмассовой коробки. Келли кусает яблоко, любясь, как и я, садом.

Истинное блаженство! Дома либо слишком мокро, либо слишком холодно, либо слишком жарко. Здесь даже в жару находишь

спасительную тень – и она тебя врачует. Внутри тепло, настроение зашкаливает. Воздух благоухает, добавляя восторга. Не знаю, почему так: то ли вспоминаются другие отпуска, то ли таково очарование Прованса. Наверное, у любого есть неповторимое место, где ему особенно хорошо, и для меня это Прованс.

– Можно попросить у вас совета, Ферн?

– Сколько угодно, только помни, что это будет всего-навсего мое мнение.

– Думаю, я не прочь продлить свое пребывание здесь, если Нико позволит. Мои родители смогут платить, им будет только легче, если я не буду мозолить им глаза еще неделю или две. Мне нравится работа в саду, и Тейлор хорош. Он считает, что я хорошо играю, и очень терпелив.

– Как я погляжу, ты уже приняла решение. Уверена, Нико согласится, только тебе придется сменить комнату. Тебя что-то смущает?

– Хотела спросить: вы здесь надолго? Знаю, Патриция уезжает в пятницу, и вы – единственная, кроме Тейлора, с кем я успела поладить. С другой стороны, вы же преподаватель?

Как трогательно это слышать!

– Да, я поселилась здесь надолго.

– Вы сказали, что ваш муж сейчас путешествует. Вдруг он соскучится по вас и прилетит в Британию раньше времени? Вы тоже можете заскучать по дому.

Я делаю долгий, медленный вдох. Она умница и заслуживает честного ответа.

– Мы давно друг друга знаем, Келли, познакомились еще школьниками. Нам повезло, мы много лет росли вместе, но этот разрыв поможет нас осознать наши индивидуальные интересы. Да, нам друг друга недостает, но для обоих это полезно, поможет нам открыть самих себя. Такого шанса может больше не представиться. Во мне есть творческая жилка, требующая развития, но семейные заботы и работа пожирают почти все время. Эйден всегда мечтал о путешествиях в далекие края, но его удерживали мои страхи. Он пожертвовал своей тягой к приключениям из-за любви ко мне. Иногда мы будем тосковать по дому, я уже начала испытывать это чувство, но таким уникальным

шансом нельзя пренебречь. Никому не понравится всю жизнь жалеть о несделанном.

Она обдумывает мои слова. Нам обеим хорошо здесь, среди трепещущей листвы. Несчетные оттенки зеленого и шелест листьев над головой от легкого ветерка несут покой. Время ненадолго замирает, и я не могу не гадать, чувствует ли Келли то же умиротворение, что и я.

– Я слышу в вашем голосе озабоченность, как бы он не обвинил вас в том, что вынужден отказаться ради вас от своей мечты.

Я потрясена ее пронизательностью. Я сижу к ней боком и чувствую на своем лице ее взгляд. С наслаждением глажу ладонью колючую траву. Прежняя жизнь уже кажется нереальной, больше похожей не готовое стереться воспоминание.

– Все не так просто. Знаю, он понимает, как трудно преодолеть глубоко укоренившуюся фобию. Я ценю его понимание, меня устраивает моя жизнь, что же здесь прощать?

– Я никогда еще никого так не любила. Надеюсь, когда-нибудь это со мной произойдет. Очень не хочется повторить судьбу родителей: они никогда не ставили друг друга на первое место и не поставят. Наверное, ради Эйдена вы готовы на все. Разве что из самолета не выпрыгнете.

Я с трудом сглатываю слюну.

– Моя старшая сестра погибла в две тысячи десятом году в авиакатастрофе над Средиземным морем. Из тридцати девяти пассажиров и членов экипажа не выжили шестнадцать. – Мне кажется, что это рассказывает кто-то другой: обстоятельно, почти без эмоций, потому что сейчас это кажется нереальным.

– О, Ферн, мне так жаль! Я не собиралась допытываться, не думала, что...

Я стискиваю ей руку, чтобы успокоить.

– Все в порядке, теперь я редко думаю об этом. Я научилась принимать тот факт, что кое-что в жизни нам неподконтрольно, хоть и влияет на то, как мы проживаем свою жизнь. Я поделилась с тобой своей тайной, потому что хочу, чтобы ты знала, что я рядом на случай, если тебе тоже захочется чем-то со мной поделиться.

Она смотрит на меня со слезами на глазах. Я тянусь к ней и заключаю ее в объятия.

– Не знаю, как вы догадались... Обязательно поделюсь, когда буду готова.

Голоса заставляют нас посмотреть в сторону рощи за огородом. Это возвращаются рыбаки.

– Вы пойдете сегодня на урок живописи? – спрашивает Келли.

– Да, а ты?

– Я бы лучше почитала в саду книжку. Я взяла эту книжку вчера в гостинной. До полуночи не спала, все читала.

– О чем там?

– О женщине, у которой жизнь пошла кувырком. Она сбегает, чтобы все начать сначала. Местами очень грустно, местами смешно. Очень хочется узнать, чем все кончится. Все мы хотим счастливого исхода.

Раньше я думала, что живу вполне счастливо. Сейчас я надеюсь, что, вернувшись домой, буду думать так же.

– Не спорю, – тихо отзываюсь я.

Мы встаем, добродушно друг другу улыбаемся и расходимся. Помоему, я правильно сделала, что пошла на откровенность с Келли, как ни странно было слышать саму себя: давно с моих уст не срывались такие слова.

Я бреду обратно во двор, оставаясь в своем отдельном мире. Кто-то трогает меня за плечо, я вздрагиваю. Оглянувшись, я вижу Джона. Он в нашей компании главный шутник, к тому же лондонец.

– Вчера вы утащили свой шедевр, прежде чем я успел на него взглянуть. – Он торопится придержать для меня дверь в студию.

– Спасибо, Джон. Просто это мой первый опыт, он не вполне удачен. Я отправила его в корзину и жду не дождусь сегодняшней попытки.

– Вы бы видели мою мазню! Никто не отличит на ней яблоки от груш!

Меня разбирает смех.

– Мне показалось, что вы сотворили нечто уникальное, Пикассо, увидев это, потерял бы сон.

Он запрокидывает голову и от души хохочет.

– Все равно я горю желанием продолжить. Никогда не испытывал такого удовольствия.

– Чем вы зарабатываете на жизнь, Джон?

– Я маляр и декоратор на пенсии, мне привычно ходить измызганным краской. У меня была иллюзия, что я способен творить, но вчерашний опыт меня отрезвил. Нико говорит, что сегодня будет рисование. Вдруг в этот раз мне повезет?

Слушая его, трудно не смеяться.

– Что ж, желаю вам удачи, Джон.

Нико оглядывается на меня и ловит мой взгляд. Я сажусь на один из стульев, которые он расставил полукругом. На каждом стуле альбом для рисования формата А4 и пенал, то и другое я, садясь, кладу себе под ноги.

– Значит, так. Сегодня мы учимся эскизу. В пенале лежат шесть разных графитовых карандашей и точилка. Вы убедитесь, что чем темнее карандаш, тем мягче он рисует. Общее правило заключается в том, что для контура надо пользоваться одним из карандашей Н – обозначение вот тут. – Нико демонстрирует карандаш. – Для текстуры и тона применяйте карандаш категории В. Самые популярные карандаши для эскизов на начальной стадии – НВ и 2В.

У Нико все получается просто и понятно. На счастье, он не просит нас рисовать что-то из реальной жизни: начинается с объемных фигур, чтобы мы узнали, для чего предназначен каждый карандаш. То, что могло бы превратиться в мучение, дается как удовольствие.

– Все, потренировались и хватит. Теперь предлагаю вам выйти на свежий воздух и найти натуру для рисования, неважно какую. На первый раз советую выбрать что-то попроще: листик, цветок. Любителей риска приглашаю под навес в саду. Проще сосредоточиться на чем-то одном, пока что рекомендую избегать сложности.

Эскиз похож на заметки. Это маленький рисунок, который на каком-то этапе может вдохновить на что-то более крупное. Сегодня можно разделить лист на четыре части. Главное, не стесняйтесь веселья. Я рядом на случай, если кому-то понадобится помощь или совет.

Мы все встаем и идем к лестнице. Меня Нико просит остаться.

– Знаю, вам понравился вчерашний урок. Вот я и подумал, что, прежде чем начать, вам будет полезно взглянуть вблизи на мастерскую практикующего художника. Только учтите, там беспорядок.

Я заинтригована, но, как замечаю, для него это неудивительно.

– С радостью, спасибо.

По дороге к шато Нико кое-что рассказывает об истории усадьбы. Когда-то здесь жили родители его бабушки. После их смерти его мать долго жила в Андалусии, в Вильякаррильо, где познакомилась с его отцом. Хозяйство пришло в упадок, потому что они редко сюда заглядывали. Жить сюда они переехали только тогда, когда у отца Нико начались финансовые проблемы. Нико отдали в школу, а Вивиана, его мать, устроилась на неполный рабочий день секретарем к местному нотариусу, опытному юристу. На ее заработки семья и жила.

– Отец в то время ходил почти без гроша, типичный обедневший художник, питающийся своими грезами. После его смерти восемь лет назад моя мать вернулась в Испанию, а я остался здесь. Каким бы трудным человеком он ни был, сердце у нее было разбито, и спустя два года ее свалила пневмония. Жизнь для нее никогда уже не стала прежней; без него, с его неуравновешенностью, она утратила вкус к жизни.

– Как жаль! Грустно это слышать, – сочувственно отвечаю я.

Нико ведет меня по длинному коридору. Мы минуем его спальню и спускаемся на первый этаж. Я стараюсь не вспоминать, как он сползал здесь по стене.

– Сюда.

Я вхожу за ним в большую комнату с широким окном в обнесенный стеной сад. Там буйствуют самые разнообразные цвета, от белого до темно-фиолетового. По стенам ползут вьющиеся розы, это настоящий образчик дикого сада, чья красота не зависит от человеческого вмешательства. Но снаружи, в саду, красоте тесно, она преодолевает стеклянную стену и врывается в прямоугольную удлиненную комнату с двумя витражными окнами в потолке.

У двух стен составлены холсты, на доведение которых до завершения уйдут недели, месяцы, а то и годы. На третьей стене – кирпичной, более сорока футов длиной – висят на разной высоте пять картин разной степени готовности.

– Впечатляет!.. – только и могу вымолвить я.

Пол залит краской почти так же густо, как один из холстов, в мастерской стоит тяжелый запах масляной краски, от которого у меня щиплет в носу. Но растущее во мне ощущение опьянения вызвано, уверена, не запахом.

– Не знала, что вы пишете маслом, – говорю я, подходя к большому холсту, готовому уже процентов на девяносто. На нем деревенская сценка с таким количеством чудесных подробностей, что я с трудом борюсь с побуждением потрогать каждый листочек настолько он реален.

– Какой чудесный аромат! Божественно! Я могла бы здесь жить. – Я наклоняюсь ближе, восторгаясь тем, как он умудрился уловить свет – такой яркий, что рвется с полотна в мастерскую, хотя я не могу разглядеть ни единого белого блика. Свет и тени нанесены до того искусно, что глаз видит только впечатление – и оно бесподобно.

– Здесь я родился, – говорит он с дрожью в голосе.

В этот момент я догадываюсь, что мало кто бывает в этой мастерской и видит то, что сейчас вижу я. От этой мысли у меня в горле встает ком.

– У меня нет проблем с алкоголем, – откровенно говорит он. – У меня возникло чувство, что я обязан вам это сказать. Другое дело мой отец: вот он был алкоголиком. Глупо было с моей стороны присосаться к бутылке виски в попытке стереть кое-какие неприятные воспоминания. Ведь это благодаря памяти об отце я умудряюсь сохранять равновесие. Я видел, что с ним сделало уныние: в конце концов оно его уничтожило. Он считал себя непонятым, и был прав: кому под силу рассудить, что является искусством, а что нет? Он писал то, что видел сам, так и надо. Но изолировать себя и впасть в отчаяние было ошибкой, потому я и устроил здесь базу отдыха.

Я резко оборачиваюсь. Глаза Нико впиваются в мои.

– Картину в моей комнате написал ваш отец, она меня вдохновляет. Она трогает какую-то струну вот здесь. – Я касаюсь своей груди. – Это был его подарок вам.

Его лицо застывает, я чувствую, что задела его за живое. Но он делает усилие, чтобы прийти в себя. Я, испытывая смущение, бреду вдоль живописных работ. Перед каждой из них я замираю в восторге. Какой вдохновляющий опыт!

– Не знала, что художники пишут сразу по нескольку картин. – Говоря это, я стараюсь, чтобы мой голос выражал больше радости, чем я чувствую на самом деле. Меня мучает, что я могла неосторожно ляпнуть что-то не то.

– Все дело в правильном настроении, Ферн. День на день не приходится.

– Это заметно, – отвечаю я с улыбкой, надеясь свести все к шутке. – Наверное, у живописцев случаются такие дни, когда определенный цвет наполняется особенным смыслом?

Он смеется:

– Понимаю, о чем вы, но это непреднамеренно. Сначала синее настроение, потом, дальше по ряду, зеленый день... Нет, просто такая у меня манера. Иногда мое внимание привлекает небо, и мне хочется поэкспериментировать и передать правильный оттенок. А порой меня манит лес, что позади сада. Или сад, обнесенный стеной, с его изобилием розового, красного, фиолетового...

– Говорите, ваш отец мучился?

Он кивает:

– После него осталось столько недописанных работ! В последние несколько лет жизни он боролся с пристрастием к алкоголю. Большой талант обычно сопровождается сильными страстями. Он был фанатиком деталей. Скажу вам правду: он ненавидел каждую свою живописную работу – и каждую по своим причинам. Помню, как однажды в детстве принес ему в мастерскую обед и застал ужасную сцену: он резал холст ножом, кромсал из-за того, что никак не мог удовлетвориться тем, как поймал игру света и тени. В считанные минуты он уничтожил свой труд нескольких недель. Меня напугало то, что я увидел в его глазах. Он начал принимать обезболивающие, но все быстрее катился по наклонной плоскости. В конце концов он принял целый пузырек и испустил дух.

Он не ищет сочувствия, поэтому я молчу. Что сказать, услышав такое?

Нико подводит меня к полотнам, стоящим на полу в углу мастерской, и снимает с них покрывало. Подняв первое из полотен, он поворачивает его ко мне и устанавливает на мольберте. В полотне все четыре квадратных фута, на нем изображена сидящая на стуле перед окном молодая женщина. Эта картина не похожа на ту, что висит у меня в комнате: она написана филигранно, очень точно.

– Улавливаете недостатки? – спрашивает Нико, наблюдая за мной, пока я рассматриваю картину.

– Красота! Лицо как живое, мне кажется, что глаза следят за мной, стоит мне подойти ближе. Кажется, я могу потрогать эту женщину, прикоснуться к ее коже... При этом мне что-то мешает, чувствуется какой-то изъян, не пойму толком какой.

Он делает шаг назад, тоже не сводя взгляда с картины.

– Шея длинновата. Угол окна нарушает перспективу – совсем капельку, но и этого достаточно, чтобы глаз уловил это и не позволил получить полноценное эстетическое впечатление.

– Все равно это очень красивое произведение искусства, Нико.

Он кивает:

– Не спорю. Но мой отец был другого мнения. После того как он дописал этот портрет моей матери, она не позволила ему повторно использовать этот холст, как он в то время нередко поступал. Это было еще до того, как он пристрастился к медикаментам. Картина сохранилась только благодаря ей, но она никогда не висела на стене, потому что, с его точки зрения, свидетельствовала о его неумелости. Для меня это и бесценная память о матери, и напоминание о его безумии.

Его боль так реальна, что ее чувствую даже я.

– Это так грустно, Нико. Он обладал невероятным мастерством, но видел, увы, только мелкие изъяны, от которых не избавлена ни одна работа. Что ж, по крайней мере, он смог получить удовлетворение от того, что некоторые его работы успели купить до его кончины.

Нико пристально смотрит на меня, я вижу в его взгляде душевную боль.

– Верно, вот только в конце концов это довело его до самоубийства.

10. Хоть кому-то я нужна

– Привет, Ферн, как прошел день?

– Хорошо, спасибо, Патриция. Результат – два маленьких рисунка и кое-какие знания о перспективе. Что у вас?

Я пододвигаюсь на скамейке, освобождая ей место, чтобы она не сидела на треснутом выгоревшем куске сиденья. Скамейка стоит в приятном тихом месте. Приготовленный Марго ужин был очень вкусным, я немного переела, и теперь меня клонит в сон. Надо было ограничиться главным блюдом! Но кто способен устоять перед традиционным *tarte aux poires*?^[3] Только не я!

– К моему удивлению, все хорошо. Под надзором мастера мне даже удалось слепить премиленький горшочек. Одиль заполнила печь обжига: ночью горшки будут прожариваться. Завтра мы покроем их глазурью. Я так рада, что вы мне это посоветовали! А еще у меня вышел интересный разговор со Стефаном, он мне очень помог. Симпатичный человек!

Я не верю своим ушам. Кажется, я еще не видела Патрицию за беседой с кем-либо, кроме меня и Келли. Выходит, она начинает открываться, сегодня вечером она выглядит спокойной и уверенной.

– Келли останется здесь еще на неделю или две, она вам говорила?

Патриция мотает головой:

– Я не знала. Очень рада за нее! Она прекрасно ладит с Тейлором. Я заметила ее в его бригаде сегодня днем.

Я удивленно смотрю на нее. Она приподнимает брови, что говорит о том, что известие о Келли для нее не совсем неожиданное.

– Это немного странно: он минимум на десяток лет старше ее. Как вы считаете, мне стоит сказать об этом Нико?

– Почему нет? Впрочем, Тейлор весьма выдержанный и учтивый молодой человек. Я еще с ним не разговаривала, но вчера до меня долетели обрывки их беседы. Я прогуливалась под вечер, когда они удалились с гитарами в сад. Все выглядело вполне невинно.

Мысленно я обозвала себя курицей-наседкой, вечно за всеми приглядывающей.

– Я бы тоже с радостью осталась, но дома меня ждут дела. Конечно, вырваться ненадолго так чудесно! Это прямо благословение. Нико – интереснейший человек. Полагаю, все художники – темпераментные люди, но ему это только в плюс.

– Да, он такой. Управление таким заведением занимает уйму времени. Догадываюсь, что это может огорчать, когда тянет работать, – говорю я.

Она глубоко вздыхает и устремляет взгляд на низкую живую изгородь вокруг лужайки и на кусты роз позади нее.

– Люблю розы, – ностальгически произносит она. – Фред, мой муж, всю жизнь за ними ухаживает, но в этом году они неважно себя чувствуют.

– Ужасно жаль, что он не смог совершить с вами это небольшое путешествие. Догадываюсь, он был бы здесь как в раю.

Она хмурит лоб:

– Он занемог. У нас выдался нелегкий год, но мой брат настоял, чтобы я устроила себе передышку.

– О, Патриция, мне так жаль это слышать! Когда ухаживаешь за больным, жизненно важно иногда вдохнуть кислород. Я с вами всем сердцем.

– Он всю жизнь увлекается садом и умеет угледеть тлю с тридцати шагов! Чувствуете этот аромат?

Я вдыхаю воздух и только сейчас различаю легкий цветочный запах.

– Сейчас, когда вы сказали, я его уловила.

– Один из маленьких подарков жизни! Я так вам благодарна, Ферн! – говорит она, глядя на меня.

– За что, собственно?

– За то, что вы – это вы, – отвечает она со смехом.

– Я? Вы серьезно?

– Вы позволяете мне перевести дух. Я боялась, что совершила ошибку, приехав сюда одна, да еще в дурном настроении. Но это было важно для меня по множеству причин, о которых я умолчу. Я очень рада, что не послушалась интуиции и не помчалась обратно в аэропорт. Чего только не натворишь с испугу! – говорит она, подмигивая мне.

Я отвечаю ей тем же.

– Я рада, что вы остались. Знаю, Келли тоже рада. В понедельник она тоже трусила, совсем как вы, но вы ее ободрили.

Я смотрю на Патрицию, она кивает.

– Ах... Что ж, мне пора идти. Сюда идет Нико, наверное, ему надо с вами поговорить.

Сказав это, она вскакивает и идет в сторону сада. У меня странное чувство: похоже, она хотела что-то мне сказать, но передумала.

– Я вас обыскался, – говорит Нико. – Хочу попросить у вас прощения. Это уже превращается у меня в привычку.

Улыбаясь ему, я вижу, что сегодня вечером он в приподнятом настроении. На нем белая рубашка с расстегнутым воротником и новые синие джинсы. Он воспользовался одеколоном с цитрусовым запахом и, судя по влажным волосам, только вышел из душа. Нам обоим легко смотреть друг другу в глаза. Он указывает на скамейку.

– Можно мне присесть? Или милейшая Патриция удалилась, чтобы дать вам побыть одной? Я, случайно, ее не спугнул?

– Что вы, вовсе нет. Это ее природная стеснительность. Конечно, садитесь.

– Вам понравилось рисовать эскизы?

Я чувствую, что он разглядывает мой профиль; скамейка маленькая, мы сидим почти вплотную, и почему-то это меня нервирует. Нико меняет позу: скамейка для него низковата, и он вытягивает вперед длинные ноги. Сев вполоборота ко мне, он закидывает руку на спинку.

– В общем-то да. Хотя вчерашний урок привел меня в изумление, стал полным сюрпризом. Не думала, что я такая мазила, пока не схватила со стола самую большую кисть. Сегодня все было посвящено мелким деталям, я думала, что это представляет для меня наибольший интерес, но руки чешутся опять вооружиться кистью!

Он улыбается, и белизна его зубов на фоне безупречной кожи вызывает у меня непрошеное волнение. Я смешна себе самой: ему любопытна одна из новых учениц, это совершенно естественно.

– Я видел вчера вашу картину, прежде чем вы закончили, но потом вы исчезли, забрав ее с собой, – говорит он хмурясь.

– Это была моя первая попытка. Увы, по пути в комнату я ее уронила, и она завершила жизнь в мусорной корзине. – Мне хочется отделаться шуткой, чтобы он не подумал, что я придаю своей мазне

какую-то ценность. – Мне очень нравится картина на стене в моей комнате. Это не заимствование?

Он гортанно смеется, не сводя с меня глаз. Я продолжаю избегать его взгляда и смотрю прямо перед собой.

– Нет. Это отвечает вашему стилю, вам ближе жанр абстракции. Она напомнила мне работы Мишель Трагакисс, очень популярной современной художницы. Вы меня удивили, Ферн. Сегодня днем я хотел предложить вам испытать свои силы на настоящем холсте. Дверь в мою собственную мастерскую всегда открыта. Это никого не беспокоит. Я часто нахожусь там допоздна, когда мне не спится. У меня привычка писать часа по два кряду, пока кисть не выпадет из руки. Ну, что скажете?

От воодушевления, от завораживающей мысли о следующем мазке кистью я готова завизжать.

– Вы очень добры, Нико, но я не знаю, с чего начинать. Не хочется портить хороший холст, я же такая неумеха! – Это правда, мне страшно опозориться перед ним. Мне не свойственно чувствовать себя такой уязвимой. Но что поделать...

– Мне так не показалось. И потом... – Он вдруг перестает улыбаться, и я заставляю себя посмотреть на него. – Я попрошу вас о большой услуге. У меня есть надежда, что соблазн доступа в мою мастерскую не позволит вам мне отказать.

До чего он меня раздражил!

– М-м-м, я чувствую соблазн еще до того, как пойму, во что впутываюсь, – признаюсь я.

– Сеане нужно отлучиться домой на несколько дней: женится ее кузен. Она уедет в обед в пятницу и вернется только во второй половине дня во вторник. Она мой заместитель, в чем вы, без сомнения, уже могли убедиться. Мы вместе с ней оцениваем вновь прибывших, пытаемся отсортировать более замкнутых, чтобы подыскать для них подходящих приятелей. Это не всегда срабатывает дольше, чем до конца первого занятия, хотя иногда завязывается настоящая дружба.

Я согласно киваю, потому что наблюдала Сеану в деле.

– Сеана ежедневно узнает у всех преподавателей, не возникло ли проблем. Она – мои глаза и уши. На время ее отсутствия мне нужен кто-то, кто ее заменит. И потом, на выходные к нам заехали трое

новеньких, надо за ними приглядеть, вдруг им что-то понадобится? Вы бы мне очень помогли. Она говорит, что я слишком тараторю и слишком быстро хожу, поэтому самому мне будет трудно найти с ними общий язык. Она называет меня слишком пронзительным. – Он морщится и не удерживается от смеха. Когда он в своей тарелке, то становится совершенно другим человеком.

– То есть моя задача – приглядеть за новенькими и убедиться, что не возникает проблем с уборкой. Потом, в понедельник, я помогаю со следующим заездом? Делюсь с вами своими наблюдениями?

– Да. И не забываете проверить доставку чистого постельного белья в середине недели и достаточного количества полотенец. Как будто все... Оставайтесь в тени, но помогайте функционированию системы. В награду вы получите возможность создать ваш собственный шедевр. Представьте, сколько тюбиков краски ждут прикосновения кисти!

Этот посул в его исполнении звучит почти чувственно.

– Довольно, я и так продалась с потрохами! Вы заранее знали, что я соглашусь, да? Хотя, должна признаться, в этом обмене услугами главный выигрыш у меня.

Нико улыбается:

– Это потому, что вы чудесная женщина. В вашей натуре заботиться о других, поэтому это вам не в тягость.

Я кошусь на него, застигнутая врасплох его похвалой. Любопытно, что еще он приметил?

– Моя родня частенько проявляет требовательность. У кого-нибудь обязательно возникает проблема, которую надо помочь решить. Моя работа тоже сосредоточена на благополучии людей, поэтому это вошло мне в плоть и кровь.

Он изучает мое лицо, я наблюдаю, как движутся его глаза.

– Люди вам небезразличны, Ферн, и порой это может превращаться в обузу. Здесь вы сами по себе, вы вышли из своей зоны комфорта, у вас возникают новые интересы. На любом этапе жизни это смелый поступок для каждого.

Я пожимаю плечами.

– Думаю, в нашей семье смельчак – мой муж. Мы договорились отдохнуть годик от работы. Наши желания на этот период разошлись.

На нас свалилось везение, хотя не исключено, что мы сглупили. Это станет понятно только после завершения эксперимента.

– Вы не очень ладили? – В огорчении Нико трудно усомниться, он старается вникнуть в мою ситуацию.

– Наверное, нас подвело самоуспокоение. Мы полагаемся друг на друга, и сейчас я понимаю задним числом, что это и есть самоуспокоение: каждый принимал отношение другого как должное. Это когда уверен, что другой всегда окажется рядом, что бы ни произошло. Не вижу в этом ничего дурного, просто разлука способна оживить чувства.

– Вас ждет целый год новых смелых открытий, но одновременно это для вас обоих огромный риск.

Его слова меня смущают. Я рассталась с привычной, нормальной жизнью. С другой стороны, каждый прожитый здесь день приносит что-то новое, я узнаю о самой себе удивительные вещи, начинаю понимать, как меня воспринимают чужие люди. Теперь Нико готов на меня положиться. Такой степени доверия я не ожидала.

– Еще это приключение, какого нам больше, наверное, не выпадет. По этой причине я с радостью принимаю ваше предложение, Нико, если вы считаете, что я для этого гожусь. Спасибо!

– Отлично! Я рад, что вы готовы покинуть зону вашего комфорта. Если хотите, можем послушать в гостиной игру Тейлора и Келли. Сеана уговорила их исполнить пару песен. Потом можете располагаться в моей мастерской.

Я согласно киваю.

– Даже не знаю, как ей это удалось!

– Он из Монтаны, как такой человек может отказаться от празднования Четвертого июля? Сеана обо всем успевает подумать. – По выражению его лица понятно, как он ее ценит.

– Пока Сеана будет у себя в Шотландии, вам будет ее здорово недоставать, – говорю я.

– Верно, но она сказала, что если я смогу вас уговорить, то она будет спокойна, что я передан в надежные руки.

Его выразительные глаза сияют признательностью. Меня охватывают сомнения, я уже не уверена, что это такая уж хорошая идея. Но как я могу отвертеться, когда он лезет из кожи вон, чтобы поощрить мое творчество?

– Привет, дезертир! – слышу я голос Ханны. У меня почти перестает биться сердце, так сильна моя радость, что она наконец соизволила мне позвонить. – Не могу долго на тебя злиться. Мама и Лиам взяли меня в оборот. Меня заклеямили как эгоистку. – Я слышу в ее голосе нотки раскаяния.

– У тебя куча новых дел, не хочу, чтобы ты вдобавок переживала за Эйдена и за меня. У нас все в порядке, честно. Иногда полезно предоставлять нашим любимым свободу разобраться в самих себе. К тому же ты теперь живешь самостоятельной жизнью, привычка наведываться почти каждый день, чтобы поболтать, так или иначе должна была уйти в прошлое.

– Знаю, но все равно скучаю по тебе. Мне стыдно, что я заставила тебя волноваться, просто ты далеко, хотя от этого только хуже. Не могу не думать о том, что, если бы ты не купила лотерейный билет, всего этого не случилось бы. Ты бы жила себе дома, с Эйденем, как раньше. Вы – столпы нормальности, совсем как мама с папой.

Я закатываю глаза и ничего не отвечаю. Даже старшей сестре важно хотя бы иногда подумать о самой себе, махнув рукой на ролевые модели. Что толку, если бы я засела дома и сходила бы сейчас с ума от тревоги за Эйдена?

– Мне нравится, что ты теперь свободна. Я тобой горжусь. Это удобный случай, чтобы хвататься за любую подворачивающуюся возможность и наслаждаться каждым мгновением. Не терзай себя тревогой из-за событий, которые еще непонятно, произойдут или нет – хоть с тобой, хоть с любым вокруг тебя. Прими то, что жизнь – это нескончаемые перемены.

Она усмехается, я представляю себе, как она корчит рожицу.

– Согласна, согласна, старшая сестра! Сейчас я подброшу тебе новый повод для переживаний: мы с Лиамом решили обручиться. Только без паники: ты ничего не пропустила. Мы не устроим никакого праздника, пока вы с Эйденем не вернетесь, просто теперь я ношу роскошное кольцо. Он пригласил меня на ужин в знак благодарности за помощь с ремонтом квартиры. Вдруг подбегает скрипач, Лиам падает на одно колено. Честно, Ферн, я чуть не умерла от смущения, но я так счастлива!

От отчаяния я щурюсь. Как же мне хочется быть сейчас с ней рядом! Но одновременно я мысленно кричу: «Не спеши, Ханна, лучше сначала испытать чувство настоящей свободы, иначе потом тебе будет его не доставать. С Эйденом именно так и произошло».

Что именно с ним произошло, я так и не поняла. Кто-то тоскует по приключениям, а по чему тоскую я? По неслучившейся распущенности? По возможности побыть эгоисткой? Нельзя вернуть ощущение молодости и свободы, когда тебе уже скоро тридцать и вся твоя жизнь – сплошная ответственность.

– Если это то, чего ты хочешь, Ханна, то я счастлива за вас обоих. Когда мы соберемся вместе, устроим праздник в вашу честь.

На самом деле я в смятении. Сначала я устроила это моим родителям, теперь то же самое сделала сестра – безнадежно влюбилась в нежном возрасте и ничего не желает замечать вокруг. Но я слышу, как она счастлива, и не могу сознаться, что мне тревожно, чтобы не заслужить обвинение в лицемерии. Я желаю Ханне только хорошего, Лиам – прекрасный молодой человек, но они так торопятся! Она еще ничего толком не испытала в жизни. Я в ее возрасте этого не понимала – потому что в этом возрасте этого не понимает никто.

– Спасибо, Ферн. Я боялась, что без тебя мне придется трудно. Я написала Оуэну, но он пропадает на своих учениях. Он ответил совсем коротко и пообещал позвонить, когда вернется. Как там Франция?

Ничего не могу с собой поделать: меня печалит огромное расстояние между нами. Боюсь представить реакцию мамы и папы, когда Ханна обрушила на них свою новость. Знаю, им не хочется, чтобы она пошла по моим стопам, хотя мы с ней совсем разные. Общее у нас с ней – упрямство; Оуэн сговорчивее, думаю, жизнь с сестрами научила его выдержке.

– Все чудесно. Светит солнышко. Дружелюбные люди. Давно я так не отдыхала.

– Шикарно. Это то, что тебе требовалось.

Отлично помню свое юношеское чувство непобедимости и уверенность, что те, кто со мной не согласен, живут вполсилы. Это у них возрастное, думала я, помнится, в ранней молодости, полная неисчерпаемого оптимизма. Ничто не могло поколебать мою мечту о простирающейся впереди замечательной жизни.

– Учти, тут обнаружилось, что я на самом деле художница-абстракционистка. Когда я вернусь домой, многое изменится: всю эту массовую продукцию я поменяю на подлинное искусство.

– Ух ты! Я-то думала, что это Эйден, улетевший к черту на кулички, – храбрец, а оказывается, выкинуть фортель собралась моя сестрица. Надеюсь, Эйден будет ко всему этому готов, когда вернется.

Прощаясь с сестрой, я не могу не согласиться с ее чувствами.

11. Дрожь возбуждения

– Это было чудесно! Сначала Келли и Тейлор нервничали, но потом зазвучали как настоящий дуэт. Как вы думаете, Келли хорошо поет?

Нико распахивает тяжелую дубовую дверь шато и придерживает ее для меня. Я, входя, вспоминаю, что у меня выключен телефон, и тороплюсь его включить.

– Полагаю, да, но ей нужно раскрепоститься, не знаю, получится ли у нее это. Играла она очень уверенно, одно удовольствие смотреть и слушать. Всем понравилось.

– Вы не захотели остаться и попеть караоке? – спрашивает Нико, искоса глядя на меня.

– Сейчас подумаю... Ответ отрицательный.

Он смеется:

– Да, вы не в том настроении. Сегодня вы какая-то печальная. Скучаете по дому?

Нико открывает дверь в мастерскую. Я вхожу и делаю глубокий вдох. По спине пробегает холодок. Дело не только в резком запахе краски, но и в осознании того, что мне предстоит написать нечто, что, надеюсь, будет висеть у меня дома на стене.

– Нет, я в полном порядке. Просто задумалась, легко ли переправлять холсты в Британию.

– Без проблем. И в Британию, и по всей Европе. Я выставлюсь только в Испании, зато кое-что продаю при помощи своего веб-сайта. Приходится, конечно, заполнять таможенные декларации, но проще всего свернуть несколько холстов и транспортировать их в тубах. Так гораздо дешевле. Потом сколько угодно расправляй их и вставляй в рамы.

Внезапно звонит телефон.

– Простите, это моя сестра, я должна ответить.

Нико кивает и дипломатично отходит в дальний конец мастерской.

– В чем дело, Ханна?

– Как я понимаю, Эйден еще тебе не дозвонился. Он позвонил мне и сказал, что пытался тебе звонить. Якобы возникла какая-то

проблема, только я не поняла его, как ни прислушивалась: связь была ужасная. Я сказала, что свяжусь с тобой. Наверное, ты не заходила на его страницу в соцсетях. Что там за женщина на последней фотографии? Я пришлю тебе снимок страницы. Не знаю, что происходит, но лучше бы тебе прямо сейчас ему позвонить.

– Фотография? Повиси, я сейчас.

Я убираю телефон от уха и убеждаюсь, что у меня три пропущенных звонка и два сообщения – все от Эйдена. Проклятие, почему я не сообщила включить телефон сразу после «концерта»?

Ханна шлет мне скриншот. Женщину на нем я не знаю, мне знаком только один персонаж – Эйден.

Я открываю первое сообщение от него.

«Пытаюсь тебе звонить. Мы торопимся с отъездом, возникла проблема, здесь нельзя оставаться. Скоро перезвоню».

МЫ?

Второе послание информативнее, но тоже оставляет вопросы.

«Я в безопасности, еду с еще двумя людьми. Мы нашли человека, согласившегося доставить нас в Аделаиду за разумную плату, но от Кубер-Педи туда неблизкий путь. У меня почти села батарея. Позвоню тебе, когда смогу, но остановок, похоже, будет немного. Скоро поговорим».

– Ханна, я не пойму, что происходит. Эйден написал, что он в безопасности. Я выключала телефон, потому что была на концерте. Его постов я не видела.

– Он поместил четыре фото примерно за час до звонка мне. В голосе Эйдена была паника, потому что он не мог до тебя дозвониться, Ферн. Было очень шумно, как будто рядом дрались... – Я слышу, что она испугана.

– Послушай, что бы ни произошло, Эйден пишет, что он в безопасности и сейчас едет с двумя спутниками в Аделаиду. Отдышись и успокойся, мой телефон теперь включен, я буду мониторить ситуацию. Прости, что напугала тебя. Эйден может о себе позаботиться, наверное, он запаниковал от мысли, что я не смогу ему дозвониться, вот и все. Как только я что-то узнаю, тут же дам тебе знать, хорошо?

– Хорошо. Это был шок, все эти звуки и его испуганный голос... Ты по крайней мере в безопасном месте, ну, что может тебе угрожать в

милейшем замке во французской провинции?

Я бросаю взгляд на Нико, снявшего хлопчатобумажную рубашку и натягивающего через голову майку. Я скромно отвожу взгляд. Хорошо хоть, что он повернулся ко мне спиной.

– Эйден со всем справится, Ханна, я уверена. С ним все будет в порядке. Займись чем-нибудь, отвлекись. Может пройти время, прежде чем я получу от него новости, он сказал, что путь неблизкий и что у него почти села батарея телефона.

Мне неприятно кривить душой, в животе опять резь от беспокойства. Эйден и Ханна всегда были хорошими друзьями. Несколько раз, когда мы с ней конфликтовали, она обращалась к нему за советом.

– Ладно. Как только что-то о нем узнаешь, позвони мне. Неважно, который будет час. Мне главное знать, что он жив-здоров.

– Обещаю. А теперь успокойся. Чтобы ни слова матери с отцом! Что толку, если все лишатся сна, тем более что кризис, кажется, уже миновал.

Прежде чем опустить телефон в карман, я увеличиваю до максимума звук. Следующий входящий вызов может быть важным.

Оглядываясь на Нико, я вижу, что он за мной наблюдает. Раз телефонный разговор закончен, он идет ко мне.

– Судя по вашему виду, вас что-то взволновало. Плохие новости?

Сначала я киваю, потом отрицательно мотаю головой. Передумываю и пожимаю плечами.

– Даже не знаю. Дело в Эйдене, там какая-то проблема. Да, забыла, по словам сестры, он запостил фотки. Надо взглянуть.

Я опять достаю телефон и открываю соцсети. Нико отходит. Эйден разместил четыре фотографии. На первой шахта со старой выцветшей вывеской, название на ней не разобрать. На еще двух фото неприглядные безжизненные окрестности с низким кустарником и кучами земли на заднем плане. На четвертой фотографии сам Эйден, стоящий между моложавым мужчиной и женщиной, темной шатенкой с волосами, завязанными на затылке в хвост – ее фото я уже получила от Ханны. Сзади них стоит мужчина с заступом на плече. Все смеются и показывают на вывеску *Cook's Kitchen* над каким-то сараем посреди пустыни.

– Держите, вам это сейчас полезно. – Нико дает мне полстакана красного вина.

Я беру стакан, он тоже пьет, не зная, что сказать.

– Не пойму, что происходит. У меня два неотвеченных звонка и два сообщения. Эйден утверждает, что он в безопасности, в пути, с ним еще двое людей. Он находился на этой опаловой шахте в пустыне. Вряд ли сегодня будут еще новости. У него почти села батарея телефона, но он сказал, что их довезут до Аделаиды. Думаю, это больше дня пути. Понятия не имею, что там за дороги.

Я отпиваю большой глоток вина и опускаю стакан, не зная, выпьет ли Нико. Он чувствует мое сомнение.

– Я уже вам говорил, Ферн, я не алкоголик. Все в меру. – Он приветственно поднимает стакан.

Я покаянно улыбаюсь – не хочу, чтобы Нико решил, что я ему не доверяю.

– Вряд ли мы с Ханной успокоимся, пока он снова не даст знать о себе. Это моя вина: я пропустила его звонки, теперь моя сестра места себе не находит. Очень тяжело, когда не знаешь, что происходит.

– У меня есть отличное решение. – Взгляд его темных глаз немного смягчается. – Давайте сюда стакан. Садитесь к мольберту. Раз сон вам не грозит, наибольший покой приносит живопись, вот увидите.

Нико, похоже, полон энтузиазма, в отличие от меня: я пришла сюда в приподнятом настроении, но теперь от него не осталось следа, и он не может этого не видеть.

– Я покупаю только льняные холсты. Вот приготовил для вас один, покрыл двумя слоями белого грунта. Поверхность готова для краски. Когда закончите, я могу поместить ваше произведение в деревянную раму. Еще можно хранить его свернутым в трубочку – это упрощает перевозку.

Он легко поднимает широкую раму, хотя для этого ему приходится почти до отказа развести руки.

– Вот это размер! – ахаю я.

Он устанавливает раму на низкую, всего в пару дюймов, станину и показывает, как закрепить эту конструкцию с обеих сторон специальными зажимами.

– Предлагаю акриловую краску – она быстрее сохнет.

Он отступает, любясь вместе со мной пустым холстом.

– С чего мне начать? Что изобразить? – Меня переполняет смесь страха и воодушевления.

– Начните с набросков. – Он подходит к высокому, от пола до потолка, шкафу, без труда отодвигает одну его дверь и достает плакат на рейке. – Хотите – пишите, глядя на фотографию, хотите – напишите натюрморт. Я могу собрать для вас столик с натурой. Картина в вашей комнате – это вид на лес из двора.

«У тебя получится, Ферн», – убеждает меня тихий внутренний голос.

– Спасибо! Но я не сразу схвачусь за кисть. Не хочу портить такой безупречный холст.

Нико хохочет, запрокинув голову:

– Вокруг вас холсты, которым не нашлось применения. Они предназначены не для украшения стен, а для того, чтобы их подпирать. А есть такие, которые ожили при первом же мазке. Возьмите! – Он наклоняется за большой, многократно сложенной тряпкой. – Если не захотите показывать мне вашу работу, пока она не будет готова, накройте ее парусиной. Я вас не обману, даю слово. А сейчас я покажу вам одну свою работу, не законченную по причине временной разлуки с музыкой.

Я тут же вспоминаю прошлую ночь. Нико что-то бормотал на эту тему – не помню точно, что именно. Он упомянул музыку, а еще назвал меня ангелом...

Я оборачиваюсь, он сдергивает с одного из холстов накидку, и у меня падает челюсть. Мне очень понравилась незаконченная уличная сценка в его родном городке, но это что-то совершенно другое: изящное, полное любви, которой светится каждый мазок. При этом две трети холста еще пусты. Фон уже ожил: на него нанесены очертания женского лица, женской фигуры, но подробностей нет. И все же картина уже завораживает, чистые две трети холста воспринимаются как зияющая дыра.

– Здесь озеро, да? Но это не та женщина, которую рисовал ваш отец, не ваша мать. При том что стиль его...

Он качает головой:

– Да, это не она. Хотя она послужила вдохновением. Она часто убегала, когда отец становился невыносим. Я находил ее сидящей в

высокой траве и смотрящей на воду. Она называла это своим кусочком рая.

– Это так красиво, Нико! Что вам мешает это завершить? Получилось бы еще лучше.

Он долго смотрит на холст и ничего не отвечает.

– Эта женщина часто посещает меня в снах, – произносит он наконец. – То, как она сидит, поджав ноги, у меня вот здесь. – Он похлопывает себя по лбу. – Но когда кисть прикасается к холсту, ничего не происходит. Мне нужна натурщица. Однажды я позвал Сеану, но мы оба знали, что из этого ничего не выйдет. Я набросал ее в нескольких позах, но без вдохновения. На эту картину я не жалею времени, через нее я поклоняюсь захватывающей женской красоте – внутренней и наружной. Вот она и терпит, ждет, когда меня посетит муза.

У меня перехватывает дыхание от остроты чувств, кроющихся за его словами. Кажется, я его понимаю. У каждого живописца должна быть муза.

– Вы с Сеаной очень близки. Вы давно знакомы?

Он отвлекается – поднимает завалившийся холст.

– Давненько, – откликается он через плечо. – У меня была многолетняя депрессия, она помогла мне ее преодолеть. Кажется, с тех пор минула целая жизнь! – Он поворачивается и смотрит на меня. – Из-за этого мы всегда будем друзьями; так часто бывает между психологом и пациентом. Теперь у нас с ней общая цель, результат жизненного опыта: расширить этот бизнес, создать центр здорового образа жизни. Здесь будут исцеляться. Первоначально эта идея проистекла из опыта Сеаны с ментальными практиками и холистическим врачеванием. Мы мечтаем пригласить еще одного профессионала, чтобы с ним двинуться дальше.

– Замечательная идея, Нико! Это чрезвычайно манящее место – гостеприимное, комфортабельное, здесь так легко освоиться! Такой шаг вперед – самое естественное развитие. Взять хотя бы тех, кто проводит здесь эту неделю: у каждого есть в жизни что-то грустное, и они, сами того не сознавая, не могут с этим расстаться. Удивительно, что вы еще не взялись за осуществление вашей мечты.

Нико расправляет плечи, чтобы снять напряжение, кладет ладонь себе на затылок. У него мощные руки, и я ловлю себя на том, что

заворожена каждым его движением. От него не оторвать взгляда, как от прекрасной картины. Яркий человек, захватывающий мечты!

– Все упирается в деньги. Мои работы хорошо продаются, но если не тратить время на живопись, то становится нечего предлагать галереям. Я отстаю от собственного расписания, но летние месяцы здесь всегда такие. На кону не только мои собственные заработки, но и доходы всех тех, кто вложил в мою мечту.

Из коридора несколько секунд доносятся голоса.

– Меня снова посетит муза, и краска полется рекой, – говорит он, снова поворачивается к своей загадочной даме и закутывает ее в тонкую накидку. – Без этого никак. Пока я не допишу эту картину, не будет мне покоя. Но вы сейчас здесь не для этого, вам нужно думать о начале вашего собственного творческого пути.

Это говорится со смелым энтузиазмом.

– Назовем это «пурпурным периодом», – отвечаю я хихикая. – Достаточно повернуть голову и посмотреть в окно, чтобы меня посетило вдохновение. – И верно, темно-красные вьющиеся розы на каменной стене – это истинный водопад красок.

– Скорее запечатлейте, освещение все время меняется. Но у вас хороший глаз, я тоже считаю, что самый волнующий цвет у сада – перед наступлением сумерек.

Я, как подброшенная пружиной, кидаюсь к окну, доставая по пути телефон, чтобы сделать фотографию. Конечно, мне на ум приходит Эйден, и я молю Бога, чтобы Он позаботился о его безопасности.

12. Моя зона комфорта

Вечер затянулся. Мы с Нико трудились молча. Оказалось, что деревенская сцена у него на родине – его излюбленная тема.

Я часами ходила кругами, Нико то и дело появлялся у меня за плечом и давал дельные советы. На пол слетали один за другим испорченные листы, и с каждой новой неудачей я испытывала все больше разочарования.

В конце концов Нико предложил отправить ему фотографию, которую я сделала, прежде чем встать к мольберту, и принес мне ее большую цветную распечатку.

– Повесьте это перед собой и возьмите кисть. Слишком много думать вредно: это мешает потоку чувств. Первая попытка может огорчить, а может и обнадежить, когда вам удастся выразить то, что вы видите здесь. Действуйте, а то я никак не вернусь к своей работе. – По его твердому взгляду я поняла, что он прав.

Волей-неволей я начала.

Уже во втором часу ночи у меня завибрировал телефон, нарушив компанейское молчание, в котором мы трудились.

«Пит-стоп. Мы уже отъехали на сотню км от неприятностей. Все хорошо, только сильная усталость. Жди нас, Аделаида! Завтра, когда мы туда доберемся, я тебе позвоню. Люблю тебя, детка, напрасно я тебя напугал».

Ладно бы одну меня, но еще он нагнал страху на Ханну. Я со вздохом звоню ей, сердясь на него.

– Эйден в порядке. Завтра он доберется до Аделаиды. Я еще не прикинула разницу во времени и не знаю, в котором часу это будет.

– Представляю, каково тебе! Это ужасно – не знать, где он и что с ним происходит. Эйден отправился разглядывать достопримечательности, а не искать неприятности. Очень тебе сочувствую, Ферн.

Я слышу в ее голосе облегчение, но не только. Я тоже рассержена.

– Что ж, теперь можно перевести дух и поспать.

– Что ты делаешь? Читаешь?

– Нет, пишу картину! Трудно будет отложить кисть...

– Ух ты! Рада это слышать. Не поздновато? Спокойной ночи! Будем надеяться, что завтрашний день выдастся более спокойным.

* * *

Я опаздываю к завтраку. Но есть и хорошая новость: добравшись глубокой ночью до постели, я тут же уснула, поэтому отлично выспалась.

– Привет, Ферн! – раздается у меня за спиной голос Сеаны. Я уже нагрнула тарелку круассанами и джемом. – Нико сказал, что вы поможете в мое отсутствие. Спасибо вам! Я уеду с легким сердцем.

Вижу, она искренне рада.

– Всегда пожалуйста. Для меня удовольствие принести пользу.

В двери появляется Бастьен и зовет Сеану.

– Похоже, у нас не все гладко. Пойду разберусь. – Она слабо улыбается и оставляет на столике свою тарелку.

Бастьен – единственный инструктор, с которым я еще не успела поговорить, но только потому, что он редко показывается. Слышать я его слышу – то есть не его самого, а стук его молота по металлу в небольшой лощине, где стоят сараи.

Я подхожу к увлеченно беседующим Келли и Патриции.

– Доброе утро! Надеюсь, вы обе хорошо выспались.

– Лучше не бывает! – весело отвечает Келли.

– Так и есть, благодарю, – подтверждает Патриция.

– Сегодня утром я не пойду в огород, – предупреждает Келли. – Патриция зовет меня в гончарную мастерскую. Заманчивое предложение! А еще я договорилась с Тейлором об уроке у него в столярке сегодня после обеда. Мы осваиваем токарный станок, учимся делать грибочки. Звучит как занятия кулинарией! – Она так воодушевлена, что Патриция не удерживается от легкой игривой улыбки.

– Правильно, тебе будет интересно утром тоже попробовать что-то новенькое, – поддерживаю я Келли.

Уверена, Одиль с радостью примет новую ученицу, а у Келли появится возможность расширить свой круг общения. Игра на гитаре

здорово укрепила ее уверенность в себе. От колючести, которой она отличалась по прибытии, почти ничего не осталось.

– В нашей прополочной бригаде пополнение, – сообщает Патриция, робко глядя на меня, кусает свою бриошь и, помолчав, объясняет: – Нам вызвался помочь Стефан.

Я стараюсь сохранить серьезное выражение лица. Это отличная новость: он станет для Патриции хорошим напарником. Моя компания новичков уже встала на ноги, с одним из них даже придется вскоре проститься. Трудно поверить, что уже четверг. У меня ощущение, что я здесь давным-давно, чувствую себя здешней, местной. Ирония в том, что я лучше провожу время, чем Эйден, все это затеявший. Для меня это терапия, я чувствую, как заряжаются мои батарейки.

* * *

– Простите, не хотела вас беспокоить...

Поймав взгляд Нико, я пугаюсь, что помешала его творческому вдохновению. Я не знала, что он до сих пор в мастерской.

Он смотрит на часы.

– Я пообедаю позже, надо подготовиться к уроку. Я отвлекся и потерял счет времени.

Я подхожу ближе и разглядываю маленький участок холста, над которым он трудился все утро.

– Сколько времени уйдет на завершение? Вас влечет глубина, я прямо представляю, как иду по пыльному тротуару, мимо цветочной лавки, мимо сквера. Везет тем, кто каждый день может это видеть.

Он приподнимает одну бровь, но лицо остается серьезным.

– Среди них состоятельный владелец магазина и одна маркиза. Она, кстати, не жалеет денег на взносы, я очень рад знакомству с ней. Они помогут финансировать расширение нашего проекта. Всех затрат это все равно не покроет, так что этим летом мне придется продать несколько небольших картин.

Я понимаю, под каким давлением живет Нико.

– Почему бы не продать одну из отцовских картин?

Здесь столько полотен! Сеана, помнится, говорила, что после смерти отца Нико его работы сильно подорожали.

Нико берет тряпку и вытирает кисть.

– Те, которые он не изуродовал, остались недописанными. Теперь мне приходится полагаться на собственные ресурсы. – Он поглядывает на меня с некоторой хитростью во взгляде.

– Картина в моей комнате удивительная! За нее наверняка отвалили бы уйму денег.

Нико откидывает голову и делает вращательные движения, я слышу щелчки позвонков – сказываются долгие часы напряженной сосредоточенности.

– Я храню ее, она о многом мне напоминает – главным образом о выбоинах на жизненном пути, в которые легко провалиться.

Вижу, ему неприятно об этом говорить. Он почти на грани, может, даже раскаивается, что откровенничал со мной. Разумеется, я ценю его доверие. Самоубийство отца подкосило сына, хотя его вины в этом не было. Как ни грустно, психическое заболевание и пагубные привычки часто идут рука об руку, это бой, который многие проигрывают. Я не отвожу глаз. У меня впечатление, что он должен был произнести эти слова вслух, услышать собственный голос, говорящий их.

– Я бы лучше сосредоточился, если бы мог, на том, чтобы первым делом дописать портрет у озера. Нужно поймать очертания, вплетенные в мои сны, но все еще от меня ускользающие. Не могу отделаться от мысли, что судьба послала мне новую музу, Ферн. Вы обладаете тем простым изяществом, которое мне так необходимо перенести на холст. Не согласитесь мне попозировать?

Я медленно, глубоко вздыхаю. Судя по его наброску, он пишет более молодую и очень красивую женщину, причем обнаженную. Отчасти ее наготу скрывает высокая трава пышного луга рядом с рябящей водой.

Меня влекут ее очертания, мне кажется, что они взывают о помощи. Нико делает это не ради денег, а ради собственного психического равновесия, потому что эта неведомая женщина не дает ему покоя. Может, она – ускользающая память о величайшей страсти его жизни? В стиле старых мастеров он гонится за своим сном; отец понял бы его. Уж не пытается ли он доказать самому себе раз и навсегда, что он на такое способен, прежде чем идти дальше?

– Мне надо подумать, Нико. Простите, но так, с ходу, я не могу сказать вам «да».

Он на секунду-другую закрывает глаза и кивает, давая понять, что не удивлен моим сомнениям.

– Конечно. Пожалуйста, не торопитесь. Меньше всего я хочу на вас давить. Понимаю, что это непростая просьба. Но, как художник, знаю, что с вашей помощью смог бы покончить со сном, не дающим мне покоя ночь за ночью. Это как беспокойство, не проходящее до тех пор, пока дело не будет сделано. Давайте больше не обсуждать это сегодня. Днем у нас урок.

Я испугалась было, что этот разговор его удручит, но он как будто остался в добром расположении духа. Приятно видеть его душевный подъем после утренних трудов.

Я смотрю по сторонам. Он тем временем стягивает с себя старую, заляпанную краской майку и снимает с крючка на стене накрахмаленную хлопчатобумажную рубашку. Понимаю, что в контексте творчества тело – всего лишь форма, но мне всегда инстинктивно хочется прикрыть наготу. Не то что я стыжусь своего тела, просто в глубине души я, наверное, ханжа.

Неужели я стану позировать нагой плохо знакомому мужчине, пусть даже во имя искусства? Часть меня очень этого хочет, ведь я понимаю важность просьбы, ее значение для Нико. С другой стороны, ни один мужчина, не считая Эйдена, еще не видел меня без одежды.

Я сверлю глазами мускулистую спину Нико, надевающего рубашку. Он поворачивается и встречается со мной глазами. Меня не смущает его взгляд, который я могу назвать только проникновенным, понимающим. Я завидую его мастерству и жалею, что не могу запечатлеть на холсте его телесную и духовную силу. Никогда еще не встречала настолько ЖИВОГО во всех смыслах слова человека. Видеть все его глазами живописца – значит видеть совершенно другой мир.

– Я проголодался, а вы? – спрашивает он подтрунивающим тоном.

Не перешел ли он к заигрыванию? Мне трудно в этом разобраться, ведь я уже давно не пыталась разбираться в мужчинах, не искала в их поведении выразительных признаков. Мой муж не в счет.

– Еще как! – отвечаю я, выходя вместе с ним на солнце.

В гостиной к нам быстрым шагом подходит Сеана.

– Нико, ночью в кузницу забралось какое-то животное и устроило там кавардак. Мы с Ди-Ди помогаем Бастьену, но у нас после обеда

занятия. Он должен починить заднюю стенку, но ему нужна помощь.

Нико хмурится. Я тут же вмешиваюсь:

– Я могу помочь. Джон тоже присоединится, если я попрошу. Вы недосчитаетесь на своем занятии двоих, Нико.

– Если вы не против, я согласен.

Сеана облегченно переводит дух.

– Это будет чудесно, Ферн! Я так вам благодарна! Доверяю это вам. Сама я обещала помочь Марго на кухне.

Вижу, она изучает выражение лица Нико, потом переводит взгляд на меня, не скрывая любопытства. Надеюсь, у нее не возникло подозрения, что я пытаюсь ее потеснить.

Чтобы убедить ее, что ей не о чем беспокоиться, я иду следом за ней на кухню и помогаю нарезать огромное блюдо салата. При этом мы болтаем о пустяках. Потом она спрашивает, как дела у меня дома, и я коротко рассказываю о звонке Ханны с сообщением о помолвке. И про то, как Эйден спасается неведомо от чего в австралийском буше.

– Тяжело, когда семья так далеко, правда? У меня те же трудности. Моя мать уже одиннадцать лет не берет в рот спиртного, но я все равно волнуюсь. Детские воспоминания никогда не меркнут, и стоит зазвонить телефону, я боюсь услышать что-нибудь неприятное. Отец хворает, а удержать ее в пределах нормы способен он один. Я мало что могу, разве что слушать. Теперь я хотя бы побуду с ними. Мой двоюродный брат женится, я предвкушаю настоящий шотландский праздник.

Ее готовность откровенно делиться со мной снимает мои подозрения. Я не знаю ее отношения к общению между мной и Нико. Но мне нечего скрывать.

– Вообще-то, – продолжает она, наклоняясь ко мне, – я совершенно не готова. Стесняюсь своих ногтей – прополка есть прополка... – Она усмехается.

– Ну, это поправимо. У меня с собой маникюрный набор и гель-лак. Можем заняться этим завтра, если вы выкроите время.

– Правда? Было бы чудесно! С волосами я кое-как справлюсь. Щетка, расческа – и я готова к празднику. Спасибо, Ферн. Осталось решить, что надеть.

На нас косится Марго.

– Салат уже готов?

Мы ускоряем работу, хихикая, как школьницы, застигнутые за баловством.

– Люди проголодались, – напоминает нам Марго, как будто мы не в курсе.

13. Тяжелый труд полезен для души

– Привет, Бастьен, мы с Джоном пришли помочь. Скажите, что делать. Марго передала вам коробку с ланчем. Она переживает, что вы не обедали. Я не поняла, что именно я должна вам сказать от ее имени. Кажется, осыпать вас упреками.

Он пожимает плечами, испытывая, видимо, облегчение из-за того, что она не явилась к нему с упреками лично.

– Спасибо, Ферн. Она дама суровая, но добрая. Так, кажется, говорят о собаках?

Мы с Джоном смеемся, Бастьен берет у нас коробку и благодарит. Думаю, мы правильно его поняли: он ни в чем ее не обвиняет.

– Тут непростая задачка, – говорит он и подводит нас к дыре в задней стене сарая. Само сооружение огромное, почти как ангар на аэродроме, на зиму здесь, наверное, складывали тюки сена. За перегородкой устроена столярная мастерская.

– С той стороны, за стеной, овчарня. В кузницу забрела не то лиса, не то лань, овцы испугались, стали брыкаться и снесли подпорки – вот стена и рухнула.

Мы заглядываем в дыру и не видим овец – наверное, их перегнали в безопасное место.

Джон прохаживается вдоль задней стены и простукивает ее кулаком.

– Переборки и скобы в порядке, пострадали только перемычки, – сообщает он Бастьену. – По-моему, потребуется несколько дней, чтобы что-то поправить, хотя кое-что уже не отремонтировать.

Мы смотрим на стопку досок. Бастьен уже приступил к работе, но ее непочатый край.

– Ничего себе! – раздается позади нас голос Тейлора. – Выход один: заменить крестовины и найти применение уцелевшим доскам. Все развалилось потому, что и так держалось на честном слове.

Тейлор согласен с Джоном.

Бастьен и Тейлор идут за листами кровельного железа, я остаюсь помогать Джону. Он быстро берется за дело. Мы складываем отдельно доски потолще.

– Так, Ферн, сейчас я поставлю лестницу вот здесь. Вы дадите мне молоток и гвозди, и мы начнем.

Его не смущает шаткость лестницы. Он показывает мне, какие доски подавать.

– Так мы быстро управимся. Если они найдут восемь листов, то мы закончим еще до ужина.

– Недурно для маляра, Джон, – говорю я, восторженно глядя на него снизу вверх.

Он ухмыляется:

– Несколько лет назад я потерял жену. Всем была хороша, но не выносила, когда я бездельничал. Говорила, что главное для меня – не простаивать. Мы с ней вдвоем отремонтировали весь дом, построили в саду беседку и детский домик на дереве: для внуков. Между прочим, она отлично управлялась со сверлом. Дня не проходит, чтобы я не тосковал по моей старушке. Она сделала из меня человека.

– Вы с ней были образцовой командой, Джон. Это называется «родственные души».

Он кивает:

– Она по-прежнему со мной. Я все время ощущаю ее присутствие. Она продолжает за мной приглядывать. – Он подмигивает.

Пока мы возимся, возвращаются Бастьен и Тейлор с широким листом жести.

– Там этого добра полно, – сообщает Тейлор. – Глазом не моргнете, как мы все сюда перетащим.

Я помогаю чем могу. При этом мы увлеченно болтаем. Джон – большой шутник. Не уверена, что Бастьен достаточно владеет английским, чтобы всегда улавливать смысл, тем более что Джон – типичный кокни, но, как ни странно, смеется в правильных местах.

В самый неподходящий момент звонит мой телефон. Это Эйден.

– Извините, я сейчас... Ты меня слышишь, Эйден? – Я выбегаю наружу и влезая на заросшую травой скамейку, чтобы улучшить сигнал. Помехи мешают говорить. – Тебе слышно, Эйден?

– Фер...

– Эйден!

– Ферн. Так лучше. Ты где?

– В большом сарае, нашла местечко, где лучше слышно. Важнее другое, ГДЕ ТЫ?

Где бы он ни находился, место шумное, но, к счастью, это уже похоже на уличный шум.

– Мы остановились заправиться на окраине Аделаиды. Сейчас первый час ночи. Путешествие получилось еще то, но теперь все наладилось.

Его голос звучит так отчетливо, что не верится, что между нами много тысяч миль.

– Что у тебя стряслось?

Он кряхтит.

– Оказалось, что парни, с которыми я связался, не владельцы земли, а арендаторы, срок аренды – год. Это был их второй сезон, но копать они начали до того, как обговорили и подписали новый договор. Приехал целый грузовик людей, началась пальба. Это очень далеко, у черта на куличках, местность пересеченная. Все работают, проходит минута – и уже в разгаре война. О таком мы точно не договаривались.

Я закрываю глаза. Хорошо хоть, что он остался цел.

– Ты сказал «мы»?

– Да-да, я путешествую с новыми друзьями, Эдди и Джосс. Эдди пару лет скитался, Джосс стряпала на шахте.

Надо понимать, это и есть женщина с фотографии.

– Что ж, я рада, что ты спасся и остался невредим. Не хочу, чтобы ты подвергал себя опасности. По крайней мере, теперь ты не один, чем вас больше, тем лучше. Мне было страшно думать, что ты совсем один, Эйден. Случившееся доказывает, что надо всегда быть настороже. Что планируешь теперь?

Издали доносится его имя.

– О'кей, я здесь! – кричит он в ответ. – Послушай, милая, мне пора. Нам еще надо найти ночлег, а то час уже очень поздний. Люблю тебя, скучаю. Теперь, услышав твой голос, – еще сильнее, чем раньше. Ты тоже береги себя, я с тобой свяжусь, когда узнаю, куда направлюсь дальше. Пока.

Я успеваю сказать: «И я тебя люблю», но он вряд ли услышал.

– Я тоже в порядке, правда. Спасибо, что спросил.

Я возвращаюсь в сарай.

– Может, во Франции и не так страшно, как на опаловой шахте, – говорю я себе сквозь зубы, – но и здесь за каждым углом подстерегают

неожиданности.

* * *

– Вы не очень устали? Не прогуляетесь со мной к озеру?

Ко мне подходит Патриция. Я смотрю перед собой, пытаюсь справиться с потоками мыслей, бомбардирующих меня со всех сторон.

– Ничуть не устала. Только ломит там и сям. Почувствовала мышцы, о существовании которых раньше не знала.

Я отодвигаюсь от стола, забираю свою тарелку, чашку и приборы, складываю все это на тележку. Забрав телефон, я выхожу следом за Патрицией на воздух.

– Вы так задумались, так хмурились... Я подумала, что вы захотите обсудить то, что вас беспокоит, – говорит она.

– Просто устала. Знаете, так бывает, когда вас разочаровывает человек, которому вы доверяли. Вы начинаете видеть то, чего раньше не замечали... – Я спохватываюсь, что это звучит как нытье. – Не обращайтесь на меня внимания, Патриция, я не в настроении. Привыкла к рутине и... От меня больше толку, когда я знаю, что у моих любимых все хорошо. А теперь я каждый день в неведении, что со всеми ними происходит. Так, обрывки сведений, когда удастся ненадолго связаться. Сейчас они как будто живы-здоровы, Оуэн, мой брат, благополучно вернулся с полигона Солсбери-Плейн, так что у него все в норме. Но пару раз у меня возникала паника. Тяжело сознавать, что ничем не можешь помочь.

– Вот оно что! – Патриция сочувственно улыбается. – Вам приходится нелегко. Уверена, все они о вас не забывают, волнуются, как вы налаживаете свою жизнь здесь.

– Кто-то, может, и волнуется, но не все. Не хочу сказать, что им все равно, но я очень чуткая. Вечно за всех переживаю, не в моих привычках причинять беспокойство другим. Собственно, никому не приходилось обо мне беспокоиться с самого моего подросткового возраста – и до самых этих пор. Сейчас все дело в том, что мы друг от друга далеко. Мои родители пришли в ужас, когда я сообщила им, что мы с Эйденем хотим пожениться. – Я уже смеюсь. – Я прямо так им и сказала, коротко и ясно. Он даже еще не делал мне предложения, но

мы оба уже знали, что поженимся, как только получим дипломы. Все, конечно, были уверены, что, учась в университете, мы разбежимся, но мы выстояли и даже свили гнездышко. Но учиться и работать по вечерам и по выходным было слишком трудно. Поэтому мы так и не обручились: не могли себе позволить такой роскоши. У меня осталось только венчальное кольцо.

Она расширяет глаза.

– Здорово же вам досталось!

– Так и есть. Но я разумный человек и всегда поступаю правильно. Тогда было то же самое, я ни о чем не жалею. Возможно, с годами у меня развилась самоуспокоенность. Мне нравилась моя жизнь, но ничто не стоит на месте, и незачем делать вид, что ты – исключение из правил. Беда в том, что теперь я в расстроенных чувствах. Мой муж забрался в несусветную даль и поступает вопреки своей натуре, где тут взять спокойствие?

Мы минуем два сарая и начинаем подниматься на поросший травой холм. Видя, что Патриция спотыкается, я предлагаю ей опереться на мою руку.

– Здесь скользко, обопритесь.

– Спасибо, дорогая.

У самого озера стоит под старой ивой резная деревянная скамейка. Мы направляемся к ней и садимся, невзирая на шаткость ножек. Глядя на меня, Патриция спрашивает:

– Так вы говорите, что он был недоволен вашей прежней жизнью и что после вашего расставания это стало еще яснее?

– Так определенно он этого не говорил, но кое в чем изменился. Например, не спросил, позвонив, как мои дела, не подумал, что у меня тоже могут быть проблемы. Знаю, ему сейчас несладко, но такое его поведение дало мне понять, что я мало для него значу. Можно сказать, что он принимает меня как должное. Я думала, что мы будем делиться всеми подробностями наших путешествий, но наши разговоры всегда прерываются, он никогда не шлет электронных писем, только короткие сообщения.

– Судя по тому, что вы о нем рассказываете, он несколько запутался. По-моему, большинство людей достигают возраста, когда они впервые в жизни останавливаются и оглядываются назад, а не смотрят перед собой. Когда в вашей жизни весна, все случится для вас

завтра. В лето жизни вы так заняты семьей и работой, что вам не до самокритики. Но наступает момент, когда вы подходите к новому перекрестку, за которым вас ждут большие перемены, влияющие на дальнейшую жизнь. Это период наладки, которую разные люди проводят по-разному.

Я знаю, что имеет в виду Патриция. Речь об Эйдене, ищущем себя, вглядывающемся в себя, не испытывая давления извне. Каждого из нас нельзя называть половинкой целого, и так будет до тех пор, пока он не вернется.

– Что, если я тоже отыщу глубоко внутри себя другое «я»? Неведомую себя, не просто жену, дочь, сестру, подругу?

Патриция долго на меня смотрит. Я уже жалею, что это сказала, потому что вижу в ее взгляде неподдельную тревогу.

– Люди порой сожалеют о несовершенных ошибках так же, как о тех, которые совершили.

Я поражена. Такого я от нее совершенно не ожидала. Эта утонченная, учтивая леди в некоторых отношениях полна сюрпризов. Меня не покидает чувство, что жизнь Патриции тоже не избавлена от сложностей.

– «ЧТО, ЕСЛИ?..» – такая эмоциональная фраза! Всю свою взрослую жизнь я ценила каждое мгновение, проведенное в обществе любимых людей. Они – смысл моего существования, если они счастливы, я тоже счастлива, – признаюсь я ей.

– Звучит гладко, не придерешься. Но я обнаружила, что этим жизнь не исчерпывается. Никогда не забывайте, что так же заслуживаете заботы о вас самой, как и любой другой.

Ее лицо печально, и причина этого кроется у нее внутри. Не знаю, что за беды преследовали Патрицию в прошлом, но вижу, что ее гнетет какая-то тяжесть. Она ждет, чтобы я продолжила, не умея или не желая делиться тайными мыслями. Сомневаюсь, что если я ей откроюсь, то она передумает.

– У меня была старшая сестра, Рейчел. В две тысячи десятом году она погибла в авиакатастрофе. Такая страшная утрата меняет отношение ко всему на свете. Мы редко о ней говорим, потому что родителей не отпускает горе. Я почувствовала, что обязана заменить им ее, при том что мне ее ужасно недостает: она была мне не только сестрой, но и подругой. Она была человеком прекрасной души.

– Очень сочувствую вашей потере, Ферн, вам наверняка до сих пор тяжело.

В ее сочувствии нельзя усомниться, и я улыбаюсь ей сквозь слезы.

– Не знаю, что было бы, если бы я вышла за рамки, которые сама себе определила. Хватило бы мне возвращения назад, к жизни, всегда дававшей мне все желаемое? Или, как многие, разрушила бы от неудовольствия все, что у меня есть? Рейчел меня не одобрила бы, если бы я так поступила.

Патриция кладет ладонь на мою руку и слегка ее сжимает.

– Думаю, вам хватит ума принять правильное решение по правильным причинам, Ферн, куда бы это вас ни привело. Люди несовершенны, все мы совершаем ошибки. Но человечность подразумевает прощение, она же напоминает, что мы смертны.

Я опять чувствую, что глаза у меня наполняются слезами. Она встает, я тоже, чтобы взять ее за руку. Мои слезы вызваны мыслями о Рейчел и об Эйдене.

Я вдруг замечаю, какой усталый у Патриции вид, и понимаю, что нашей беседе наступает конец.

– Пора возвращаться. Этим вечером у меня живопись. – Это сказано не так звонко, как бы мне хотелось, но Патриция подбадривает меня улыбкой.

– Сеана поделилась со мной планами расширения базы отдыха. По-моему, идея блестящая, а вы как считаете?

Меня не удивляет, что Сеана рассказала Патриции о планах перемен, как будто искала собеседника с непредвзятым мнением. Судя по тому, как смотрит на меня Патриция, Сеана предупредила ее, что я тоже в курсе этих планов.

– Думаю, успех этого замысла многим пойдет на пользу. Что мне нравится, это то, что здесь не гонятся только за прибылью. Нико не просто заботится о гостях, ему небезразличны его сотрудники. Это как большая семья. В наши дни это чрезвычайно ценно.

Я помогаю Патриции спуститься по травянистому склону. Она говорит восхищенным тоном:

– Я тоже так подумала, Ферн. Это возвращает веру в человечество. Вопреки тому, что мы читаем в газетах и видим в новостях, на свете остается немало доброты.

14. Фонтан эмоций

Отъезд Сеаны в Шотландию – там она, по ее собственным словам, снова засверкает, как раньше, – стал началом целой серии прощаний.

После коллективного завтрака – в этот раз на него никто не опоздал – начались работы в саду. Мы собирали урожай. К этим совместным усилиям подключились все.

Невзирая на висевшее в воздухе ощущение печали, все много болтали и смеялись. Это была кульминация приятного пребывания, залог будущих прекрасных воспоминаний. Я заметила, что Стефан не отпускает от себя Патрицию. Он нагибал ветви, чтобы ей не приходилось высоко тянуться за маленькими твердыми сливами, прежде чем опустить их в плетеную корзину.

За обедом, затянувшимся на целых два часа, к нам под села Марго. Настроение у всех было приподнятое, даже Бастьена покинула его обычная сдержанность. К нашему огромному удивлению, Нико исполнил песню – разумеется, по-французски. Слушать его глубокий баритон было огромным удовольствием.

Расставание, естественно, не обошлось без слез. Трудно было без волнения слышать и наблюдать, как Келли обещает Патриции не пропадать из виду и старается при этом улыбаться. Глаза у обеих были на мокром месте. Патриция – милая женщина, добрая душа. Я тревожусь, сможет ли Келли сойтись с кем-то из тех, кто приедет в понедельник. Боюсь, отъезд Патриции подтолкнет ее к Тейлору, а не побудит заводить новые знакомства, тем более если никто из новеньких ей не приглянется.

Заклучив меня в объятия, Патриция прошептала:

– Слушайте своего сердца, Ферн. Жизненные пути пересекаются не просто так. Это как увидеть падающую звезду: иногда оказываешься в правильном месте в правильное время и испытываешь чистейший восторг. Так случилось со мной благодаря вам, Келли и Стефану.

Я поворачиваю дверную ручку и захожу в мастерскую, Нико смотрит на меня, в руке у него кисть, перед ним мольберт.

– Я думал, вы ушли спать. Не спится?

Я киваю:

– Слишком много мыслей. День выдался очень эмоциональный. Не хочу вам мешать. Хотите побыть в одиночестве – так и скажите.

– Чего я хочу, так это чашку кофе, иначе мне не продержаться, – отвечает он, умоляюще глядя на меня и приподнимая брови. – В задней комнате есть чайник, все необходимое на полке.

Я оказываюсь в крохотном чулане без окон, резкий свет льется туда сверху, с потолка. Я включаю чайник и беру две чашки.

– Как там Келли? – доносится до меня голос Нико.

– Немного огорчена. Снова провела вечер с Тейлором.

Я несусь в мастерскую кофе, Нико встречает меня взглядом в упор.

– Беспокоитесь из-за них?

– Ей всего восемнадцать, Нико, а он – бывалый мужчина. Что, если у них что-то произойдет, а потом это выйдет боком?

Нико вытирает тряпкой руки.

– Давайте выпьем кофе на воздухе.

Он берет у меня чашку и распахивает стеклянные двери.

Нас встречает благоуханный вечер, тишину нарушает только беспрестанный стрекот цикад, летучие мыши бесшумно носятся туда-сюда, выписывая пируэты в темноте.

Вдали вырисовываются на фоне темнеющего неба словно изображенные живописцем горы, которые часто называют европейским Большим каньоном. При дневном свете виден покрывающий их склоны лес, но в этот поздний час взгляд притягивает светлый участок неба, где вырисовывается на горизонте невероятный горный кряж.

Это зрелище не идет ни в какое сравнение с тем, что я привыкла видеть: я до сих пор не освоилась с мыслью, что временно поселилась в таком невероятном месте. При этом Прованс дарит мне успокоительное ощущение духовной созвучности. Не потому ли человек вдруг начинает чувствовать себя где-то как дома, что снялся с места и мечтает поскорее освоиться с непростой для себя ситуацией?

Нико предлагает мне присесть за маленький столик. Нас овевают цветочные ароматы, главную ноту этим вечером ведет жасмин,

перекрывающий даже запах восхитительных роз.

Здесь очень уютно: спасибо высокому кустарнику и разросшемуся в трех каменных стенах саду. Безмятежное местечко на лесной опушке, охраняемое горными хребтами.

– Здесь настоящий маленький оазис, Нико! Представляю, как это бесит Сеану: все растет само по себе, образуя неумный хаос. Но подстригать этот рай было бы бесчестно.

Ямочка на щеке придает его улыбке грусти.

– Под конец лета она нагрянет сюда с секатором. Мне придется отвернуться. Весной растительность оплатит ей за доброту и усердие.

Я, склонив голову набок, снова поднимаю глаза к небу и постепенно начинаю различать звезды. Чувствую, Нико наблюдает за мной.

– Келли – молодая женщина с уймой проблем. Я вижу это, как и то, что она себе на уме. У нее сильная воля. Тейлора я знаю достаточно хорошо, чтобы не сомневаться, что он не из тех, кто позволит себе баловство. В прошлом у него была душевная травма, так что вы можете не беспокоиться. Если между ними что-то возникнет, то только по взаимному чувству. Что ж в этом плохого?

Я отвлекаюсь от звезд и смотрю на Нико. В его глазах тревога, как будто ему важно, согласна ли я с ним.

– Ничего. Но она такая юная и хрупкая!

– Под статью Тейлору, Ферн. Он носит шрамы от своего величайшего разочарования, как знак покаяния. Но он не совершал никакого преступления. Вы так озабочены, потому что переживаете за кого-то из ваших близких? Полагаю, Келли – ровесница вашей сестры?

– Да, но они совершенно разные люди, и вообще, дело не в этом. А если говорить о Тейлоре, то очень грустно, что шрам у него на щеке – постоянное напоминание о душевной боли, превосходящей физическую.

– Такова жизнь, Ферн, не все в ней зависит от вашего выбора. Вам отлично известно, что не в ваших силах ни заслонить дорогих вам людей от жизненных бед, ни принимать за них решения. – Сейчас он старается говорить деловым тоном, без намека на эмоции.

– Иногда бывает полезно предостеречь, – не соглашаюсь я.

– Я другого мнения. Проблему надо решать при ее возникновении, действовать надо на основании имеющейся

информации. Нельзя жить, переживая из-за событий, которые могут и не произойти. Тем более нельзя навязывать свои переживания другим.

Иногда он не очаровывает, а возмущает!

– По-моему, моя реакция порой проистекает из опыта, Нико.

Даже смех у него сейчас какой-то безразличный.

– С возрастом приходит мудрость, да, Ферн?

Чувствую, он намеренно меня дразнит, подзуживает.

– Невозможно безразлично наблюдать, как люди наносят себе вред своими неправильными решениями, неважно даже, близкие они для вас или нет.

– Кого вы пытаетесь спасти – себя или мир?

Я бросаю на него сердитый взгляд. Он выразительно всплескивает руками.

– Простите, беру свои слова назад. Сейчас во мне почему-то проснулся спорщик. Мне очень стыдно. Вы – последняя, кого мне хотелось бы оттолкнуть, ведь я знаю, что у вас самые добрые намерения. Я вываливаю на вас свои разочарования, это несправедливо. Я улучу момент, чтобы потолковать с Тейлором, посмотрю, как он ко всему этому относится и контролирует ли ситуацию.

– Спасибо. Я тоже должна извиниться перед вами, Нико. Мне не пристало выражать озабоченность, я вовсе не собиралась ставить под сомнение ваши суждения.

Мы робко смотрим друг на друга, еще даже не пригубив кофе. Потом взгляд Нико застывает.

– Не шевелитесь!

Он вскакивает и скрывается в мастерской. Я напугана. Если он увидел огромного паука или еще что-нибудь страшное, то, надеюсь, предупредит, чтобы я тоже могла сбежать. Но он возвращается с блокнотом и карандашом.

– Так, пейте кофе, только прошу, не опускайте чашку.

Я бросаю на него недоуменный взгляд, но делаю так, как он велит.

– Есть свежие новости из дома? – спрашивает он.

Его карандаш легко скользит по бумаге, я старательно сохраняю заданную позу, думая о том, какие опытные натурщицы позировали Нико в прошлом.

– Все хорошо. – Я торопливо меняю тему: – Вы говорили, что в эти выходные прибавятся трое гостей. Первый – Джо. Сеана говорила о некоей Элли, решившей прервать свою поездку и задержаться у нас. Кто третий?

Он рассеянно бурчит что-то неразборчивое, и я прикусываю язык.

Ответ следует через пару минут:

– Соискатель места, хочет глянуть, что здесь и как. Жаль, что Сеана уехала. Это знакомый кого-то из ее бывших коллег, его очень рекомендуют. Я уделю ему некоторое время, но он проведет у нас всего одну ночь и улетит обратно в Британию в воскресенье утром.

– Как продвигаются дела?

– Как сказать. Вряд ли я смогу предложить ему место до Нового года. Я ограничиваю нагрузку на октябрь, чтобы заняться переоборудованием коттеджа. Нижний этаж станет холистическим центром с отдельными лечебными палатами. Комната ремесел и рукоделия получит маты и зеркала на стенах. Мы планируем добавить классы медитации и тренажеры: две беговые дорожки, возможно, два велотренажера, «кроссфит» и многофункциональный силовой тренажер. – Он с улыбкой закрывает альбом и кладет его на стол. – Благодарю вас. Отличная поза и отличное освещение для передачи игры теней. Я поддался соблазну.

Его настроение улучшается так же мгновенно, как недавно ухудшилось. Я чувствую, что воздух, которым мы оба дышим, очистился.

– Пора вернуться к работе, – произносит Нико усталым голосом.

Он смотрит невидящим взглядом в сторону сада. Мне становится грустно от того, с каким трудом он выпрямляется. Он не в духе, потому что израсходовал все силы; свои взгляды и цели он формулирует с такой страстью, что не в состоянии уловить подсказки своего организма.

– Когда вы в последний раз ели, Нико? Вас не было на ужине.

Он моргает и хмурится еще сильнее обычного.

– Я перекусил раньше.

– Так я и думала: вы забыли поесть! Сбегаю-ка я на кухню, сооружу для вас сэндвич. Если хотите сохранить здоровье, извольте хоть немного о нем заботиться, иначе организм взбунтуется.

Он улыбается – кривовато и самодовольно.

– Давненько никто обо мне не заботился, Ферн. Поберегитесь, мне легко к этому привыкнуть.

15. Повод поразмыслить

По выходным Марго отсутствует, поэтому график не соблюдается, люди сами накладывают себе еду. Заглянув на кухню за йогуртом и фруктами к завтраку, я застаю там Ди-Ди, готовящую на ужин овощи.

– Вы-то мне и нужны! – говорит она, поднимая голову. – Антон – он помогает нам в саду – уже вернулся и принялся за работу. По его словам, жена поправляется. Судя по тому, что он решил потрудиться в выходной, ему нужна тишина. – Она со значением приподнимает одну бровь и смотрит на меня.

– О, разумеется! Это его епархия. За неделю я надергала достаточно сорняков. На следующей неделе я займусь чем-нибудь другим.

– Я за то, чтобы вы помогли мне, если Нико вас отпустит. В понедельник мы ждем редкостного наплыва гостей. Ткачество и шитье лоскутных одеял – популярные занятия, но то и другое требует присмотра, как и комната рукоделия и ремесел, когда там аншлаг.

Я смотрю на нее в страхе:

– Должна предупредить, что я не по этой части. Никогда не мастерила браслетов и не делала деревянных шкатулок. Даже не знаю, с чего начать.

– Что вы, что вы! В таких делах нет ни правил, ни запретов. – Моя реакция вызывает у нее смех. – У меня в ноутбуке много презентаций. В списке десятков всевозможных направлений: от создания поздравительных открыток до оформления памятных альбомов и т. д. Дело за малым: поговорить с гостями и узнать об их склонностях. Дальше все идет как по маслу: вы нажимаете кнопку и просто сидите с ними на случай, если возникнет какая-то проблема. Я покажу вам, где лежат всевозможные наборы. После вводной беседы вы раздадите нужные. Бывает, люди просят чего-то еще – это дополнительное основание для вашего присутствия. Если вы сможете помочь, будет прекрасно. Возможно, вы сами чем-то увлечетесь.

– Вы правы, не вижу никаких сложностей.

– Я буду к вам заглядывать так часто, как получится, хотя уверена, что вы не столкнетесь с проблемами. Трудно было обходиться без

преподавателя, но вряд ли у Нико было время даже подумать о том, чтобы его найти. Если не возражаете, я с ним поговорю. Спасибо, Ферн.

Получается, Ди-Ди не знает о планах Нико в отношении комнаты ремесел и рукоделия. Я не знала, что он не со всеми ими делится, и теперь радуюсь, что не совершила оплошности и не сболтнула лишнего.

– Пожалуйста. Вы видели его сегодня утром? – Я доедаю йогурт и отправляю ложку в посудомоечную машину.

– Да, он поехал за кем-то в аэропорт. Вряд ли у него будет сегодня свободная минутка: он привезет гостя и проведет для него экскурсию. Какие планы у вас?

Я выбираю среди слив наименее зеленую.

– Придется немного пополоть, но кроме этого я теперь занимаюсь живописью, это мне больше нравится. При Сеане я такого, конечно, не скажу, она так ко мне добра! Но, честно говоря, я рада возвращению Антона.

– Я догадывалась об этом. Но должна отдать вам должное: вы превосходно справляетесь. Вас можно принять за местную жительницу, Ферн. Добровольцы приезжают и уезжают, но вы – настоящий командный игрок, вы с первого же дня стали своей. Нико очень ценит, что вы разгрузили Сеану. Теперь она без вас как без рук.

Я польщена: похвала Ди-Ди много для меня значит. Она женщина прямодушная, и мне очень импонирует эта ее черта.

– Здесь все время что-нибудь происходит, никогда не знаешь, что случится через минуту, во что будешь втянута, – отвечаю я, с трудом надкусывая сливу и удивляясь, почему она такая твердая.

– То-то и оно: сначала прополка, потом несъедобные сливы: во вторник Марго воспользуется ими, когда будет учить готовить чатни.

Предостережение запоздало: я вся морщусь и содрогаюсь от горечи. Подбежав к корзине, я выбрасываю надкусанную сливу, борясь с желанием выплюнуть то, что попало в рот. Ди-Ди мужественно борется со смехом.

– А я-то гадаю, почему они такие твердые... Сами понимаете, я не садовница, хотя это чудесный способ завершить неделю. Лучше пойду порисую на холсте. Или вам нужна моя помощь?

– Нет, ступайте. Одиль составила письменную инструкцию по разогреву пирога с крольчатинной, приготовленного Марго для сегодняшнего ужина. Я почти все закончила. Делайте то, к чему больше лежит душа, вы это заслужили.

– Спасибо, Ди-Ди, увидимся позже.

По пути в шато я издали приветствую Келли и Тейлора, проезжающих мимо на велосипедах. Они машут мне в ответ, я провожаю их взглядом, пока они не скрываются за бугром. День обещает быть спокойным, раз все разъехались.

Стоит мне войти, как у меня в кармане раздается звонок. Это вызов по Скайпу. Я тороплюсь посмотреть, кто звонит.

– Эйден! Вот это сюрприз! Я думала, это мама.

– Здесь в мотеле хороший Wi-Fi, вволю горячей воды и довольно удобные постели. Никакой роскоши, но неделя выдалась такая, что даже это кажется излишеством. Как у тебя дела?

– Я вошла в замок. Вот, полюбуйся. – Я разворачиваю телефон и медленно вожу им вокруг себя.

– Впечатляет! Не знал, что там у вас такой размах.

– Я иду в мастерскую Нико, займусь там живописью. У тебя найдется пара минут?

– Я весь твой. Мой план исчерпывается тем, чтобы через некоторое время найти стейк потолще. А потом выпить пивка.

– Тогда взгляни, где я провожу свободное время. Ты хорошо выглядишь. Рада, что ты не обгорел, работая на солнце.

Я продолжаю показывать Эйдену здешние красоты.

– Температура в Кубер-Педи была комфортной, всего девятнадцать градусов, а осадков там почти не бывает: всего шесть дюймов за год. Но земля такая пересохшая, что дождевая вода совершенно не впитывается, поэтому любой дождик создает проблему: все сразу вязнет в грязи. В январе-феврале стоит невыносимая жара, работать невозможно. Это невероятная, легендарная глушь, до ближайшего городка Роксби-Даунс больше двухсот семидесяти километров.

– Вот это приключение, Эйден! Ты не жалеешь, что туда отправился?

Говоря это, я вхожу в мастерскую.

– Честно говоря, нет. Такое случается раз в жизни, хотя, с другой стороны, уехать оттуда было облегчением. Я поддался уговорам, не представляя, какая это дыра. Не беспокойся, все это уже позади.

Я смеюсь и одновременно жалею, что не могу прямо сейчас дотронуться до его лица, такого знакомого. Сейчас мне пригодилось бы это прикосновение. Пусть знает, как сильно я желаю ему получить побольше положительных эмоций, пускай для меня это постоянный источник тревоги.

– Рада это слышать. Развлекайся! Ханна сказала мне, что ты в порядке, хотя ты ее здорово напугал.

Ему хватает совести стыдиться своего неудачного решения.

– Каждый мужчина, наверное, втайне мечтает о чем-то захватывающем, хочет хотя бы недолго побыть Индианой Джонсом. Что ж, урок усвоен. Теперь я намерен посмотреть достопримечательности и, возможно, поработать волонтером. Еще не знаю где, пока только осматриваюсь...

Его прерывает настойчивый стук.

– Я сейчас, Ферн.

Экран его ноутбука повернут так, что дверь мне не видна, слышны только негромкие голоса. Он быстро возвращается с довольным выражением лица.

– Джосс как раз сейчас ведет переговоры с агентством помощи и зовет присоединиться меня. Жаль, конечно, милая, но путешествие может продолжиться... Замечательная мастерская! В следующий раз покажешь мне то, над чем трудишься. Люблю тебя, скучаю. Береги себя.

Конец разговора.

– И я скучаю, – говорю я в уже погасший телефон. Мои слова эхом разлетаются по комнате.

Я чувствую себя одиноко, будто из меня вышел весь воздух. Мне так хотелось прямо сейчас поделиться с ним своей радостью!

Тяжело вздохнув, я перебираю контакты и выбираю Джорджию. После нескольких звонков экран загорается.

– Привет, Ферн! Как поживаешь, подруга? Как мне тебя недостает! Стив на этой неделе совершенно невыносим. Такое ощущение, что у меня не двое, а трое детей.

Ее жалобы на Стива почему-то меня бодрят.

– Я в порядке, спасибо. Рада слышать твой голос. Хотя, если честно, я здесь уже прижилась.

– Что это там за картина?

Я оборачиваюсь. Деревенский пейзаж уже дописан.

– Это работа художника, хозяина этой базы отдыха. Он только что ее дописал. Это масляная краска, она долго сохнет.

– Красота, Ферн. Не знала, что ты будешь проводить время со знаменитым живописцем! – восклицает она, сверкая глазами. – Он рядом?

– Нет, сейчас я одна. По выходным здесь тишь да гладь, занятия проводятся с понедельника по пятницу. Сейчас Нико встречает в аэропорту новеньких. Потом он проведет для них экскурсию.

– Нико? Ну-ка, ну-ка, я жажду подробностей!

– Сейчас покажу.

Она подносит телефон к глазам, чтобы лучше рассмотреть обстановку. Я вращаю телефон, демонстрируя ей панораму.

– Глазам не верю! Он всегда разрешает тебе находиться там в его отсутствие?

– Это еще что! Вот, полюбуйся! – Я слегка наклоняюсь и, держа телефон на вытянутой руке, чтобы оставаться в объективе, встаю рядом со своим проектом. – Знакомься, мое первое полотно. Пока что смотреть почти не на что, я тружусь над набросками, прежде чем набраться уверенности. Я полна воодушевления, мне очень нравится этим заниматься.

На самом деле мое произведение пока что похоже на неопрятное пятно посреди белоснежного листа, но каждый мазок – бесценная наука, и я быстро учусь.

– Не многовато красного? – спрашивает Джорджия, задирая брови на лоб и слегка огорчая меня своей реакцией.

– Это только начало. Пока что я потратила на это всего семь часов. Сама понимаешь, как долго еще может продлиться эта работа. Нико трудился над своей деревенской улицей долгие месяцы. Заказчица картины – маркиза.

– Так он испанец?

– Да, из Андалусии.

– Ты проводишь с ним много времени в качестве его... ученицы? – Она вопросительно выгибает бровь.

– Официально я – волонтер, каждое утро я помогаю тем, кому это нужно. Первую неделю я провела на грядках в качестве бригадира маленькой компании. Еще помогала ремонтировать завалившийся сарай. На следующей неделе мое место будет в комнате ремесел и рукоделия. После обеда я могу посещать занятия по своему выбору, а здесь, у мольберта, могу появляться только в конце рабочего дня.

По ее лицу видно, что она удивлена.

– Как там Эйден? – спрашивает она со значением.

– Сначала он добывал опалы! Как я погляжу, ты не встречалась с моей мамой, а то бы она все тебе рассказала. Сама она узнала обо всем от Ханны только тогда, когда мы убедились, что он в безопасности. Им пришлось спасаться оттуда бегством в связи со спором об аренде, приведшим к разборке со стрельбой. Сейчас он в Аделаиде: планирует свой путь дальше.

Она корчит удрученную гримасу.

– Ну, вы даете! Предполагался веселый год, а вы променяли шило на мыло. Узнаю ли я своих любимых старых соседей, когда они вернутся домой?

– Твои соседи помолодеют.

– Это я так, для красного словца. Вы этого хотели? Похоже, сейчас каждый из вас идет своим собственным путем. Рада, что ты бодрисься, рада, что вы приобретаете столько полезного опыта. Просто я откровенно тебе говорю, что сильно удивлена.

Жаль, что я дала волю тоске по дому.

– Эйдену всегда хотелось приключений, а меня тянуло спокойно рисовать. Теперь выясняется, что мне подавай не карандаш, а кисть. Поверь, Джорджия, это потрясающее чувство, для меня это лучшее из всего, чем я когда-либо занималась. Наконец-то я поняла, в чем заключается мое сокровенное желание.

Последние слова я произношу почти шепотом, а потом смеюсь над собой. Она удивленно расширяет глаза.

– Пока твое сокровенное увлечение – живопись, я готова привыкнуть к этой твоей творческой жилке. Кто бы мог подумать!

– Ты только взгляни на этот сад, Джорджия! Это он – источник вдохновения для моей первой картины.

– Сказать, что красиво, – ничего не сказать, Ферн! Вижу, ты расслаблена и счастлива. Но я не поверю, что ты не переживаешь за

Эйдена и за родных, без этого ты – не ты. У тебя дома затишье. Все здоровы?

– Очень на это надеюсь. Мне звонят, пишут сообщения и мейлы. Мать с отцом переделывают свой сад, поэтому могут заглядывать к нам очень ненадолго. Когда они нагрянут с генеральной уборкой, ты сразу это поймешь: это будет выглядеть как переезд. Ты же знаешь мою мамочку!

– Знаю. Вот бы она сперва заглянула ко мне. Я бы позволила ей все сделать по ее усмотрению!

Понимаю Джорджию: ну не любит человек прибираться!

– А еще Ханна сообщила, что обручилась. Вряд ли Эйден в курсе, я не успела ему это сообщить. Зря он залез в глушь, это было ошибкой. Не беда, в конце концов до него дойдут все новости. Оуэн завершил тренировку на полигоне Солсбери-Плейн. Ему все понравилось, хотя он сбросил вес. – Я сама слышу в своем голосе тоску по родным. Не могу скрыть от самой себя, что душой я всегда с ними.

– Всего пару недель назад вы еще были стандартной семьей. И что теперь? Мне недостает возможности завалиться к тебе и вволю понуть. Приходится разговаривать со Стивом – вот до чего довело меня отчаяние! Я даже думаю о том, чтобы наняться куда-нибудь на неполный рабочий день. Видишь, что вы со мной сделали! Страшно подумать, чем все это кончится!

Мы со смехом прощаемся, но это смех почти сквозь слезы. Знаю, ее слова отражают беспокойство, которое я сама изо всех сил прячу от себя. Чем же все это кончится?

16. Глубинная связь

Нико и его гостя нигде не видно, поэтому я иду в гостиную обедать. Не исключаю, что они поехали обедать в город, чтобы спокойно побеседовать. Одиль и Бастьен кладут на подносы сыр, фрукты, половинки багета, ароматные булочки, которые удобно макать в свежую тапенаду – оливковое масло с каперсами, анчоусами и чесноком. Здесь же лепешки с козьим сыром и тонко нарезанными кабачками. Больше всего мне нравится в этой еде ее свежесть и ароматы: все это – вкус и запах Прованса. Добавляют пикантности свежие травы – тархун и множество других.

Ко мне подбегает Келли с тарелкой.

– Как покатались? – осторожно спрашиваю я. Непонятно, куда подевался Тейлор.

– Прекрасно! Хотите поесть на воздухе?

Я слышу в ее тоне просьбу, а не вопрос.

– Пожалуй. Я заверну все это в пленку и пройду до озера. Не возражаю против компании.

Она довольна моим ответом.

– Я с вами.

Уже через несколько минут мы бредем с ней бок о бок. Мне не нужно прилагать усилий, чтобы поддерживать разговор. Келли с удовольствием рассказывает про то, до чего довольна, что она не уехала и что мать на ее стороне.

Я жду, пока она уймется, и задаю вопрос:

– Твой отец против того, чтобы ты здесь находилась?

Келли кивает:

– Я всегда оказываюсь между ними. Они принципиально никогда ни в чем друг с другом не соглашаются. Мать обычно занимает мою сторону, а отец против. Он говорит, что если бы не материнское баловство... – Она прерывается, не договорив, и я вижу у нее на лице выражение тревоги. – В общем, он считает, что проблемы у меня из-за того, что я избалованна.

Я вижу, что она хотела сказать совершенно другое и сейчас ей совестно.

Подойдя к скамейке, мы разворачиваем наш ланч, я даю ей салфетку. Она спрашивает, как поживает моя живопись. Я признаюсь, что нервничала, когда впервые коснулась кистью холста, чувствуя себя ужасно неуклюжей.

– Это волнует и одновременно пугает – что-то создавать, сознавая, что твоя работа не всем понравится. Как говорится, красота в глазах смотрящего.

– Наверное, это как если тебе говорят, что твой ребенок урод, – отвечает Келли, сочувственно глядя на меня.

– Утром я говорила по Скайпу с соседкой. Я показала ей начатую работу. Она не произвела на нее никакого впечатления.

– Трудно быть храброй, когда внутри сидит страх, – поддерживает она меня.

Я киваю.

Мы молча едим. Я замечаю, что Келли почти не притрагивается к еде и теребит свои браслеты, побрякивающие, когда она двигает их взад-вперед.

– Мне нравится Тейлор, – говорит она тихо.

– Я знаю.

– Я ему тоже нравлюсь. Только он говорит, что не готов к близости с кем-либо.

Я облегченно перевожу дух, хотя вижу ее огорчение.

– Знаете, откуда у него шрам? – спрашивает она.

Я не знаю.

– Это было несколько лет назад. Он сидел с девушкой на заднем сиденье машины, которая на скорости съехала в ров с водой. Девушка Тейлора утонула, сам он сильно поранился. Он говорит, что чувствует себя виноватым: она не заслуживала смерти. Ужасно, да, Ферн?

Понимаю, то, через что он прошел, не могло не перевернуть его жизнь, но слышать об этом невыносимо грустно. Нельзя жить с мыслью, что в такой ситуации погибнуть должен был ты.

– Быть друг с другом честными – это хорошо. Но от этой истории сердце разрывается, Келли.

– Он понимает, что значит испытывать отчаяние. Думаю, потому нас и потянуло друг к другу. Когда у тебя внутри все выжжено, исцеление требует времени. Твою боль способен понять только другой страдалец.

Я больше не могу есть, во мне назревает гнев на несправедливость жизни, несовместимый с аппетитом. Я ставлю тарелку на скамейку и бросаю в траву хлеб. Стайка наблюдавших за нами птиц слетает с веток и принимается клевать крошки.

Слышен только шорох листьев на теплом ветерке, птичье чириканье и стрекот цикад. Изредка раздаются удары топора по дереву и молота по металлу. Некоторое время мы проводим в молчании, любуясь рябью на поверхности озера. Иногда слышится бульканье – это рыбы ловят сидящих на воде насекомых.

– Я ношу эти цапки не для красоты, а чтобы скрыть вот это, – неожиданно сообщает Келли. Вытянув правую руку, она передвигает браслеты к локтю и обнажает след от глубокого пореза на запястье.

Я инстинктивно заключаю ее в объятия и прижимаю к себе, чтобы облегчить ее боль. Она единственный ребенок в семье, у нее есть только родители, которые, судя по ее рассказам, совершенно ее не понимают. Она не ждет от меня реакции и просто слепо смотрит перед собой. Понимаю, ей нужно не сочувствие, а кто-то, кто ее выслушает. Кто не станет ни осуждать, ни задавать вопросов.

– В школе было ужасно. Один день хуже другого. Я была чужой. Всегда сама по себе, всегда отличалась от остальных. Со временем началась травля. Я пожаловалась маме, она отнеслась к этому серьезно, но я не захотела, чтобы она что-то предпринимала. Мне просто нужно было поделиться горем, услышать от кого-то, что со мной поступают несправедливо. Я убедила ее, что справлюсь сама и что классный руководитель в курсе дела.

На хлеб в траве с криком пикирует с ветки сорока. Соблазн непреодолим, птица, наклонив голову, следит выпуклым глазом, нет ли поблизости опасности, потом хватает самый большой кусок. К сороке быстро присоединяется соплеменница. Две хулиганки распугивают серых трясогузок, ретирующихся на оливу.

– «Раз – несчастье, два – удача», – тихо декламирует Келли.

– Удивительно, что ты знаешь старую считалку, – бормочу я.

– Ее все время твердит моя бабушка. Я по ней скучаю. Эта мамина мама, конечно. Мать отца прямо как он.

Я нехотя меняю позу, не желая сбивать ее с мысли, – просто затекла левая нога. Впервые с начала нашей трапезы она смотрит на

меня, потом снова переводит взгляд на сорок. От ее взгляда меня пробирает дрожь: в нем полная изолированность, полное отчаяние.

– Но становилось все хуже, я уже не могла скрывать синяки и ссадины, вмешался отец: побежал в школу, закатил скандал. Казалось бы, так и надо. Но дома он дал понять, что виновата, по его мнению, я сама: все бы мне ото всех отличиться, все бы доказывать свое... По этому поводу родители, конечно, поцапались и все перевели на себя, забыв про школьных хулиганов. И вот настал день, когда я решила: с меня хватит! Идеальное решение было под рукой, но я снова все испортила. В выбранный мной день мать примчалась с работы домой – забыла какие-то важные бумаги. Она юрист. Не думаю, что она когда-нибудь меня простит. Она возится с разорившимися, отчаявшимися людьми, и то, что у нее отчаявшаяся дочь, наводит ее на мысль, что она потерпела поражение как мать. Глупость, конечно, но Тейлор все знает. Я хотела, чтобы вы тоже узнали. Мне важно ваше мнение.

Я ошеломлена такой откровенностью, но знаю, что последнее, что сейчас нужно Келли, – это банальное сочувствие.

– Ты потрясающе сильная, Келли. Ты – сильная женщина, побывавшая в аду и вырвавшаяся оттуда. Раз ты это пережила, то переживешь и все остальное. Полагаю, сейчас твоя проблема в том, как быть дальше?

Она опускает голову и смотрит вниз, возя ногами в траве.

– Так и есть. Я не могу торчать здесь вечно, как бы мне ни хотелось.

Это сказано звонким голосом, и я испытываю огромное облегчение. Я нашла правильные слова в правильный момент. Неважно, случайность это или верный выбор, главное – улыбка на ее лице и бодрый голосок.

– Меня таскают по психологам и по докторам, но у меня нет депрессии, Ферн. Я стыжусь того, что натворила, но понимаю, что достигла в тот момент крайней точки. Бегство сюда должно было доказать мне самой, что я могу иметь дело с чужими людьми и не казаться им чудной. Здесь меня поддержали вы с Патрицией, потом Тейлор. Нико тоже молодец. Я говорила с ним всего два раза, но стоило сказать, что я хочу побыть здесь еще, как он пообещал потолковать с моими родителями. Я всю жизнь мучаюсь из-за осуждения родителей, считающих, что я никуда не гожусь, а здесь я на

свободе, здесь я летаю на крыльях! Одна бабушка считала, что я никогда не сделаю ничего плохого. Вот кто меня баловал!

– Теперь твое будущее – чистый лист. Восхитительно! – Мой энтузиазм непритворен, я действительно считаю, что пути назад для нее нет, опасность миновала. Следующие шаги станут решающими для ее исцеления.

– Да. Но после разговора с Тейлором я не стану торопиться. Проведу здесь еще пару недель, если уговорю родителей. Тейлор тоже одиночка, мне хочется его расшевелить. Как вы, Ферн, расшевелили меня.

– Я не психотерапевт, Келли. Просто у меня есть младшая сестра, она всего на год старше тебя. Мир порой бывает страшным. Иногда мы не знаем, как нам поступить. Жизнь состоит из испытаний и ошибок, она – болезненный процесс. Но каждому нужен кто-то, с кем можно всем поделиться, тем более если этот кто-то пережил примерно то же, что и мы.

– Повезло вашей сестре! Надеюсь, она ценит вас. Можно мне будет взглянуть на вашу картину? Знаю, вы только-только ее начали, но все равно, можно?

В этот необыкновенный день я склонна всем отвечать утвердительно. Это место – природный источник духовного здоровья. Я это не вполне понимаю, в отличие от Келли, не говоря о Нико и Сеане.

Мой год здесь пройдет не зря. Сегодня Келли продемонстрировала мне, что у меня есть два достоинства, которые я раньше не очень ценила. Первое – умение слушать, второе – естественный инстинкт, позволяющий мне ободрять людей и вселять в них оптимизм. Потому, наверное, я и пошла работать в кадровую службу. Сложность человеческой натуры не составляет для меня тайны, как и важность коммуникации – способа устранять постоянно возникающие проблемы.

Мне бы еще решить проблему Эйдена... В нашем случае коммуникация все только ухудшает.

– Как провели день? – спрашиваю я Нико, подавая ему чашку кофе. Он благодарно берет ее и ставит на стол рядом со своей «зеленой» картиной – садом с буйством листвы.

– И так, и сяк. Получил кое-какие неприятные известия, а с другой стороны, нашел, надеюсь, подходящего человека.

– Поздравляю с последней, хорошей половиной. Прежде чем вы опять возьметесь за кисть, я хочу задать вам вопрос, который может нарушить ваши планы.

Он выжидающе смотрит на меня:

– Проблемы?

– Не совсем. Я о Келли.

Он шурится:

– Я должен напрячься?

– Нет. С Тейлором все в порядке. Вы были правы. Я не знала о его беде. Он поделился ею с Келли. Их сближает пережитое, а не взбалмошная, мимолетная страсть. Но у Келли искания, ей нужно встать на ноги. Дома у нее, судя по всему, сущее поле боя. Знаю, она еще очень молода, но она уже понимает, до чего трудно выживать, когда из головы не выходят мысли том, что пора опустить руки. Я несу бессмыслицу?

Он пожимает плечами:

– Давайте дальше.

– Ей бы помогло, если бы она могла остаться здесь на какой-то должности. Знаю, вы задумали превратить комнату ремесел и рукоделия в гимнастический зал и центр медитации. Согласна, сейчас эта площадь простаивает. Я смотрела сегодня презентацию Ди-Ди; она будет вас просить позволить мне помогать ей на следующей неделе. Думаю, от этого был бы прок, главное, найти альтернативное место. Каждый может подобрать себе что-то по душе, а занятие превратится в коллективное, если вовлекать не только самых умелых. В тяжелых ситуациях помогает оригами. Мы с Келли действительно увлеклись этим занятием, хихикая как школьницы. Но из этого не следует, что оно не сплачивает – очень даже сплачивает. Келли вполне могла бы вести такие занятия. И еще: раз Тейлор нашел общий язык с ней, почему бы ему не заняться музыкой с другими гостями?

Нико балансирует на краю табурета, выставив вперед одну ногу, и не сводит взгляда с моего лица.

– При одном условии: вы будете за ней приглядывать. Ди-Ди слишком загружена, я знаю, как ей трудно. Предлагаю вам с Келли объединить усилия на следующей неделе. Посмотрим, что из этого выйдет.

Я готова броситься ему на шею, но ограничиваюсь тем, что спокойно приподнимаю одну бровь и киваю в знак согласия.

– Вот и договорились. Не возражаете, если теперь я вернусь к работе? – спрашивает он мою спину, потому что я отвернулась, чтобы снять покрывало со своего холста.

– Конечно. Я займусь тем же самым.

Ему не дает ответить проснувшийся телефон. Я оглядываюсь и вижу, как он проверяет, кто звонит, потом подносит телефон к уху и удаляется к себе в чулан.

Я не любительница подслушивать, просто стараюсь не шуметь. Он говорит по-испански, совсем другим тоном, чем со мной: чувственно, почти в поэтическом ключе, и при этом весело. Я сильно удивлена.

Мне нужна чистая тряпка, поэтому я на цыпочках подхожу к двери. Нико опирается о стеллаж, стоя спиной ко мне, но я готова поклясться, что он, говоря, улыбается.

Разговор приближается к концу.

– Eres demasiado amable, mi bella Marquesa.

Про «красавицу маркизу» мне более-менее понятно. Amable – добрая? Судя по его тону, он услышал добрую весть. Он воркует, как будто соблазняет, неожиданно интимным, сексуальным голосом.

Я пячусь от двери, не спуская с нее глаз. Наткнувшись на свой мольберт, я хватаю кисть и принимаюсь возить ею по одной из красок на своей палитре.

У меня за спиной раздаются его шаги. Он молча принимается за работу. Мы оба трудимся до полуночи и даже после. В конце концов у меня устают глаза, и я начинаю прибирать свое рабочее место. Сделанное за вечер меня устраивает. При взгляде вблизи мало что понятно, но с расстояния одного фута становится ясно, что изображены розы на спутанных стеблях, ползущих по деревянной решетке на кирпичной стене. Фотография – не более чем бумажка, тогда как мой холст начинает оживать. Ему присуще своеобразие,

форма, глубина, а главное, чувство, и все это я сумела передать без всякого сознательного усилия.

– Нико?

Он, хмурясь, ждет, что я скажу.

– Сможете показать мне завтра вечером, как делать этот отблеск на кончиках лепестков? Ну, когда на них падают солнечные лучи? Цвета меня устраивают, думаю, я ухватила бархатистость. Но уверена, что вам подвластна особая техника: без вас мне не смягчить титановые белила, лучше даже не пытаться, чтобы не свихнуться.

– Ученица еще не готова отказаться от учителя! – смеется он. – Я рад, а то уже начал чувствовать себя лишним. – Наверное, он устал ничуть не меньше меня, но ему помогает хорошее настроение.

– Может, вам пора отдохнуть?

– Пора. Наверное, сейчас тоже закончу. День выдался утомительный, но удачный, щедрый на результаты и добрые вести. Моей благодетельнице понравились фотографии картины. Завтра на мой счет будет сделан большой перевод.

Я не могу скрыть улыбку.

– Чудесная новость, Нико! Вы так старались! Когда вы сможете отправить картину заказчице? Поздравляю с такой быстрой оплатой!

– Да, повезло так повезло. Отправлю через неделю-другую, чем скорее, тем лучше. В такую погоду краска быстро сохнет, но все равно лучше не рисковать. Мы хорошо знаем друг друга – я бы даже сказал, очень хорошо. Маркиза действительно очень добра, но при этом она опытная бизнес-леди. Если все пойдет хорошо, то моя работа будет дорожать, так что с ее стороны это выгодное капиталовложение. Но есть и неважная новость: грузовик дышит на ладан. Эти расходы я не предусмотрел в бюджете – понадеялся на авось, закрыл глаза на неизбежное.

– Это не должно портить радость от продажи картины, Нико. Ваша мать гордилась бы вашими достижениями и вашей нынешней работой здесь.

Он пожимает плечами.

– Будем надеяться, что я все успею. – С этими словами он берет кисть, наклоняет голову и принимается легкими мазками подправлять листья на своем холсте. С того места, где я стою, при свете люстры кажется, что листья трепещут. Я догадываюсь, что наблюдаю за

работой гения, охваченного вдохновением. От этой мысли я перестаю дышать.

В этой жизни существуют страсть и жажда творчества. Страсть мимолетна, сексуальна, мелка. Жажда творчества всепоглощающая, влияет на каждое ваше слово, жест, мысль. Вот чего я не понимала, не могла ухватить, пока не встретила Нико.

Я ухожу как можно тише и затворяю за собой дверь. Сердце отчаянно колотится. Ком у меня в животе в этот раз не мучает, а приносит наслаждение. Нико что-то разбудил во мне. Остается надеяться, что это всего лишь спавшее раньше желание творить, а не нечто иное.

Больше всего мне бы хотелось изобразить его в разгар работы. Я воображаю, как движется по холсту кисть, как мой набросок обретает жизнь, превращается в трепещущее пламя, а я сама – в пропадающего мотылька, ослепленного его сиянием.

Декабрь 2018 г.

17. Все вместе

Холод усиливается: по утрам и ночью морозный воздух почти звенит. Днем еще тепло, солнышко пригревает – климат здесь хороший. Последние четыре недели база отдыха не принимает гостей, но заказы не прекращаются. Все мы знаем, что Нико нужны средства на ремонт, за который уже взялись два местных подрядчика. Мы работаем все более сплоченно, мы уже не коллеги, я настоящая семья.

Каждый освоил ремесло, о котором прежде не мечтал. Я лазаю по лестнице под самый потолок, а еще мастерски пряду шерсть, помогая Ди-Ди. Осенью ее швейная мастерская стала центром внимания. К тому же я научилась печь хлеб и готовить под надзором Марго чатни.

Загорается экран моего ноутбука – Эйден звонит по Скайпу. Мы общаемся каждым субботним утром – это самое удобное для него время; сообщениями мы почти не обмениваемся. Конечно, иногда мы шлем друг другу фотографии, но главное в жизни обоих – погружение в наши занятия.

– Привет, дорогой. Что-то у тебя усталый вид. – Эти слова срываются у меня с языка против моей воли. Вижу, он усталый, но довольный, и это меня радует. Сейчас он на юго-востоке Мексики, проходит 24-недельную стажировку в Центре спасения детей в Плайя-дель-Кармен. Волонтеры сами оплачивают свое участие в программе и ведут непрерывное обучение уязвимых детей и детей с особыми потребностями. Еще они помогают местным ветеринарам в рамках Проекта устойчивого развития ООН. Он признается, что иногда ему приходится нелегко, но его спасает неиссякаемый энтузиазм. Вечерами он занимается испанским языком. Мне кажется, он всем доволен. Вот что такое самореализация!

Мы молча смотрим друг на друга. Я касаюсь экрана пальцами, Эйден тоже.

– Я участвую в строительстве новой стены городка. Это изматывающий физический труд. Оуэн гордился бы мной, у меня такое чувство, что я тоже прошел подготовку в военном учебном лагере.

– Могу себе представить! Я тоже здорово постройнела, потому что ни минуты не сижу на месте: даже когда пишу картину,

расхаживаю взад-вперед. Здесь всегда есть чем заняться. Сейчас у всех появляется праздничное настроение.

Мое воодушевление иссякает, стоит мне вспомнить, что близится наше первое Рождество врозь с тех пор, как мы обменялись клятвами супружеской верности.

Он морщится:

– Знаю. Твои родители поедут в Уэльс, в свой домик, Оуэн будет лакомиться деликатесами в Ньюквее, с друзьями. Ханна летит с Лиамом и его родственниками в Австрию: кататься на лыжах. В этом году у нас с тобой, как у семьи, особенный праздник. Мои родители могли бы нагряться из Греции, чтобы составить нам компанию.

Эйден саркастически улыбается. Его родители рано ушли на пенсию, продали свое жилье в Британии и переехали на остров Корфу. Более двадцати лет они минимум раз в год проводили там отпуск и завели множество друзей. Вступив в клуб экспатов, они ведут насыщенную социальную жизнь. Как все это ни мило, Эйден, гостя у них, обычно не столько отдыхал, сколько уставал.

Джосс, появившись у него за спиной, приветственно машет мне.

– Привет, Джосс, – говорю я.

До разговора она никогда не снисходит, и это меня тревожит. Не потому, что это невежливо, а... Не могу избавиться от ощущения, что она меня избегает. Наверное, она старается не мешать Эйдену, потому что обычно он звонит из какой-нибудь гостиницы.

– Давай отметим Рождество в июле, когда вернемся, – предлагаю я. – Соберем всех на длинный уик-энд. Не сомневаюсь, даже твои родители прилетят. Мать с отцом захотят отпраздновать заодно помолвку Ханны и Лиамы. То-то будет торжество!

Он кусает себя за губу. Я знаю, что у него на уме. Трудно обсуждать возвращение домой, когда это еще так не скоро.

– Ты права, мы обязательно что-нибудь придумаем. Как твоя живопись? Появились новые полотна?

Я благодарю его за этот вопрос теплым взглядом.

– С этим все прекрасно! Раз в две недели я заказываю краску и холсты. Одно плохо: не знаю, что со всем этим делать! Отходы болезненного учебного процесса приходится отбраковывать. Но меня очень радует моя маленькая коллекция, Эйден. Я черпаю вдохновение отовсюду.

Он улыбается одними глазами:

– Хорошо, что ты выпустила на свободу свою внутреннюю музу. Никогда еще не видел тебя такой... сияющей. Куда делись борозды на лбу и наморщенный носик? Ты научилась расслабляться, перестала жить в постоянной тревоге. Мне это нравится.

МУЗА. Лучше бы он не произносил этого слова. Нико тоже им не злоупотребляет, но, раз сказанное, оно не испарилось, а так и висит между нами в воздухе, как незаконченная фраза. Иногда, ловя его взгляд, я догадываюсь, что он думает о своей незаконченной картине в углу.

– Ты уже решил, куда отправишься в январе, когда завершится твоя работа в Мексике?

Эйден озирается, проверяя, что творится у него за спиной, и машет группе людей в двери гостиной, после чего снова поворачивается ко мне.

– Согласно условиям, после этого у нас будет всего два дня на то, чтобы покинуть страну. Значит, с решением надо поторопиться. Мексика влетела мне в копеечку, само участие в программе обошлось в пять тысяч. Я подумываю о Таиланде, но сначала надо разобраться с финансовой стороной. Участь добровольца недешева: с перелетами, визами и редкими экскурсиями это удовольствие стоит кучу денег.

Он все время говорит «мы». Знаю, он терпеть не может любую бумажную волокиту, но почему бы Джосс не оставить его в покое? Это не ракетостроение, Эйден мог бы, поднапрягшись, справиться сам. Меня охватывает грусть, я чувствую себя... забытой. Раньше мы с Эйденем были единственными «мы» в нашей жизни, а теперь мое место заняла другая женщина. Я гоню эти мысли прочь, чтобы мной опять не завладела паранойя и невыносимое чувство зависимости.

Масса людей путешествуют самостоятельно и в пути сбиваются в компанию с такими же бродягами. Так гораздо безопаснее, а именно его безопасность должна заботить меня прежде всего, о чем я не перестаю себе твердить. Надежность – в численности.

– Пусть тебя не пугают расходы, дорогой. Деньги, которые мы отложили, – наши общие. Я ни за что не израсходую половину, даже если вернусь с полным трейлером холстов. Хочу, чтобы ты вернулся в Британию, полностью удовлетворенный своим путешествием.

Вокруг него нарастает шум.

– Хорошо. Спасибо, милая. Кажется, за нами приехали. Сегодня группа из нескольких человек помогает приюту для животных. Ты говорила на этой неделе с родственниками?

– А как же! Мама прислала новое длинное письмо. Ханна и Оуэн очень заняты, но ни на что не жалуются. Все передают тебе привет. Я звонила твоей матери, но разговор вышел короткий: они торопились в гости. Честно говоря, вернувшись, я буду чувствовать, что ничего не пропустила.

Эйден припадает к экрану, пытаясь заглушить нарастающий позади него шум. Ему приходится повысить голос:

– А я жду чувства пробуждения от сна. Все гадаю, как у меня получится снова приняться за работу. Наше приключение станет смутным воспоминанием из прошлого. Но все происходящее помогает мне разобраться со своей жизнью. Нам это полезно, Ферн.

Он хочет меня подбодрить? Все замечают, что ему не очень-то удается поддерживать полноценный контакт с окружающими. Я не устаю за него извиняться и надеюсь, что это приносит пользу. «У него проблемы со связью, – твержу я себе. – Он сильно загружен, он не может вытерпеть чужих страданий и спешит помочь». Между прочим, так оно и есть.

Но сегодня у Эйдена ностальгический тон. Не соскучился ли он по нашей прежней совместной жизни? Я вижу хороший признак в том, что он уже раздумывает о том, как все устроится потом. Лично я ужасно тоскую по нашей жизни вдвоем, не говоря уж о ее физической стороне. Как мне хочется очутиться в его объятиях, прижаться к нему, ощутить его нежные поцелуи!

Ненавижу прощаться! Когда мы разъединяемся, у меня сжимается сердце. Так происходит всегда, с кем бы я ни прощалась: с Эйденем, с родителями, с братом или сестрой. Мне хочется продлить разговор хотя бы еще на секунду – это во мне оживает мое прежнее естество, мучающееся вопросом, увижу ли я их снова. На счастье, теперь я умею иначе смотреть на жизнь. Оказывается, знания о жизни других людей помогают правильнее воспринимать собственную.

Важно уметь ценить этот дар – здоровье и счастье. Важно учиться поднимать себе настроение, а не фокусироваться на своих возможностях, не мерить себя чужими стандартами.

Мне важно знать, что мы с Эйденем всегда были командой – во всяком случае, до сих пор. Раньше я не понимала трагедии многих людей: их всю жизнь пугает детство. Порой в этом не виноваты ни они сами, ни даже люди, которые о них заботятся. К нашей семье это не относится, нам во многом повезло, и мы склонны принимать это как должное...

– Не помешал?

В двери гостиной появляется Нико, на нем старый вязаный свитер, который давно пора выбросить.

– Нет, я уже поговорила.

– Почему вы остались здесь, почему не сели в микроавтобус вместе с остальными?

– Не скажу, что мне не хочется общения, просто субботнее утро для меня грустное время.

– Приглашаю вас на обед. Возражения не принимаются. Для меня это удовольствие, я заказал столик в моем любимом ресторанчике на окраине Фиганьера. Наденьте плащ и удобную обувь: придется пройти пешком, на ветру.

Приглашение застало меня врасплох.

– Мы что-то празднуем? – бормочу я.

Он озорно смотрит на меня:

– Так и есть. Всем понравится. Пятнадцать минут?

– Пятнадцать минут.

Я забираю свои вещи и тороплюсь к себе в комнату. Там я наскоро причесываюсь, натягиваю другой джемпер, брызгаюсь духами, мажу губы помадой. Вот и все. Но, садясь в старый «Ситроен», я замечаю, что Нико постарался гораздо больше меня. От него пахнет одеколоном, под пиджаком свежая рубашка.

– Вау! Как я погляжу, ситуация нестандартная. – Я жалею, что явилась в джинсах, пусть даже в тех, которые надеваю в выходные, а не в замызганных, в которых занимаюсь живописью, и не в рабочих легинсах.

– Примерно так. Я раскрою карты в Chez Lucien. Ресторан расположен на склоне горы. Вам понравится живописная дорога. Чем выше мы будем забираться, тем лучше вид на дальние горы.

Район Прованс-Альпы считается воротами Лазурного Берега. Все восторгаются, разумеется, чудесными морскими видами

прославленной Французской Ривьеры, но севернее, за Буа-Сен-Вернон, нельзя не восхищаться густыми лесами. Лес вокруг нашей усадьбы был прекрасен в осеннем убранстве, а сейчас выглядит поредевшим. Остались только пятна вечной зелени.

Совсем другое дело – горы. Здесь бескрайние хвойные леса, где тонут сбросившие листву дубы. Темно-зеленая хвоя имеет синеватый отлив. Даже находясь в шато, я не отказываю себе в удовольствии полюбоваться этой стороной.

– По мере подъема все лучше и лучше понимаешь, как здесь красиво. – Нико наклоняет голову в мою сторону, а я не могу не смотреть на его руки, любовно обхватившие руль. Для меня это всего лишь старенький «Ситроен», а он влюблен в свою машину.

– Давно у вас этот автомобиль? – спрашиваю я.

Он улыбается уголком рта.

– *Cette vieille dame?*^[4] Этот *Citroen GS* – неотъемлемая часть усадьбы, бабушка владела им с 1978 года.

– Это объясняет расцветку! – выпаливаю я не думая.

Он запрокидывает голову и хохочет.

– После психоделических шестидесятых краски осени стали символом следующего десятилетия. Это называлось «сгоревший апельсин». Сейчас многие производители снова предлагают этот цвет – мода вернулась.

«Мода». Удивительно, что это может волновать Нико, любителя ярких красок.

– Я не такой уж любитель автомобилей, тем не менее уверен, что теперь это классика, главное, поддерживать ее на ходу. За годы в местной автомастерской заменили почти все рабочие детали.

Он любовно гладит приборный щиток.

Я с замиранием сердца любуюсь пейзажами. Нико немного опускает стекло, и в салон врывается ветерок, пахнущий сосновыми иголками и шишками. Выстилая землю под деревьями, они создают ни с чем не сравнимый лесной аромат.

Дорога вьется так, что дух захватывает, между стволами рвущихся в небо деревьев виднеются прячущиеся в чаще красивые виллы. Еще километр-два – и начинаются виноградники. Значит, неподалеку жилье. Мелькает вывеска виноградарского хозяйства.

– Знакомое имя! У вас подают это вино. Мне нравится их розовое.

– Да, я давно знаком с владельцем. Здесь отменные почвы, отсюда высокое качество винограда. Кроме того, Прованс славится своими оливками и оливковым маслом, абрикосами, лавандовыми полями. Впрочем, вы не впервые во Франции.

– Да, я бывала в Провансе раньше, но западнее. Однажды мы путешествовали по лавандовым плантациям Люберона. Тогда я впервые услышала, что лаванду называют голубым золотом. Мы побывали на предприятии по переработке лаванды Les Agnels. До сих пор, словно это было вчера, помню эту голубизну, бескрайний синий ковер и дымчато-серые горы на горизонте. Незабываемое впечатление!

– Это называют тропой живописцев, – говорит с улыбкой Нико. – Краски Прованса, уникальный здешний свет вдохновляли многих: Пикассо, Матисса, Шагала, Ван Гога. Это было настоящее паломничество.

Я изучаю профиль Нико. Видно, как ему нравится вести машину. Возможно, это будит в нем старые воспоминания. У него довольный, беззаботный вид.

– Фиганьер – живописная средневековая деревушка на горном склоне. Она забралась так высоко, что оттуда открываются захватывающие виды. По-моему, в этих местах собрано все: превосходный климат, вечная архитектура, красоты природы. О чем еще мечтать?

По мере спуска пейзаж меняется без перерыва. Мы едем мимо бескрайних вечнозеленых плантаций олив, листва за окном сливается в нежно-зеленую ленту, в плещущийся на ветру разноцветный полосатый платок. Дорогу уже не обступают огромные темные деревья, поэтому здесь становится все больше света.

– Мать всегда жаловалась, что ее укачивает на бесконечно петляющей дороге. Она была тем нетерпеливым ездоком, который, как ребенок, интересуется одним – как скоро завершится поездка. Жаль, эти пейзажи заслуживают того, чтобы наслаждаться ими без спешки.

– Наверное, в лесу кишат кабаны и олени?

– Благородные олени, косули, дикие кабаны. Когда гуляешь, в стороны разбегаются лисы, зайцы и кролики. Иногда случаются аварии: это когда на дорогу выбегает крупный зверь. Кабаны знай себе пасутся, дожидаясь удобного момента, чтобы перейти на другую

сторону. Но столкновение с кабаном или оленем может быть смертельным.

Еще через несколько километров ландшафт снова меняется: теперь вокруг густой средиземноморский кустарник, валуны, отроги скал. Слева раскинулась бирюзовая морская гладь, сливающаяся на горизонте с кобальтово-синим небом. Потрясающую картину время от времени заслоняют заросли кустарника.

– Правда, красота? – спрашивает Нико с ноткой гордости в голосе.

– Потрясает вон та скала с фиолетовым отливом. Я стараюсь не думать, какая она крутая и как высоко мы еще заберемся.

– Мы почти приехали. Поставим машину и совершим небольшой подъем пешком, но, уверяю вас, он того стоит.

Мы сворачиваем на гравийную площадку, от которой начинается высокая лестница наверх. Нико захлопывает дверцу. Я сомневаюсь, что у меня хватит духу на восхождение, которому, как кажется снизу, нет конца. Высокие ступеньки выложены булыжником, но для меня слишком широки, приходится делать два шажка по каждой. Сама удивляюсь, как быстро у меня устают и начинают болеть лодыжки.

Нико, шагающий позади меня, кажется, этого даже не замечает, и я стараюсь не мешкать, иначе он в меня врежется. Вокруг нас высятся каменные стены, в них чернеют проходы, упирающиеся в темные дубовые двери. Над стенами переплетаются побеги – одни сбросили листву, на других еще сохранились листья, краснеют зимние ягоды.

По-прежнему цветут вьющиеся розы. Чем выше мы поднимаемся, тем больше я вижу цветущего зимнего жасмина и стараюсь представить, как роскошно все это выглядит весной и летом, когда все цветет. Местами стены заросли жимолостью, вьющимися гортензиями и старой одеревеневшей глицинией.

Я останавливаюсь, чтобы отдышаться, и запрокидываю голову. Впереди тянется ввысь церковный шпиль. Видно, что это прекрасный образец свойственной этим местам архитектуры.

Крыш внизу пока что не видно, но стоит нам повернуть за угол – зря я надеялась, что подъему уже конец, – и впереди появляется открытое пространство, подъем становится менее крутым. В полусотне метров перед нами распахнуты ворота с огромными каменными вазами на обеих массивных колоннах. Стены, окружающие

лестницу, плавно расходятся от ворот. За воротами ровная площадка, на ней стоит старинный каменный особняк.

Широкий мощный плитам двор окружен на диво аккуратным садом. Все вместе производит впечатление аристократической элегантности, а не деревенской простоты. Это припрятанная диковина, на которую невозможно наткнуться по случайности. Нет, сюда навещают только постоянные посетители или те, кто узнал о высокой репутации места.

– Потрясающе! – Я призываю в свидетели Нико, ждущего мою реакцию.

Мы подходим к ресторану, он открывает дверь и пропускает меня вперед. Говорит он тихо, но смотрит игриво.

– Я приберегаю это для особых случаев. И для особенных людей. Позволил себе заказать бутылку хорошего вина. Увы, сам я смогу выпить не больше бокала. А вы не стесняйтесь, наслаждайтесь редкой возможностью.

– Вы должны были меня предупредить, Нико. Я бы постаралась соответствовать обстановке, если бы понимала, что для вас сегодня особенный день. Это напряженное ожидание невыносимо! В чем дело? Вы продали еще одну картину? Наверное, так и есть!

Он явно доволен, но ничего не отвечает.

Знаю, приобретение хорошего грузовика серьезно уменьшило его банковский счет, но это необходимое вложение. Если его хорошая новость заключается в том, что оно погашено, то я согласна, что за это стоит выпить.

Ресторан двухэтажный, что обусловлено ландшафтом. Нас провожают на нижний этаж, к столику в спокойном уголке, с видом на террасу. Я люблю колокольней старинной церкви справа от нас и захватывающими видами.

– Parfait, merci^[5] – говорю я официанту, помогающему мне сесть. Он изящным движением накрывает мне колени белой льняной салфеткой.

В центре каждого столика стоит на деревянном цоколе на стеклянной подставке белая свеча в виде церкви. На нашем столике красуется букет голубых зимних ирисов в хрустальной вазе, рядом с ней откупоренная бутылка красного вина.

– У вас день рождения? – спрашиваю я Нико, отдавая должное его стараниям.

Его отвлекает официант, принесший меню, они переговариваются по-французски, много улыбаются и кивают. Когда мы остаемся одни, меня покидает терпение, и я бесстыдно пялюсь на него.

– Ожидаете огромного чека, Нико? Надеюсь, денег хватит на строительство и на материалы для предстоящего ремонта.

– Дело не в базе отдыха и не во мне, а в вас, Ферн. Пока что обратите внимание на прекрасный выбор блюд. Обещаю, скоро все разъяснится.

Я не тяну с выбором, и Нико жестом показывает официанту, что мы готовы сделать заказ. Официант, очаровательный молодой человек, дает ему попробовать вино. Нико следует процедуре: наслаждается вкусом, послевкусием и ароматом и утвердительно кивает. Официант наливает нам в бокалы на два пальца темно-красного вина и исчезает. Нико без промедления поднимает бокал.

– Тост? – спрашиваю я, делая то же самое.

– Это не тост, а предложение. Я отправил маркизе фотографии нескольких ваших работ, и она согласилась, что вы талантливы. Более того, она предлагает вывесить их в своей престижной галерее в Севилье.

– Что?.. – У меня дрожит рука, и я ставлю бокал на стол, чтобы не расплескать.

– Если быть точным, речь о трех ваших полотнах. Выбор за вами, она пока определилась с одним – с садом темно-красных роз. Это большая честь. При этом отношение к своей первой работе всегда особенное – мне ли этого не знать! Ее не хочется выпускать из рук. Мне нужно ваше решение к концу февраля – это крайняя дата, потому что к этому времени в галерею должна быть отправлена следующая партия картин.

Я лишаюсь дара речи и просто смотрю на Нико во все глаза, неспособная осмыслить его слова. Он не выдерживает и начинает хохотать.

– Как, вы не догадывались, что талантливы? Не знали, что я увидел это, стоило вам коснуться кистью холста? Через меня прошло много учеников, но ни один не сравнится с вами, Ферн.

К своему ужасу, я начала плакать. Не знаю, что сказать.

Этот обед мне никогда не забыть. Весь этот день навсегда останется в моей памяти. Слезы, смех, восторг. Нико предупредил, что гарантий нет; некоторые картины висят на стене галереи определенное время и, так и непроданные, снимаются. А есть такие, что продаются в считанные часы.

– То же самое в жизни: иногда все вдруг складывается наилучшим образом, – сказал он мне. – Правильная картина, правильный покупатель, правильный момент.

Глядя на него, я видела, как это ему важно, он ведь знал, что это значит для меня. Я перестала быть незадачливой неумехой. Меня приняла всерьез хозяйка галереи, для которой живопись – капиталовложение. Этого не произошло бы, если бы не мой наставник, что-то во мне разглядевший, вдохнувший в меня уверенность и отправивший в полет.

Ферн Уаймен – настоящая художница! Женщина, взявшая кисть и осмелившаяся показать миру то, что видит сама. Я так расчувствовалась, что потеряла самоконтроль. Мне захотелось вскочить и завопить во всю мочь: «Я сделала это!» Но я, конечно, смогла усидеть на месте. Я незаметно утирала слезы и смело улыбалась Нико. На его лице я видела нежность, гордость и огромное удовлетворение. Потом он взял меня за руку. Помню только тепло его кожи при соприкосновении наших пальцев.

18. В этом году Санта появляется немного раньше срока

Сегодня день доставки. Утром прибыл целый грузовик оборудования. Процедурные и фитнес-центр уже укомплектованы, остается все отладить, подобрать обстановку и разные мелочи. В бывшей комнате ремесел и рукоделия теперь до самого потолка стоят ящики, в ближайшие дни их предстоит разобрать.

Через неделю пожалуют первые гости: им предстоит опробовать наши новинки, и мы должны суметь достойно их принять. У меня еще не было возможности поговорить с новым сотрудником Пирсом Мэнсфордом-Смитом. Вскоре после приезда Пирса из Ирландии и возвращения Сеаны из Шотландии они оба отправились на четырехнедельные курсы в Лондон. Мы ждем их назад в ближайший выходной.

Судя по горе коробок, впереди работа на износ.

– Трудно было все это занести, а про то, чтобы снова все это ворочать, даже подумать страшно, – жалуется Келли. – Некоторые коробки ужасно тяжелые. Лучше распаковать их прямо здесь: все равно половину не нужно куда-то тащить. Что дальше, Ферн?

В отсутствие Сеаны я отвечаю за текущие организационные вопросы. Все стоят и ждут моего решения.

– Если Тейлор и Бастьен готовы начать распаковывать тренажеры, то я помечу на полу, где всему этому стоять. Если Ди-Ди и Одиль разберут вот эту кучу, то мы с тобой, Келли, сможем начать готовить новую комнату рукоделия. Все согласны?

Из-за горы коробок появляется голова Тейлора. Поймав мой взгляд, он говорит:

– Лучше передвинуть вот эти легкие коробки назад, к стене. Они занимают слишком много места, а оно понадобится нам, когда мы начнем все монтировать.

Я озираюсь и понимаю, что он прав.

– Отлично, Тейлор. Все равно где-то треть всего этого – маты для пола.

Он ухмыляется:

– Хотите сказать, сначала нам придется улечься?

Все хихикают, я хлопаю себя ладонью по лбу. Мои мысли мчатся со скоростью сотни миль в час – так я пытаюсь справиться с давлением, оказываемым Нико. Последние два дня он погряз в арифметике, надеясь, что, оплачивая поступающие счета, не выйдет из бюджета. Меня тревожит его отсутствие, но стоит мне его увидеть, как он начинает хмуриться, вместо того чтобы улыбнуться.

Со времени отъезда Сеаны я больше уповаю на удачу, чем на рассудок, потому что мне некогда присесть и подумать. Я привыкла все тщательно планировать, но здесь мне не до этого, события тащат меня за собой, и это наименее эффективный способ добиваться успеха.

– У вас утомленный вид, Ферн. Мы сами справимся, верно, ребята? – уверенно вопрошает Тейлор.

Все согласно кивают и хором выражают согласие.

– После отъезда Сеаны вы вертитесь как заведенная. Почему бы вам не спрятаться хотя бы на полдня в вашей мастерской? Мы начнем работать здесь, а Келли сама займется комнатой рукоделия в коттедже, верно, Келли?

Я поворачиваюсь к ней, она широко улыбается:

– Запросто!

«Запросто»? Она проводит так много времени в обществе Тейлора, что уже позаимствовала его выговор и манеры. Я тронута тем, что Тейлор видит, что я нуждаюсь в отдыхе. В последнее время я просто света белого не вижу. Нико тоже взваливает на себя слишком много, я переживаю из-за этого и, конечно, из-за необходимости выбрать последнюю из трех своих картин для отправки в галерею. Это решение дается мне с огромным трудом, часто я бываю близка к слезам. Плюс к этому отсутствие Сеаны ощущается ежеминутно: она умеет прекрасно все улаживать, снимать напряжение, даже когда хватает причин напрягаться.

– Сдаюсь! – Я весело вскидываю руки вверх. – Намек понят, я всем вам признательна. История с галереей слишком для меня тяжела, все так не вовремя!

– Неправда, – твердо возражает Келли. – Очень даже вовремя, Ферн! Вы это заслужили. Разберемся мы с этими коробками, подумаешь! Это займет не один день, но к понедельнику все будет

расставлено по местам. – Она пятится, разглядывает гору коробок и морщится. Все дружно смеются.

– Что ж, удачи. В некоторых коробках сборно-разборная мебель для процедурных кабинетов. Вот тот здоровенный короб – профессиональный массажный стол, оставим его Пирсу. Если Тейлор и Бастьен перевезут его в процедурный кабинет номер один в коттедже, то Пирс будет им бесконечно признателен. А здесь останется одной коробкой меньше.

– Это мы мигом. – Тейлор смотрит на Бастьена, тот кивает и демонстрирует бицепсы, заставляя меня хохотать.

– Когда все это будет разобрано, вы все накачаете мускулы, – бросаю я через плечо.

* * *

Я люблю заниматься живописью при дневном свете. Искусственное освещение порой делает краски чрезмерными. В мастерской оно приближено к дневному свету, но разница все равно велика. Я почувствовала ее, только когда взялась за кисть.

Последняя картина, которую я решила подготовить к выставке, – абстрактная, первая моя попытка дать волю чувствам и инстинкту.

Нико научил меня самостоятельно готовить холсты, теперь мне предстоит освоить их натяжку. Сам процесс творения обходится без его наставлений, потому что он против влияния на живописца чужой техники. Он ограничивается тем, что время от времени молча за мной наблюдает. Иногда у нас возникает оживленный разговор о том, например, под каким углом держать кисть, чтобы каждый мазок заканчивался сгустком краски. То, что это отбрасывает полезную для впечатления тень, стало для меня открытием.

Мои эксперименты с абстрактной живописью отражают то обстоятельство, что я все еще пытаюсь разобраться в себе, понять, какой стиль для меня предпочтительнее. Сегодня у меня в плане плотная бумага и акварельные краски: Нико говорит, что для эксперимента это лучше всего. Он спросил, какую роль будет играть для меня цвет – главную, структурную, вспомогательную? Мой

ответный взгляд был так же пуст, как лист передо мной сейчас. Это волнующий момент, и я отбрасываю все сомнения.

Время бежит быстро. Я за ним не слежу, но когда в дверь мастерской стучат, уже смеркается. Я удивленно оглядываюсь, кричу «войдите!» и гадаю, кто бы это мог быть.

В дверь просовывает голову Ди-Ди.

– Простите, что беспокою, Ферн, но к вам гости.

Я непонимающе смотрю на нее, морща лоб. Опять что-нибудь привезли?

– Гости?

– Они спросили вас. Я отвела их в гостиную, потому что не знала, сможете ли вы выйти прямо сейчас, вдруг смешали важную краску... – Она смотрит на мою палитру и на груды тюбиков. На полу валяется дюжина листов, по большей части уже высохших.

– Я сейчас, только вымою кисти и закрою крышкой палитру. Это займет не более десяти минут. Их много? Они сказали, чего хотят?

– Не сказали, а я не стала задавать вопросов, вдруг это личное? Просто предупредила, что вы работаете и, возможно, не захотите прерываться. У Нико правило «не мешать», когда он здесь. Вы так поглощены работой, как будто всю жизнь этим занимались.

Я в ответ улыбаюсь, чувствуя, что краснею.

– Я все еще двигаюсь на ощупь. Мне переодеться? – На мне старая майка, почти такая же заляпанная, как у Нико.

– Не надо, вдруг эти люди просто хотят побольше узнать о нашем учреждении? Уверена, краска их не отпугнет. Если они люди творческие, то оценят ваш вид.

Ди-Ди не торопится уходить, пока я прибираюсь, разгуливает взад-вперед и разглядывает все холсты. Потом мы вместе идем через двор на разгорающиеся в сумерках огни гостиной. Я ежусь от холода и натягиваю на ходу куртку.

Ди-Ди оглядывается на меня.

– Я вас оставляю. Не забудьте заморить червячка. Куда это годится – так увлекаться, что забывать про еду? Надеюсь, Нико скоро вернется, и вы сможете поесть вместе. Остальные отправились ужинать в город. У меня в плане нырнуть в ванну. До завтра!

Уже девятый час, но по моему ощущению гораздо больше. Я понимаю, что сильно проголодалась. На парковке стоит незнакомая

машина. Я жалею, что не захватила айпад, чтобы при необходимости проверить наличие свободных мест, хотя и так знаю, что у нас все забронировано до середины апреля. Я толкаю дверь, вхожу – и у меня падает сердце, чтобы тут же запрыгнуть обратно в грудную клетку. Я еле держусь на ногах.

– Сюрприз! – кричит Ханна и, кидаясь ко мне, крепко меня обнимает. Ее сменяет Оуэн, Лиам ждет своей очереди с не совсем уверенным видом, несмотря на мою бурную радость.

Я пытаюсь восстановить дыхание и похожа, наверное, на выброшенную на берег рыбу. Сама не знаю, что за звуки издаю: то ли всхлипы, то ли смех.

– Как вас сюда занесло?!

Мы с Ханной и Оуэном продолжаем обниматься, освещая комнату нашими улыбками. Я машу Лиаму, приглашая к нам присоединиться.

– С ума сойти! Не могу поверить!

– Раз гора не идет к Магомету, то Магомет сам идет к горе, нагруженный к тому же мамиными и папиными подарками. Они бы разорились, если бы отправили все почтой, – не очень убедительно объясняет Оуэн.

Мы не перестаем обниматься. Наконец я отхожу на один шаг и удивленно их разглядываю.

– До чего же славно всех вас видеть! Прелесть, чудо, невероятно!.. – Я тру лоб ладонью, откидываю назад волосы, пытаюсь осознать свое везение. – Прямо как во сне! Садитесь, рассказывайте все-все! – Знаю, я похожа на сумасшедшую, но это такая радость, что я вот-вот лопну.

Ханна показывает мне руку, и я люблюсь ее кольцом.

– Шикарно, Лиам! Жаль, что при этом не было нас с Эйденем. Ничего, я обещаю восполнить этот изъян.

Щелчок замка заставляет всех нас поднять глаза. Входит Нико. У него неуверенный вид, кажется, он сейчас развернется и уйдет.

– Нико, это моя семья, знакомьтесь.

Он тут же принимается радостно улыбаться и стремительно подходит к нам.

– Это мой брат Оуэн.

Нико бодро пожимает руку Оуэна.

– Для меня всегда радость познакомиться с солдатом, – говорит он. Вижу, Оуэн удивлен и доволен.

– Это моя сестра Ханна и ее жених Лиам.

Снова рукопожатия, Нико поздравляет их с помолвкой.

– Вы, наверное, голодны, – говорит Нико, глядя на всех троих по очереди и, наконец, на меня.

– Не успели поесть, так торопились сюда. Это было спонтанное решение. У Оуэна отпуск на пять дней, он только вчера заявился домой, – отвечает с улыбкой Ханна. Я вопросительно смотрю на нее. – Университетский руководитель был не против меня отпустить, честное слово. Я объяснила ситуацию и пообещала вернуться в четверг. Лиам предложил нас отвезти, его отец предоставил ему несколько свободных дней.

– Это как раз то, что мне было нужно больше всего. Спасибо, что приехали, что не побоялись долгого пути!

Нико снимает пальто, я – куртку.

– Пойду раздобуду нам всем еды. Потом предоставим вам комнаты.

Я бросаю на Нико полный признательности взгляд. Все это совершенно неожиданно, и я не удивилась бы, если бы трое неожиданных гостей застигли его врасплох. Но я вижу, как он за меня рад.

– Мы выехали рано утром и меняли друг друга за рулем, так что все успели поспать. Мы надеялись найти поблизости ночлег на пару ночей. Не хотим быть для вас обузой. – Оуэн тревожно косится на меня, но Нико его успокаивает:

– Разумеется, вы будете желанными гостями здесь. У нас тут некоторая суматоха в связи со строительством, но вы нагрянули как раз вовремя. Следующие гости пожалуют только в понедельник, так что у Ферн есть свободное время. – Этого он мог бы не говорить, но я тронута тем, как он старается создать им хорошее настроение.

Я ловлю его взгляд, он приподнимает бровь и указывает кивком на кухню.

– Идемте, Ферн, принесем еды.

Мои гости снимают верхнюю одежду и усаживаются. За закрытой дверью кухни я обращаюсь к Нико покаянным тоном:

– Это чудесный сюрприз, я страшно рада их видеть, но здесь такая запарка, Нико! Завтра у меня дел выше крыши.

– Я выкрою для них время. Уверен, им понравится короткая экскурсия после завтрака. Вы в это время составите график работ и потом скажете мне, что делать. Хочу, чтобы вы побыли с родными, Ферн. Понимаю, как они по вам соскучились. Это чудесно, когда самые любимые люди бросают ради вас все свои дела.

Я вижу, что он оценил их поступок. Мне становится грустно за него: он один на свете, у него нет семьи, семейной поддержки.

– А сейчас, – говорит он, открывая холодильник, – мы посмотрим, чем сможем накормить вашу голодную ораву.

19. Горькая правда

За едой мы от души шутим и смеемся. Оуэн веселит всех рассказами об учениях. Я с трудом его узнаю: он превращается в настоящего мужчину, он создал себя заново. Короткая стрижка, подтянутость, мускулы, уверенный вид – все вместе создает ощущение крутизны. У меня слезы наворачиваются от гордости за брата, и, вообще, весь этот вечер я близка к слезам. Я рада, что он счастлив, что нашел наконец дело своей жизни.

Сначала Ханна была в присутствии Нико довольно сдержанной. Он казался ей подозрительным субъектом, и она все время переводила взгляд с него на меня. Знаю, ей было странно видеть меня в совершенно другой обстановке, без Эйдена. В конце концов она отбросила опасения и остаток вечера не сводила глаз со своего Лиама. Они все время держались под столом за руки.

Нико превзошел себя. Я не ожидала, что он запомнил столько подробностей из моих рассказов о семье. Он втягивал всех их в беседу, умело провоцировал на красноречие, превращая в героев вечера. Получился праздник в честь моих родных.

Мы расходимся в двенадцатом часу. Разведя моих родных по их комнатам, мы с Нико возвращаемся в шато.

– Рабочий вечер? – спрашивает он меня.

– Да, а у вас?

Мы обмениваемся понимающими улыбками.

– А как же! Иначе чем платить по счетам?

– Сегодня у вас улучшилось настроение. – Не вызывает сомнения, что произошло что-то обнадеживающее.

– В банке еще остались деньги, все благодаря нашей сплоченности. Мы сделали это, Ферн! «Гавань мира в Буа-Сен-Вернон» родилась. База отдыха преобразается в «Пристанище».

– Хорошее название, отражает здешний покой. То, что надо, Нико!

– Мы были бы в плюсе, если бы заказы шли в гору, а так мы только боремся за безубыточность. Это то, о чем я всегда мечтал. Ферн. Этому месту присущ особый дух, Ферн. Я не должен закрывать на это глаза. Последний год выдался трудным, я всем пожертвовал,

чтобы удержаться на плаву. Теперь ко мне вернулся оптимизм. После отправки очередной партии картин одна-две быстро найдут покупателя, и я смогу спокойно спать.

Он распахивает дверь в мастерскую, и я вбегаю туда первой. Мы на мгновение встречаемся глазами. Я вижу, как он воспрянул духом, а все благодаря усилиям нашей команды, всех, кто на ближайшее будущее обрел здесь дом.

– Я так рада за вас, Нико! Вы – главный виновник этого успеха, все в восторге от нового направления, которое вы предложили.

– Наша команда – это моя семья, Ферн. Знаю, для вас это не менее важно, вы ощущаете ответственность не меньше, чем я. Но учтите, перемены будут велики. Надеюсь, они всем понравятся, все увидят в них положительный шаг вперед.

Прежде чем раздеться, мы обмениваемся взглядами, полными согласия и понимания. Нико переодевает рубашку, я в это время отворачиваюсь, снимаю крышку со своей палитры и отлучаюсь в чулан за водой.

– На горизонте остается всего одна туча, – продолжает он разговор. – Картины, проданные отцом за год до смерти, были моими. Как и картина на стене в вашей комнате.

От этих его слов я застываю на пороге мастерской. Что-то я не пойму: на картине в моей комнате четкая подпись: Jose. Я смотрю на него непонимающе, хмуро.

В его глазах я вижу гнев, быстро сменяющийся смущением. Он проводит пальцами по лбу, почти царапает его ногтями, как будто так можно унять боль.

– Начав заниматься живописью, я был очень плодовитым. Для меня это была просто практика, я никогда ничего не подписывал, ведь я только-только осваивал мастерство. Как я замечая, вам тоже пока только предстоит этот шаг – большой шаг. Полный смысла момент пересечения черты.

Я киваю, не зная, что еще сказать, чтобы нарушить тяжкое молчание.

– Вы правы. Мне по-прежнему неудобно называть себя в разговоре художницей. Но подписать своим именем чужую работу – свидетельство острого отчаяния.

Нико кивает и смотрит в пол перед собой, наверняка захваченный воспоминаниями о шокирующем мгновении открытия.

– Наконец-то мой отец снова стал дописывать свои холсты, вместо того чтобы уничтожать их в пьяном неистовстве. Моя мать молилась, благодарила Бога за то, что спас всех нас. Отец продал картину, потом, спустя пару месяцев, еще одну. И тут я обнаруживаю исчезновение некоторых моих полотен. Я спросил его, в чем дело, и он под обещание хранить тайну посвятил меня в свою затею.

Я не мог себе позволить так огорчить мать, правда ее убила бы. Деньги были нужны нам позарез, но, узнав, откуда они берутся, она швырнула бы их ему в лицо. Я не должен был ее обманывать, но как можно было рассеять ее веру во вмешательство свыше? – Он смеется через силу, и я, взглянув на него, вижу в его глазах грусть и любовь. У меня саднит в груди от острого сочувствия.

– В какое ужасное положение он вас поставил, Нико! Ни в чем себя не вините. Он сам принимал решения, что могли с этим поделать вы, его сын? Вы были так молоды, кто стал бы вас слушать?

Он отмахивается от моих утешений, он не готов простить себя за то, что привык считать своей ролью в плетении позорной паутины лжи.

– Картина в вашей комнате – последняя, подписанная им таким образом. Если я ее продам, то увековечу его бесчестье. Я годами искал свои картины с его подписью и скупал их по рыночной цене. Теперь я вернул их все, за исключением одной. Пока она остается в руках коллекционера, я считаю себя сообщником аферы, уголовного преступления. Узнав, что он ставит на мои картины свою подпись, я выбрал бездействие; со своей подписью он продавал их дороже их истинной цены.

– Что за ужасные речи, Нико! Он делал что хотел, не советуясь с вами. У вас не было ни малейшего преступного умысла! – сержусь я на него. – Привлечь вас к ответственности было бы вопиющей несправедливостью.

– Я ничего не делал – сначала бессознательно, пока ничего не знал, а потом осознанно. Моей матери и вообще всем на свете казалось, что он умер именно тогда, когда его творчество стали ценить. На самом деле он находился на грани разорения, но каждая проданная

им моя картина уничтожала новую частицу его души. Он делал это для того, чтобы мы могли жить, и тем самым погубил себя.

В его творчестве был намек на гениальность, но он был худшим врагом себе самому. Его не устраивало ничего из того, что он делал; ему казалось, что он терпит поражение за поражением. Столько прекрасных работ бессмысленно пропали, столько остались незаконченными. Он выбрасывал их как мусор, а на самом деле они могли бы оказаться шедеврами.

Я печально качаю головой. Какая жалость!

– К несчастью, – продолжает Нико, – после его самоубийства те работы еще прибавили в цене. Тревога, что обман выйдет наружу, годами лежала на мне тяжким грузом. Я плачу агенту, который отыскивает владельцев этих картин через аукционные дома.

Мне нелегко все это осмыслить.

– Та еще задачка, Нико... – выдавливаю я с горестным вздохом.

– Можете себя представить, в какую копеечку мне это влетает! Понятно, что я не могу сказать агенту правду: моя версия – что я пытаюсь собрать в одну коллекцию все отцовские работы. Я в этом почти преуспел, только все они на складе, под замком, и всегда будут там оставаться. Мать не пережила бы, если бы узнала, как низко он пал; она была сильной и гордой женщиной, много чего пережившей. Ради ее памяти я не позволю ему позорить семью даже из могилы.

Я в ужасе. Как Нико не сломался от такой невыносимой тяжести? Каким же адом была жизнь с такой тайной! И он так ценит мою дружбу, что доверяет мне самое сокровенное.

– Сеана знает?

Он качает головой:

– Нет, я никому не рассказывал, кроме вас. Пока я не приобрету последнюю работу, меня сопровождает страх. Мой агент ведет переговоры с теперешним собственником, который, увы, сейчас в плохом состоянии здоровья. Все это может затянуться. Каждая проданная мной работа повышает риск разоблачения. Мой последний ускользающий холст с подписью Jose висит себе, наверное, на стене в чьем-нибудь доме. Если эксперты увидят его до того, как он попадет ко мне в руки, они могут угадать связь. Ирония в том, что чем больше мой успех, тем сильнее беспокойство. Но люди здесь зависят от меня, я не вправе их подвести...

– Разве то, что вы выкупаете все картины, – не доказательство намерения все исправить? – перебиваю я его.

– Подделка произведений живописи воспринимается в мире со всей серьезностью, иного не приходится ожидать. Полиция не удовлетворилась бы моими показаниями о количестве моих картин, проданных отцом под своим именем. Под подозрением оказались бы даже его ранние работы, уходившие за гроши. Художники часто работают в нескольких стилях; первоначально его полотна стоили немного, потому что он еще не развернулся во всю мощь. Я бы сказал, что он так себе этого и не позволил.

Он выглядит усталым, подавленным, почти побитым.

– Тем не менее у него был свой, собственный стиль. Эксперт наверняка провел бы различие между вашими работами, разве нет? – Мне не верится, что отец способен так поступить с родным сыном. Вред причинен, но не по вине Нико.

– Ирония в том, что это и есть корень проблемы. Он считал себя классическим живописцем, а на самом деле был ближе к Сезанну, истинному родоначальнику современной живописи, движения постимпрессионизма, заложившего основы отхода от достижений девятнадцатого века к новому, такому захватывающему веку двадцатому. Живопись не ограничивается изображением чего-то, это не фотографирование действительности. Все дело в том, что каждый художник видит вот здесь. – Он сердито приставляет указательный палец к виску. – Суть в том, что он снова и снова возвращался к классическому стилю; но многие его картины были гораздо менее формальными. В случае крупного расследования моя репутация мигом рухнула бы. Инвесторы запаниковали бы при малейшем намеке на сомнение в ценности приобретенной ими картины.

Меня угнетает сам язык тела Нико, говорящий лучше всяких слов о его чувстве униженности и отчаяния. Инстинкт заставляет меня обнять его. Он прикидается ко мне. Его боль осязаема, мое сердце болит вместе с его.

Смушение заставляет нас обоих нехотя разомкнуть объятия.

Нико нарушает молчание:

– Я не сдамся, Ферн, просто мне требуется терпение. Живопись – это вся моя жизнь, это единственное, что я умею. Если у меня не получится исправить то, что натворил мой отец, то моя карьера

окажется под угрозой. Мне не только перестанут доверять, я лишусь всего, что у меня есть. Получится, что он разорил и уничтожил не только себя самого, но и сына.

– Не смейте так думать, Нико. Кто, если не вы, говорил мне, что беспокоиться о проблеме надо только тогда, когда она уже возникла? Главное, вы делаете все, что в ваших силах. Вы обязаны думать позитивно.

– Знаю. Я тоже в это верю и прикладываю для этого все силы. Мы ждем ответа на последнее письмо – это все, что сейчас в наших силах. Я близок к успеху, как никогда, Ферн, тем не менее меня не оставляет чувство, что этому ужасу не будет конца.

– Со временем все кончается, – говорю я с чувством.

Какое-то мгновение мы смотрим друг другу в глаза, а потом принимаемся за работу. Невысказанную связь между нами теперь невозможно отрицать, она усиливается с каждым днем.

Я ловлю себя на том, что смотрю на пустой холст, зная, что готова наконец выплеснуть на него кипящие во мне чувства. Страсть Нико так заразительна, что грозит мне инфарктом. Гнев и сочувствие ему, восторг от встречи с моими родными болезненно сближаются и смыкаются. Мои близкие живы, здоровы, счастливы, а Нико не перестает мучиться.

При всем этом вечер получился чудесным, волнующе семейным. Его ирония в том, что место Эйдена занял в этот вечер Нико.

* * *

После завтрака Нико устраивает Оуэну, Ханне и Лиаму экскурсию по своему хозяйству. После этого они находят меня в старой комнате рукоделия. Все четверо в приподнятом настроении. Никогда еще я не видела Нико таким радостным и отдохнувшим. Понятно, что в последние недели он сгибался под грузом финансовых проблем, а теперь избавился по крайней мере от одной из своих главных тревог.

Думаю, для него было бы невысказанно объявить всем, что здесь для них нет будущего, потому что тем самым он превратился бы в полноценного сына своего отца. В человека, позволившего своим внутренним демонам загрызть его до такой степени, что это повлияло

на всех вокруг него. Нико не просто художник и наставник, еще он – вдохновитель. Для него невыносимо, когда кто-то не использует свои природные дарования целиком. Он собрал людей, искавших человека, который вернул бы их жизням смысл. Для него это в высшей степени органично.

Он понял эту их потребность, ибо увидел в ней свою собственную, что совпало с его тягой собирать вместе единомышленников. Потому я и нашла здесь мой собственный путь, мое временное пристанище. Теперь я чувствую себя здесь как дома.

Нико мог бы жить легко, мог бы целыми днями заниматься живописью, мог бы меньше торговать картинами, если бы заботился только о себе. Но то, что он пережил и продолжает переживать, влечет к нему родственные души. То, что он здесь создал, больше индивидуального, больше даже его огромного художественного таланта.

– Теперь я передаю наших гостей вам, Ферн. Можете прокатиться в город и полюбоваться видами, можете совершить восхождение в горы, – предлагает он.

Оуэн не дает мне вмешаться:

– Здесь слишком много работы. Не знаю, как вы двое, – он бросает взгляд на сестру и ее жениха, – но мы хотели бы помочь. Помоему, чем больше работников, тем быстрее все будет сделано.

Мы с Нико неуверенно переглядываемся.

– Разве вам всем не надо передохнуть? – спрашиваю, вернее, подсказываю я.

Но нет, все трое озираются, подыскивая себе место для работы.

– Я мастерски собираю мебель, – говорит Оуэн. – Отец торгует этим добром, я всегда собираю рекламные экспонаты.

Он смотрит на Тейлора и Бастьена, стоящих на коленях перед конструкциями пока еще неясного назначения. Рядом с ними лежит раскрытая инструкция невероятной толщины. Тут же несчетные кучки всевозможных гаек, болтов, шурупов, шайб, деревянных дюбелей.

– От помощи не откажемся, – подает голос Тейлор, недоуменно глядя на шуруп и скребя затылок.

Оуэн и Лиам спешно падают на колени рядом с ними. Ханна вопросительно смотрит на меня.

– А как я могу помочь? – спрашивает она.

Нико тоже ждет от меня подсказки.

– Идем со мной, Ханна. Нико, когда Ди-Ди и Одиль домоют пол, вы втроем можете помочь распаковать маты. Это целая пирамида коробок у стены. Раскладывайте несколько рядов зараз – так вы будете освобождать пространство и пол. Ханну я отведу в коттедж: пусть поможет там Келли. Нико, отсюда надо вынести еще много коробок.

– Обязательно! – отвечает Нико, подмигивая мне.

Сегодня он – совсем другой человек, чудесно видеть его таким деловитым.

Мы с Ханной идем в коттедж.

– Келли – настоящая звездочка! – объясняю я ей на ходу. – Она приехала на неделю и осталась. Здесь много месяцев не было инструктора по рукоделию, класс шитья отнимал у Ди-Ди так много времени, что на то и на другое у нее не хватало времени. Даже я в этом поучаствовала, но это не мое. У Келли бездна терпения, у нее дело пойдет.

Ханна, слушая меня, кивает.

– Она еще долго здесь пробудет?

– Не думаю, что она собирается с нами распрощаться, но срок ее пребывания зависит от многих вещей. Она многое пережила, и я думаю, что она обрадуется компании, девушке-ровеснице, с которой можно найти общий язык.

Ханна хорошо меня понимает.

– Я представляла себе совершенно другое, Ферн, но я очень рада, что ты нашла это. Все это совершенно в твоём духе. Скитаться с рюкзаком – не твой стиль. Теперь я вижу, почему вы с Эйденем решили пойти своими путями. Мы увидим до отъезда хотя бы одну из твоих картин?

Я улыбаюсь сестре, изучая ее мимику. Для нее облегчение, что я определилась и прижилась. Странно сознавать, что теперь Ханна беспокоится обо мне – раньше все было наоборот.

– Посмотрим, – отвечаю я ей со смехом. – Пока что я не спешу показывать свои работы, хотя с каждым днем набираюсь все больше уверенности. Главное, вы – большие молодцы, что вызвались помочь. Это бесценно! Сейчас начало новой волнующей фазы, от которой зависит благосостояние всех сотрудников. Они – славные люди, искренне стремящиеся творить добро.

– Кто ваши обычные гости? – спрашивает она с неподдельным интересом.

– Люди всех возрастов, любого происхождения. Честно говоря, маловато супружеских пар. В основном люди, желающие провести отпуск активно, но не надрываясь, если не считать тяжелым физическим трудом работу в саду. Но со следующей недели заработает «Пристанище», мы предложим широкий выбор холистических процедур: медитацию, практику «рейки», в ближайшем будущем – личный фитнес-тренер. Плюс, конечно, все – от занятий живописью до столярных и гончарных работ. Уроки кулинарии. Очень длинный список.

– То есть это у них не просто отпуск? – удивленно спрашивает она.

– Не совсем, хотя в прошлом бывало и так. Люди спасаются у нас от безумия повседневности. В будущем они будут учиться у нас технике борьбы со стрессом и выживания в современном мире. Для всех, кто здесь трудится, это захватывающая перспектива.

Ханна останавливается. Я поворачиваюсь к ней, мы обнимаемся.

– Я соскучилась по тебе, сестра, – шепчет она. – Поняв, где ты, я успокоилась. Знаю, Эйден тоже будет в порядке, когда опять станет самим собой. Добыча опалов – надо же было такое придумать! Я сомневалась, что тебе понравится самостоятельность, ведь это был не твой выбор. Беспокоилась, что тебе будет одиноко без родных, ты же так привыкла быть в курсе каждого нашего чиха!

– Как хорошо ты меня знаешь, Ханна! Прошу, больше за меня не беспокойся, со мной все в порядке. Я так рада за вас с Лиамом! Любовь приходит, когда считает нужным, человек бессилён это изменить. Главное, чтобы для тебя на первом месте был любимый, тогда все сложится, так я считаю.

– Для тебя на первом месте был Эйден, поэтому ты и пошла у него на поводу, хотя совершенно не хотела этого делать. Как ни странно, это оказалось не такой уж плохой идеей. Мама с папой считали, что тебе пора было уделить время самой себе. Мы нечасто говорим о Рейчел, больше волнуемся за тебя. Наслаждайся каждым мгновением здесь, прошу тебя, Ферн, мы хотим одного – чтобы тебе было хорошо.

Я ласково ей улыбаюсь, чувство, которым проникнуты ее слова, ценнее объятий.

– Может, ты и права, но мне было хорошо и раньше. Эйден не мог так не поступить, Ханна, и я его поддерживаю. Разумеется, мы друг по другу скучаем, ведь мы почти не разлучались, с тех пор как поженились. Но я хочу, чтобы он осуществил все свои мечты, пускай и не могу быть с ним. Утрата Рейчел во многом изменила мою жизнь, теперь я на все смотрю иначе. Здесь я, по крайней мере, чувствую, что мои усилия востребованы. Я живу так, чтобы она могла мной гордиться.

– Она очень тобой гордилась бы, Ферн, как гордимся все мы, но не уходи с головой в заботы о других. Развивай свою творческую жилку. Уверена, Нико – превосходный учитель. Да, он слишком привлекателен, но, с другой стороны, моя сестра даст фору всем сестрам по части уравновешенности... – Она так выразительно на меня смотрит, что я теряюсь и чувствую, как мои щеки заливают краска.

Я беру ее за руки и качаю головой, изображая беспечность.

– Надо же, я и не заметила! Идем, познакомлю тебя с Келли. Потом побегу к Марго, надо ее предупредить, что за обедом и ужином у нее три лишних едока. Она приготовит что-нибудь особенное. Ей только дай повод показать себя!

20. Новые расставания

За ужином у нас у всех настроение, как на тайном вечере. Оуэн через несколько дней отбывает на свои первые учения за морями. Ханна собирается переехать к Лиаму. У меня приближается шестимесячная «годовщина» жизни на базе отдыха. Эйден в следующем месяце может отправиться в Таиланд, а потом еще неведомо куда.

– Вы с сестрой и братом очень похожи, Ферн, – говорит Нико, наблюдая вместе со мной, как они танцуют.

Я согласно киваю и улыбаюсь, боясь оторвать от них взгляд, ведь ранним утром они уедут. Это все равно что наблюдать за тикающими часами, зная, что с каждой секундой приближается разлука.

Ужин получился у Марго на славу, она сама к нам под села – очень трогательно с ее стороны. Она выпила бокал-другой вина: Тейлору придется отвезти ее домой.

– Как прошла ваша семейная конференция по Скайпу? Связь не подвела?

Я корчу гримасу.

– То и дело зависало, Эйден был разочарован. Пришлось прерваться раньше времени.

– Как обидно! Вы успели похвастаться, что ваши картины будут выставляться? – интересуется Нико с видом гордого учителя, празднующего первый триумф своей ученицы.

– Не получилось, под конец стало почти невозможно говорить, – сетую я.

– Присоединяйся, Ферн, хватит сидеть сиднем! Вы тоже, Нико! – кричит нам Ханна.

Я смотрю на него, он на меня, мы оба пожимаем плечами.

– Что ж, я как вы. Хотите? Но учтите, танцор из меня неважный, – предупреждает он.

Не дав мне опомниться, Нико тянет меня к танцующим. В конце концов не выдерживает даже Марго: она принимается весело размахивать руками над головой. Чудесно наблюдать ее радость, хотя я уверена, что она частично вызвана выпитым вином.

Я давно не видела Оуэна танцующим и довольна тем, что вижу: он расстался со своей былой застенчивостью, часто так ему мешавшей. Танцует с Ди-Ди, которая вдвое его старше, он улыбается до ушей. Они что-то кричат друг другу, перебивая громкую музыку, как давние друзья.

После нескольких танцев я делаю вид, что должна сесть, чтобы отдышаться. Подняв глаза, я с радостью вижу направляющегося ко мне Лиам. Он соврал остальным, что хочет попить. Сев рядом со мной, он отставляет полный стакан.

– Знаете, Лиам, я давно так не веселилась! Живот разболелся от хохота!

Как я погляжу, Нико взялся учить Марго азам фламенко. Он принял горделивую позу, а Марго ходит вокруг него на цыпочках, потрясая отсутствующими кастаньетами. Любуясь ими, можно помереть со смеху.

– Мы не могли не приехать, – серьезно начинает Лиам. – Все переживали, что вы чахнете. Я спорил: я видел вас всего два раза, но не сомневался, что вы найдете для себя подходящее занятие, такой уж у вас характер.

Я удивленно смотрю на Лиам: оказывается, он наблюдателен и вдумчив. Первое мое впечатление о нем было поверхностным, тем более что в тот раз он сильно нервничал. И вообще, тогда был нелегкий момент для всей семьи.

– Не сомневайтесь, я пригляжу за Ханной. Не удивлюсь, если вы считаете, что мы слишком торопимся. Но без нее я сам не свой, как бы глупо это ни звучало.

Его слова переносят меня в далекие дни сразу после моего знакомства с Эйден. Тогда я тоже была больна без него. Даже зная, что вечером у нас свидание, я с трудом доживала оставшиеся часы, для меня имело значение только одно: когда мы снова будем вместе.

– Вовсе не глупо, Лиам. Такое понимаешь только тогда, когда сама пережила то же самое.

Он покусывает губу.

– Наверное, этот год разлуки нелегко вам дается? Хотя я понимаю вас обоих. Не говорите Ханне, что я с вами этим поделился, но она хотела бросить университет. Хотела, чтобы мы поженились уже в следующем году. Она пошла бы работать, и мы купили бы вместе дом,

а не жили бы у меня. Но я сказал «нет». Я хочу, чтобы мы были вместе, но не ценой жертвы, о которой она в будущем пожалела бы. Вы меня понимаете?

Я киваю:

– Конечно. И я ценю вашу заботу о Ханне, то, что она для вас на первом месте, потому что, как младшая в нашей семье, она привыкла к многослойной защите. Но было бы лицемерием утверждать, что я не понимаю, насколько любовь все порой меняет.

Я рада, что Лиам потянуло на откровенность со мной, тем более что потом, когда я вернусь, такого шанса может уже не представиться. Он молодец, что счел необходимым меня успокоить.

– Ханна переживает за вас с Эйденем. Знаете, она вас обоих обожает.

– Мы разъехались на год не потому, что вместе мы несчастливы, понимаете, Лиам? Не хотелось бы, чтобы кто-то в этом усомнился. Мне не нужно, чтобы Эйден чего-то лишился из-за того, что я не могу разделить его мечту о путешествиях. Не я была инициатором, но для меня тоже получился чудесный эксперимент. На мой взгляд, это только обогатит мою и его жизнь.

Глядя на Лиаму, я гадаю, способен ли он это понять. Он еще слишком молод, хотя все же на несколько лет старше моей сестренки, а значит, богаче ее жизненным опытом. Кажется, он ясно видит свой будущий жизненный путь и понимает, чего хочет от жизни.

– Надеюсь, мы с Ханной смело встретим любые проблемы, с которыми столкнемся. По-моему, важно ни к чему не относиться как к должному. Я посмотрелся, как быстро деградируют отношения, когда это правило нарушается. Рисковать несравненно лучше, чем бездействовать.

– Если можешь пережить трудные времена, то заслужишь хорошие, они будут тебе в радость.

Он улыбается:

– Ваша сестра приносит мне радость день за днем. Иногда она бывает похожа на смерч, бывает упрямится, но это у вас, наверное, семейное.

Я широко раскрываю глаза:

– А я-то думала, что единственная упрямец в семье – я! Что ж, добро пожаловать на наши семейные «русские горки»!^[6]

- Поверьте, ничего другого мне даром не нужно!
- Шушукаетесь обо мне? – раздается голосок. Ханна окидывает нас презрительным взглядом.
- О ком же еще? – отзывается Лиам, и мы втроем покатываемся со смеху.

* * *

Расставаться трудно. Зато у меня была возможность убедиться, что Оуэн и Ханна уже не нуждаются в старшей сестре так остро, как раньше. Пришло время это признать. У них собственная жизнь, и они перед ней не пасуют; да, мы ужасно друг по другу скучаем, но когда встречаемся, чувствуем себя так, словно и не разлучались. Уехав, я стала думать по-новому; мать с отцом подозревали, что результат будет таким, потому, наверное, и не возражали, когда мы Эйденom посвятили их в свои планы.

Дверь мастерской распахивается. Увидев выражение лица Нико, я сразу понимаю, что он явился с недобрыми вестями.

– Новости от моего агента. Переговоры о приобретении последней картины прерваны. В последнем письме написано, что владелец не желает ее продавать. Причины отказа не указаны. Я имел глупость убедить себя, что все завершится очень быстро и успешно. Тем труднее смириться с неудачей.

Я инстинктивно прикрываю левой ладонью рот.

– Ах, Нико, как же я вам сочувствую! Мы уже были в одном шаге от празднования победы...

Подойдя к нему, я чувствую, как из него сочится боль. Он получил сокрушительный удар, невозможно принять неспособность что-либо изменить.

– Теперь у моего агента связаны руки. У него нет выбора, остается только ждать, что будет дальше. Вдруг со временем к нему опять поступит предложение продолжить переговоры?

У меня нет слов, чтобы его утешить.

Мы трудимся всю ночь. Знаю, Нико, как и я, переполнен противоречивыми чувствами. Я не могу утешить его так, как ему – я инстинктивно чувствую, как именно, – хотелось бы. Чем ближе я к

нему подступаю, тем сильнее меня к нему тянет, но существует черта, которую я просто не могу переступить. Но наша тесная связь не требует воплощения в словах. Находиться в одном помещении – уже утешение. Не означает ли даже молчание измену, если оно так наполнено смыслом?

Наступает момент, когда у меня уже нет сил поднять кисть. Уходя, я знаю, что Нико немного успокоился, хотя бы немного принял то, чего не в силах изменить.

21. Удивительный поворот событий

– Я должна кое-что вам сказать, Ферн. Пару важных вещей. У вас найдется пять минут? Давайте прогуляемся. Утро прохладное, но мне нужно место, где нас не подслушают.

Я хмурюсь. Кажется, дело серьезное, хотя я не представляю, что сейчас услышу от Келли; остается надеяться, что не что-то плохое. Я уверена, что их отношения с Тейлором чисто платонические. Если нет, то, значит, я плохой физиономист.

Я киваю, снимаю со спинки стула куртку и иду за Келли к двери гостиной.

– Проблемы? – спрашиваю я ее. Надеюсь, это звучит как ни в чем не бывало, без намека на тревогу.

– Да. То есть нет. Не то чтобы...

Я подбадриваю ее улыбкой:

– Ты уже перечислила крайние варианты и все между ними.

– Действительно! – смеется она. – Хочу попросить вас об услуге, а еще хочу кое-чем поделиться. Только чур это строго между нами! Мне немного неудобно... Заранее спасибо. Даже не знаю, с чего начать...

Мы покидаем двор и заходим в сухую шуршащую траву. Конечно, Прованс красив в любое время года, но сейчас особенно кстати порадоваться тому, как хорошо, как уютно мы примостились у подножия громоздящихся вдали гор.

– Делай так, как тебе удобно, Келли, – говорю я, натягивая на уши шапку с помпоном.

Она хихикает и поправляет свою шапку.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Ди-Ди молодчина, но в этих вязаных шапочках мы смахиваем на эльфов!

Я смотрю на нее, и обе мы разражаемся хохотом. Дело не в фасоне наших головных уборов, а в том, что Ди-Ди пустила в ход все свои «излишки», как у нее это называется. Шапочки у нас радужные, если только в природе бывают радуги с четырьмя десятками цветов. У меня помпон голубой, у Келли фиолетовый.

– Подумаешь! – Я пожимаю плечами. Келли тут же подхватывает:

– Своевременная мысль! – Она выдерживает короткую паузу и продолжает: – Учтите, услуга немаленькая. Я сказала отцу, что не хочу возвращаться. Не вообще, но в обозримом будущем. Вот я и прошу вас поговорить об этом с Нико, вдруг у него другие планы? Сама я не хочу: он может смутиться, если не одобрит эту идею.

Я останавливаюсь, Келли тоже. Но долго стоять неприятно, сырость пробирает до костей.

– Пойдем-ка в сарай, – предлагаю я, и мы ускоряем шаг. – Подвинем скамейку, у стенки будет теплее.

У сарая всего три стены, это, скорее, навес, но даже он защищает от ветра.

– Поговорю, о чем речь! Но я заранее знаю, что Нико одобрит твое решение остаться. Ты очень полезный сотрудник: ведешь занятия по рукоделию, хорошо общаешься с гостями. Ты откровенна с ними, когда это необходимо.

– Это вы насчет того, что я резала себе вены? Я хотела сбросить с плеч этот груз. Вопрос стоял так: либо сюда, либо в лечебное учреждение, под постоянный надзор. Был и вариант похуже: отец собирался запереть меня дома и приставить ко мне сиделку. стыдно признаться, я подумывала еще раз полоснуть себя бритвой.

Она сжимает челюсти, я, наоборот, изумленно разеваю рот, глаза наполняются слезами. Я не успеваю выразить ей сочувствие, потому что она спешит продолжить:

– Мне нужно, чтобы вы знали, что мое прежнее уныние прошло. Оказалось, что я могу делать вещи, которые укрепляют волю к жизни. Здесь я чувствую себя на своем месте. Только здесь я могу такое сказать. Вы же знаете, что это вы с Патрицией вернули мне веру в себя? С тех пор она только крепнет.

– О, Келли! Ты – само сопереживание, сострадание и любовь, иногда от этого прямо дух захватывает! Странно, если ты этого не знаешь. Ты всех вдохновляешь, ты не по годам зрелый и терпеливый человек, потому что умеешь выживать при любых обстоятельствах. Надеюсь, ты заметила недавнюю перемену в Тейлоре – опять-таки благодаря тебе. Даже Бастьен стал гораздо общительнее, потому что ты вовлекаешь его во все, во что только можно.

– Вообще-то, мы – странная команда, правда? Три мушкетера... – Она откашливается. – А теперь плохая новость. Отец требует, чтобы я

вернулась, хочет, чтобы я была у него на виду, как он выражается. Он называет происходящее здесь у нас культом, он уверен, что мне промывают мозги.

Я широко раскрываю глаза.

– Он говорит ТАКОЕ?

– Да, буквально! Если Нико ответит согласием, то, может быть, вы поговорите с моим отцом? Я буду рядом, вы поймете, что говорить, когда он опять заведет свою волынку.

Я качаю головой, давая понять, что мне реакция ее отца совершенно непонятна. Что за безумное обвинение!

– Конечно! Я все сделаю, чтобы тебе помочь, Келли. Сегодня же вечером я поговорю с Нико. Он только вчера тебя нахваливал.

Она довольно улыбается:

– Буду ужасно вам признательна, Ферн, спасибо! Ну а теперь – неудобная часть...

Она смотрит себе под ноги, смущенно топает по твердому земляному полу. То, что она отводит глаза, – тревожный знак.

– Ваша сестра Ханна спрашивала меня, нет ли у вас романа с Нико.

У меня пересыхает во рту, я судорожно сглатываю, прежде чем что-то из себя выдавить.

– С чего она это взяла? – Я не могу сдержать разочарованный стон.

Келли смущенно пожимает плечами:

– Вы сильно сблизились, он ваш наставник, у вас особенные отношения. Мы-то знаем, что они сугубо рабочие, но Ханна была шокирована... нет, правильнее сказать, удивлена. Она поделилась со мной своим подозрением под большим секретом, но на вашем месте, Ферн, я бы постаралась разуверить сестру.

Судя по тому, как смотрит на меня Келли, я начинаю подозревать, что это не только сообщение и совет, но и вопрос.

– Я очень это ценю, Келли. Обязательно постараюсь ее разубедить, и сделаю это так, чтобы тебя не выдать. Ужас, что она так подумала, и очень несправедливо по отношению к Нико.

Она кивает:

– Я тоже так считаю. Но я перед вами в долгу, Ферн, и мне жалко Ханну, у нее был настоящий стресс.

Я силюсь что-то сказать, чтобы поменять тему и ослабить напряжение.

– Как Патриция?

– Как я могла забыть! Голова пухнет от разных мыслей. Она скоро к нам заглянет по дороге в летний домик, который они с мужем снимают в двадцати километрах к югу отсюда.

– Когда? – радостно интересуюсь я. – Здорово будет с ней повидаться.

– Двадцать третьего декабря, но она еще должна подтвердить дату. Она хотела сделать вам сюрприз, но я решила заранее сообщить, чтобы вы не составили планов и не разминулись с ней. Все-таки это воскресенье.

– Ты и она – очень важные для меня люди. Ты появилась здесь как раз в мой первый волонтерский день.

– Да, вас тогда не пожалели!

– Полюбуйся, какой путь мы с тех пор проделали! А теперь все, пора идти греться. Кажется, я отморозила ноги.

– И я. Отличный повод потребовать у Марго горячего шоколаду.

– Прекрасная мысль!

* * *

– Алло!

– Это я, Ферн. Звоню на бегу, просто чтобы услышать твой голос. Все в порядке.

Я прекрасно слышу Эйдена, но не верю ему. Он как-то странно себя ведет, поэтому я догадываюсь, что-то произошло – что-то, чем он не хочет со мной поделиться.

– Это на тебя не похоже, дорогой.

Зачем звонить, если не хочешь обсуждать свои неприятности? Я на него немного зла: обычно у нас нет друг от друга секретов.

Чувствую, он уже жалеет, что позвонил, и начинаю тревожиться. Он молчит, сидит и даже не смотрит на меня, копается в бумагах сбоку от ноутбука.

– Я получила длинное письмо по электронке от твоей матери, Ханна написала, что долго с тобой разговаривала. У тебя есть новости

от Оуэна?

– Да, от них обоих. Я даже заскучал по дому. Оба рассказывали, что ты отлично выглядишь и всем довольна. Похоже, Франция создана для тебя, а ты для нее.

Что это, сожаление? Или подозрение? Без него мне полагалось горевать? У меня начинает дергаться уголок глаза, легкое раздражение перерастает в злость.

– Знаешь, бывают моменты, когда я жалею, что все это затеял, – сознается он скороговоркой. – Извини, Ферн, у меня сегодня неудачный день, вот и все. Знаю, твои родители беспокоятся за Оуэна, его ведь впервые отправили за рубеж. Если бы мы были дома, ты бы их успо...

Он резко прерывается. Меня подмывает посоветовать ему постелить постель и лечь спать, но это было бы резкостью. Знаю, моя злость иррациональна, я шокирована силой своей реакции, а все потому что не понимаю, почему бы просто не взять и не обсудить происходящее. Мой выбор – попробовать сменить тему.

– Как твои планы насчет Таиланда? Есть новости?

Он устало вздыхает. Возможно, ему приходится несладко, и я уже начинаю чувствовать себя виноватой. Скорее всего, он ежедневно сталкивается с суровой реальностью, недоступной моему пониманию. Он не отдыхает, а помогает общине, каждодневные проблемы которой легко могут выйти из-под контроля. Ситуация усугубляется, когда страдают дети; знаю, как это тяжело для Эйдена. Он принимает близко к сердцу все, чему становится свидетелем.

– С этим все более-менее. Уже заказаны билеты. – Множественное число? Несколько пересадок или несколько пассажиров?

– Отлично, – говорю я без всякой уверенности.

– Знаешь, что я понял, Ферн? Ты всегда сглаживала для меня острые углы, подслащивала пилюлю. Когда все посыпалось, я всего нас лишил. Через год, когда твоя сестра погибла в ужасной аварии, я не знал, как быть, как поступить. Теперь я гадаю, чувствовала ли ты, когда мне не хватало силы воли. В обоих случаях я тебя подвел.

У меня сжимается сердце, в горле стоит ком. Он копается в прошлом, роется в том, что мы годами избегали даже упоминать. Почему именно сейчас?

– Главное, что мы оставили это позади, Эйден. С тех пор прошло уже восемь лет, зачем ты опять к этому возвращаешься? – Я не осуждаю его, но не понимаю выбор времени для такого разговора. – Я всегда делала только то, что считала правильным для нас обоих. Не твоя вина, что лопнул бизнес, – такое тогда было положение в экономике. Ты всегда делал все, что было в твоих силах, никто не вправе упрекнуть тебя в бездействии.

Он выдерживает недолгую паузу и продолжает:

– Надо было ценить твою преданность тогда, в нелегкие времена, чего уж теперь... Прости, что я этого не сделал. А сейчас, боюсь, мне пора бежать, долг зовет! Ханна сказала, что на базе отдыха у тебя по горло работы и что ты увлеклась рисованием...

«Рисование»? Если бы ты нашел время меня расспросить, я бы все тебе рассказала, но ты не проявляешь должного интереса, знать бы почему...

– Да, – подтверждаю я. – Все хорошо, так, как и должно быть.

Снова невыносимая пауза, тянущаяся одну, вторую, третью секунду.

– Ну что ж... До следующей субботы? Опять по Скайпу?

– Да, еще поговорим.

– Скучаю по тебе, милая, люблю тебя, – прочувственно произносит он. – И спасибо тебе.

– За что?

– За то, что ты поддерживаешь меня каждый день нашего супружества.

Только сейчас я вспоминаю, какой сегодня день, и мысленно браню себя за забывчивость.

– Поздравляю, дорогой. Люблю, скучаю.

Разговор окончен. Я не могу поверить, что забыла о годовщине нашего брака. Ровно восемь лет назад мы сочетались браком на простой церемонии в местном бюро регистрации. На свадьбе было тридцать человек, потом мы поехали пировать в местный отель, а оттуда в дом, который ремонтировали почти год. Потом, после гибели моей сестры, четыре месяца мы ничего там не делали.

То был первый день нашей совместной жизни, пусть ремонт и не был закончен, начало нашего будущего. До гибели Рейчел у меня было ощущение дюжины рождественских праздников, слившихся воедино:

мы оба ликовали. Сразу после трагедии было не до торжеств: нам не хватало Рейчел, нас обуревал гнев, что рок отнял ее у нас.

Разлучаясь, мы с Эйденом договорились не горевать о нашей временной разлуке в памятные для нас даты. Компенсацией должны были стать веселые многолюдные праздники в следующем году. Но мне стыдно, что я забыла про нашу годовщину. Сегодняшнее сентиментальное настроение Эйдена свидетельствует о том, что его что-то печалит. Возможно, он не выдержал трудностей, потому что раньше никогда не сталкивался с необходимостью самостоятельно справляться с бедами. Мне тяжело оттого, что я не могу обнять его и утешить.

Я вздыхаю. Мне необходимо поговорить с Ханной о Нико. Не думаю, что она случайно обронила в разговоре с Эйденом что-то такое, что усугубило его тревогу. Я трогаю пальцем погасший экран, мне хочется вернуть на него мужа. Но что бы я ему сказала? Лучше написать сообщение.

«Звони мне в любое время, когда я тебе понадобится: и днем, и ночью. Всегда твоя Ф.».

* * *

– Прекрасно, Ферн! Вы сами довольны своим прогрессом?

Нико появляется у меня за плечом и наблюдает, как я веду кистью снизу вверх.

– Кажется, да. Я назову эту вещь «Уединение».

Он продолжает изучать холст, так и сяк наклоняя голову, приближая лицо почти вплотную, чтобы рассмотреть мои мазки.

– Удачное решение. Я думал о «Разлуке» или «Одиночестве», – тихо отвечает он. – Вы передали ощущение глубины, изобразив свет, исходящий из середины. Вот это – человек? – Он указывает на угадывающуюся посреди цветного пятна фигуру.

– Да, душа. Слои краски – как вуаль, которую надо убрать, чтобы добраться до своей истинной сути.

– Гм... – Он одобрительно кивает. Меня разбирает смех.

– А с другой стороны, это может быть всего лишь желтым пятном, освещением стены, темой для обсуждения.

Он покашливает:

– Это привлекает внимание. Чем дольше смотришь туда, тем больше видишь. Умно! И непросто при таком ограниченном выборе тонов. Впечатляет!

Мне трудно не гордиться его похвалой. Каждый мазок я делала с огромным удовольствием. Сам цвет поднимал мне настроение, хотя день выдался непростой.

– Знаете, Ферн, видеть вас здесь, наблюдать, как вы поглощены работой, было полезно для меня самого. Давно я не следил за кем-то так долго. Это поучительный опыт, напоминание о моих ранних годах.

Я полощу кисть в банке с чистой водой, вытираю ее тряпкой.

– По-моему, это невесело – наблюдать за кем-то и постоянно бороться с желанием поправлять. Сейчас мне даже не верится, как многому я научилась за последние два месяца.

– Вы хорошая ученица. Вы учитесь наблюдая. Важно, что вы впитываете то, что полезнее всего для вашего собственного стиля. Не бывает двух одинаковых художников, отсюда уникальность каждой картины. Вы уже заканчиваете? – спрашивает он, когда я погружаю в банку еще одну кисть.

– Наверное. Хочу, чтобы высох этот фрагмент, потом добавлю немного белого отлива для иллюзии волны.

Нико приподнимает бровь и отходит на два шага:

– Встаньте здесь. Чем дальше я отхожу, тем лучше открывается перспектива. Эта душа попадает почти внутрь солнца, оно как будто ее поглотило, заключило в капсулу.

Я делаю, как он предлагает, и убеждаюсь, что он прав.

Теперь он поднимает обе брови:

– Какая желтая желтизна! Между прочим, как вы отнесетесь к бокалу вина?

– Я не против.

Нико отлучается в чулан за вином, а я выключаю почти весь свет и подхожу к стеклянным дверям. Ветер гнет голые ветви, жесткая и густая вечнозеленая растительность гораздо лучше выдерживает его напор.

– Представляю, как холодно на ветру! – говорит Нико, протягивая мне полный бокал.

– Да уж... Порой зима кажется бесконечной.

Он садится на пол, приваливается спиной к стене. Я делаю то же самое и, сидя напротив него, тоже смотрю на сад, на тени, колеблющиеся вместе с кустарником.

– Забавно, что ребенок видит совсем не то, что взрослый: он воображает чудищ, из которых состоит полная опасностей тьма, – говорю я.

– Мне пришла та же мысль. Но мозг чудит, бывает, даже у взрослого. Однажды мы с отцом ходили вместе с местными жителями за трюфелями как раз такой ночью, как сейчас. Там трюфеля называют черными алмазами. Мы забрели в чащу с фонарями.

– Не знала, что трюфели можно собирать зимой.

– С июня по август и с ноября по март, под собачий лай...

Я слегка покачиваю бокалом с темно-красным вином, вдыхаю аромат, отпиваю.

– Ночью, в темноте? Не проще ли при свете дня?

– Проще, но бывают тайные местечки. Грибы прячутся всего в нескольких дюймах под поверхностью, защищаясь от мороза и снега. Ты крадешься по земле, схваченной морозцем...

Впервые он рассказывает о своем совместном занятии с отцом. Наверное, это какое-то выдающееся воспоминание.

– Подмораживало, ветер был такой же колючий, как сегодня. Он был той ночью вполне трезв: не хотел позориться перед людьми. Он тогда еще был в себе – в хорошие дни. Пока мы шли, он почему-то завел речь о прошлом. Когда я был мал, он часто со мной гулял, и теперь мне было странно слышать в его голосе тепло. Я понял, что он тоскует по неслучившемуся, по той жизни, которую мог бы прожить, если бы обуздал своих демонов.

Нико прижимается к стене затылком, одна нога у него вытянута, другая согнута в колене, на котором лежит рука с бокалом. Он погружен в раздумья, и я, не желая его отвлекать, молчу. Отвернувшись, я смотрю в небо.

И вдруг вижу ЭТО.

– Падающая звезда! – кричу я. Он вскакивает, расплескивая на штанину вино, и смеется. – Вы тоже видели? – спрашиваю я, надеясь, что да.

Он широко улыбается:

– Да, успел. Скорее загадывайте желание, только не говорите мне какое.

Я с улыбкой киваю. Желание сформировалось в тот самый момент, когда я увидела яркую звездочку, описывавшую в черном небе безупречную дугу: «Пусть у всех все будет благополучно, и пусть все окажутся там, где им суждено».

– Не скажу, что я в это верю, – оговариваюсь я. – Но мало ли что...

– В то, что сбываются ли наши желания? В детстве и в юности я желал одного: покоя для моей матери. Когда умер отец, я думал, что ей станет легче жить, но она не выдержала одиночества и разочарования, острого чувства своей неудачи. Присмотр за ним превратился в смысл ее жизни, она день за днем выбивалась из сил, стараясь не подкачать. И вдруг – пустота, вакуум, как она назвала это мне. Ничего грустнее этого я никогда не слышал. Как можно тосковать по эгоисту, который всю жизнь над тобой издевался? Который похитил твою жизнь, как бессовестный вор!

Невозможно представить, чтобы родитель ввергал своего ребенка и своего супруга в такой ужас...

– Наверное, вам ее не хватало, когда она вернулась в Испанию, – тихо говорю я, следя за его реакцией. Он морщит лоб, заглядывает в свой бокал.

– Я знал, что ее время истекает, и не понимал, как с этим быть. Я не хотел, чтобы моя мать ушла, но для нее это было единственным выходом. Свое последнее лето она провела в окружении тех, кто знал ее в лучшие времена, – это было благословение, за которое я им бесконечно благодарен.

Я боюсь даже представить, что переживал тогда Нико. Одиночество, горе, страх начинать жизнь заново...

– Зато так родилась база отдыха, – говорю я неожиданно для себя вслух.

Он кивает:

– Страшная вещь – одиночество. Сначала я не думал, что смогу здесь остаться, но Марго уговорила меня начать предлагать желающим ночлег и завтрак. Она взялась за меня, иначе я помер бы с голоду. – Ему стыдно это вспоминать.

– Вы умеете готовить, я сама видела.

Он хрипло смеется:

– Только то, чему меня годами учила Марго. Сначала она была экономкой, кормила гостей завтраками. Одним из первых сюда нанялся Бастьен – это стало началом. Мне был нужен человек для ремонта заборов, а он искал подработку. За год все более-менее наладилось, но мне хвалиться нечем. Это судьба.

Судьба. Меня забросила сюда она же, судьба. Каково мое назначение в жизни Нико? В моем жизненном пути происходящее со мной сейчас выглядит как курьез, странное ответвление от основной дороги. Но затеял все это, сам того не зная, Эйден. Наша жизнь в Британии не имела никакого отношения ни к Провансу, ни к Нико. Я чувствую замешательство, но очень стараюсь скрыть свои чувства, свое сострадание к несчастному художнику, к которому я прониклась бесконечным уважением. Все, что я могу ему предложить, – это робкие слова утешения, хотя ясно, что он испытывает острую боль от глубоких душевных ран.

Будь здесь сейчас мать Нико, она бы гордилась им и его достижениями, ведь судьба ничем вам не поможет, если сами вы бездействуете. Это место много для нее значило, инстинкт подсказывал ей, что Нико должен находиться именно здесь. Она отдалилась от своего сына, чтобы смягчить для него удар от своего ухода, – верный признак материнской любви. Истинная любовь всегда жертвенна, думаю я.

22. Ускорение

Всего за четыре дня до приезда в «Пристанище» первых гостей, в разгар суматохи, возвращаются Сеана и Пирс.

Нико собирает всех на праздничный обед и на нем официально сообщает новое название нашей базы отдыха, раздав всем новые рекламные буклеты.

– Я могу разослать это по клиникам в Ирландии и Британии, Нико, – предлагает Пирс. – Мы с Сеаной раздавали там визитные карточки. Они вызвали большой интерес. Думаю, запросы повалят валом.

Все мы, как мне кажется, слегка ошеломлены напористостью Пирса. Он слишком деловой, его стиль отличается от того, как все здесь было устроено раньше.

– Прекрасно, спасибо, – говорит Нико с широкой улыбкой. – В отсутствие Сеаны организационные вопросы брала на себя Ферн: она весьма в этом преуспела. Почти все готово. Мы еще не распаковали оборудование для процедурных, Пирс. Ферн поможет вам рассортировать коробки. Понадобится дополнительная помощь – обращайтесь.

Все за столом кивают, готовые помочь.

– Отлично. Вы уже определились с максимальным количеством предлагаемых мест? Это срочная задача, потому что ответ важен для всех. В особенности он повлияет на организацию питания. Знаю, в первые две недели наплыв будет еще невелик, но заполнение будет ускоряться. Как только мы поймем, что способны достигнуть поставленных целей, можно будет привлечь дополнительные рабочие руки.

Пирс вернулся всего два часа назад, а уже давит на Нико, но тот не поддается.

– Знаю, у вас, Пирс, и у Сеаны будет большая нагрузка. Мы с Сеаной решим проблемы с размещением и перейдем к логистике.

– У меня есть ряд предложений, Нико, как, уверен, и у вас. Потребуется кое-какая реорганизация, давайте вернемся к этому после ужина, хорошо? – Сеана – наш признанный организатор, но даже ее

стиль изменился, стал более деловым. Курсы и общение с Пирсом пошли ей на пользу. Я удивлена, что на нее так повлияло общение с Пирсом. Раньше она была другой; надеюсь, перемена в ней повлияет на дела в положительном ключе.

Похоже, не одна я не сознавала раньше, что появление нового сотрудника изменит динамику работы всего коллектива. Остается надеяться, что это будет благотворная перемена, а не дополнительный стресс для Нико: вдруг его мечты разобьются о суровую реальность?

* * *

Ребята перетащили все необходимое в новые процедурные палаты в коттедже. Туда же они занесли привезенные раньше Пирсом коробки. Он не успел их разобрать, потому что они с Сеаной срочно уехали.

– Вижу, вы тут здорово постарались, – говорит он, когда мы вместе входим в процедурную номер один на нижнем этаже коттеджа.

– У нас командная работа. Когда надо перенести из комнаты в комнату крупную коробку, Тейлор и Бастьен спешат помочь, – объясняю я, боясь, как бы мы не наделали ошибок.

– Надеюсь, я сам справлюсь. Я привык таскать тяжести. Как-нибудь разберемся. Спасибо за сортировку. Я поздно спохватился, что не составил для вас плана: не было времени. Слишком много внимания я уделял заполняемости и рекламе. Курсы – полезнейшая вещь, Сеане обязательно нужно было обновить свои представления о многих вещах. Те занятия, которые вел я сам, проходили на ура. Но как же здорово вернуться и перестать распыляться!

Я не знала, что он не только практик, но и преподаватель. Разбирая его вещи, мы полдня завешиваем целую стену его дипломами и сертификатами. Этот человек – вечный студент, чему не мешает гигантский опыт, накопленный за двадцать с лишним лет. В чем он только не преуспел: и в спортивном массаже, и в утешении безутешных – о последнем свидетельствует документ, выданный Британским колледжем холистической подготовки.

– Мне будет недоставать преподавания, – признается он, внезапно вырастая рядом со мной в тот момент, когда я стираю тряпкой пыль с рамки последнего по счету сертификата. – Но Нико умеет уговаривать.

Редкие люди заботятся, как он, о качестве обслуживания, когда идет золотой дождь!

Эти его слова слегка поднимают мне настроение. Есть надежда, что он не тот кабинетный сиделец с фунтами стерлингов в глазах, за какого я его принимала.

– Скажу честно, ваш подход сильно отличается от того, что бытовал здесь прежде, Пирс, если вы не против откровенности.

Он поджимает губы:

– Вовсе нет. По-моему, все должны говорить правду, ничего не утаивая. «Пристанище» должно приносить прибыль, Ферн. Это кардинальная смена направления, и холистический подход требует от всех нас слаженности. Согласно плану, все сотрудники должны получить базовую подготовку, чтобы полностью разбираться в сути предоставляемых услуг. Практический опыт – лучший способ усвоения концепции...

Я не жалею, что потратила столько времени на знакомство с Пирсом. У него правильный настрой, он снимет с Нико изрядную долю нагрузки. Спohватившись, что он еще не умолк, я слушаю дальше.

– ...и Сеана организует это как можно быстрее. Я хочу взглянуть, какие еще занятия предлагаются гостям. Но для защиты капиталовложений Нико и для обеспечения всем нам надежного будущего велика роль рекламы. Она недешева, надо изыскивать средства. Нико вложил в дело все, что имел, мы не должны его подвести, надо постараться, чтобы все шло как по маслу. Нам нужно, чтобы гости уезжали с чувством, что мы не только не подвели их ожидания, но и превзошли их. Создавать такую обстановку – задача каждого в команде. Сейчас главное – персональные рекомендации и хорошие отзывы на веб-сайте.

Все это звучит страшновато.

– Не значит ли это, что придется заменять людей, не имеющих необходимых навыков? – Я опасюсь за Тейлора, Бастьена и Ди-Ди – умелых ремесленников, не имеющих за душой сертификатов.

Он прищуривается:

– Вы сомневаетесь в моих мотивах? Напрасно. Ответ – нет. Некоторым нашим гостям понадобится персональное сопровождение, мы добавим к команде «благоденствия» еще минимум одного

профессионала. У меня есть на примете один персональный инструктор и фитнес-гуру, но он освобождается не раньше марта. Поэтому тренажерный зал пока послужит только для отдыха, на страх и риск самого гостя. Наша привлекательность будет строиться по большей части на возможности приобретать новые умения и навыки – по крайней мере, на попытках это делать. Хобби играют важную роль в умении избавляться от стресса, той же цели служат физкультура и медитация. Кстати, Нико предлагает, чтобы я пригласил вас к себе в помощницы на первые две недели. – Видя мое удивление, он ухмыляется. – У вас будет время подготовиться. Я лично займусь с вами медитацией, чтобы вы привыкли. Мне пригодится лишняя пара ушей и глаз. Во время моих занятий вашей задачей будет ходить среди участников и проверять, все ли довольны. Боюсь, я один не справлюсь.

– Пожалуй... – В моем голосе звучит неуверенность, потому что я вовсе не уверена. – Я справлюсь, если вы четко объясните, что от меня требуется.

– О, четче не бывает, не сомневайтесь, – отвечает он.

– Не уверена, что я для этого гожусь, буду с вами честна, – выпаливаю я.

– По словам Сеаны, вам присуща интуиция, вы сможете подмечать, кому не по себе, кто находится вне своей зоны комфорта.

– Интуиция?..

Он удивленно смотрит на меня.

– Вы не знали, что она телепат?

– Нет, а вы?

Он виновато улыбается:

– Печально, но тоже нет, потому что я завидую этому ее свойству. Я живу сообразно своему кредо.

– А именно?

– Жить так, как если бы у тебя была всего одна жизнь, хотя я верю, что мы живем не один раз. Наслаждаться достоинствами людей, но всегда служить для них примером. И наконец, добрые дела часто остаются без вознаграждения, но редко бывают незамеченными; мир был бы лучше, если бы каждый об этом помнил. Все просто!

Сам Пирс далеко не прост. Понятия не имею, как это изменит все здесь. Скоро увидим.

– Мама, папа, привет! – Келли смотрит на экран, сильно нервничая.

Я сжимаю ей руку, чтобы подбодрить.

– Здесь происходят удивительные вещи, я серьезно хочу здесь остаться, быть членом команды. Вот Ферн, помощница Нико, я подумала, что, если у вас будут вопросы, сейчас самое время их задать.

Я чувствую, что вежливость требует представиться.

– Здравствуйте, мистер и миссис Престон. Меня зовут Ферн Уаймен, в Британии я работаю менеджером по персоналу. Сейчас я в годовом отпуске, работаю волонтером на базе отдыха. Полгода уже прошло. Естественно, вы о многом хотите спросить, у меня сестра – ровесница Келли, я понимаю ваши тревоги. Прошу, спрашивайте, что хотите, я постараюсь ответить на все вопросы.

Они друг на друга не смотрят, не двигаются и сидят в полуметре друг от друга.

– Тебе пора домой, Келли, – говорит мистер Престон, полностью игнорируя сказанное мной.

– Согласна, – вторит ему жена. – Чужие люди не сравнятся заботой со стороны семьи, Келли. Не понимаю, зачем тебе там задерживаться.

Келли говорила, что они редко в чем соглашаются, но по этому вопросу правило не действует. Я вижу, что у Келли начинается паника, лицо застывает.

– Мы все хотим для Келли самого лучшего, можете не сомневаться. Находясь здесь, она невероятно изменилась. Вы воспитали решительную и очень способную дочь, – распинаюсь я, надеясь на благоприятную реакцию.

– Вам легко говорить, на самом деле она очень хрупкая, мы имели несчастье в этом убедиться. Предполагались всего лишь короткие каникулы, миссис Уаймен. Ей давно пора домой, – твердит ее папаша.

Келли смотрит на меня, в лице ни кровинки.

– Ваша дочь преподает рукоделие. Ей это очень нравится, она буквально рождена для этого. Здесь требуются терпение и лидерские качества, того и другого у нее хватает. Я считаю, что здесь благоприятная обстановка для Келли, ей очень хочется остаться еще.

По-моему, забрать ее отсюда было бы шагом назад. Ее уверенность в себе крепнет день ото дня, я горда тем, что работаю с ней рядом.

Мистер Престон фыркает:

– Еще бы! Работать только за кров и питание, без оплаты – это рабский труд. За Келли нужен глаз да глаз, притворяться, что она способна помогать другим, – большая ошибка.

Я в ужасе от его слов, а Келли каково?! Я так сердита, что даже не могу на нее смотреть.

– Такое негативное отношение и есть причина того, что уверенность Келли в себе упала до столь низкого уровня. Отчаяние приводит к тому, что люди начинают совершать поступки вопреки собственной натуре. Реакция Келли показывает, насколько несчастной она тогда была. Здесь все ее поддерживают, она в позитивном окружении, обучает других всевозможным творческим навыкам. Это достижение, мистер и миссис Престон, если вы мне не верите, приезжайте сюда: вам здесь всегда рады и здесь вы во всем убедитесь сами.

Это все меняет.

– Я не смогу сбежать с работы во Францию, тем более накануне Рождества, – сурово отвечает мистер Престон. – Чепуха все это. Напрасно мы отпустили ее из Британии.

Келли сверкает глазами:

– Я здесь счастлива. Вам это не важно?

Ее мать наклоняется к экрану, наконец-то она может сказать свое слово:

– Счастье – это хорошо, доченька, только тебя используют. Им нет дела ни до тебя, ни до твоего положения.

Я смотрю на Келли, она близка к слезам. Неудивительно, что ее жизнь полетела в тартарары. Вернее, летела, да не долетела. Она вдруг откидывает голову назад.

– Я достаточно взрослая для замужества, я могу поступать так, как мне нравится. Я хочу остаться здесь. Я ведь права, Ферн?

Удивительные слова!

– Да, официально ты взрослая, Келли. Родителям не всегда легко привыкнуть к этому факту и отпустить своего ребенка. Ты вправе сама собой распоряжаться.

Мистер Престон переходит на крик, почти захлебываясь:

– Ты совсем с ума сошла, Келли? Ты для них дешевая рабочая сила, только и всего, ты трудишься за кровать и за трехразовую кормежку, какой позор!

Я удерживаю Келли, порывающуюся вскочить и убежать.

– Вы и ваша супруга недооцениваете Келли как члена нашего сообщества. Мы все здесь волонтеры, все работаем на одинаковых условиях, уверяю вас. Пока мы здесь, это наш дом. Это прекрасная возможность научиться новому, укрепить уверенность в себе. Думаю, Келли приняла решение. – Я поворачиваюсь к ней, она твердо кивает. – Предлагаю вам нагрянуть сюда в любой момент, без предупреждения, все здесь осмотреть и изучить вблизи все, чем мы занимаемся. Нам нечего скрывать. А теперь прошу нас извинить, у нас сегодня еще много работы. Нет ничего лучше, чем совместно что-то создавать. Каждый член нашей команды одинаково важен, включая Келли. Была рада с вами познакомиться, надеюсь на скорейшую личную встречу.

Келли поспешно выключает связь. Мы обе готовы кричать.

– Боже мой! Вы видели лицо моего отца? – Она закрывает ладонями пылающие щеки. – Можно было подумать, что он сейчас лопнет!

Она сверкает глазами. Вижу, она довольна поворотом, который принял разговор.

– Знаешь, Келли, когда я отсюда уеду, если ты не будешь знать, где жить, я всегда предоставлю тебе ночлег. Не позволяй чужому негативу брать над тобой верх, мешать твоей вере в себя. Я говорю совершенно искренне.

Она тяжело вздыхает:

– Спасибо, Ферн... Это очень важно знать. То, как вы дали ему отпор, подарило мне наконец чувство свободы. Теперь у меня есть выбор. Мои родители ни за что не поймут, что здесь происходит. Возможно, предстоящие перемены меня отторгнут, но пока я остаюсь частью целого и очень этому рада. Что до будущего, то меня устраивает жизнь сегодняшним днем. Хотя обязательно настанет момент, когда мне захочется куда-то устремиться, может быть, поступить в колледж, если я пойму, что именно меня увлекает. Так или иначе, мне хотелось бы помогать людям.

– Когда будешь готова, поговори с Пирсом. Он много чего умеет и сможет ответить на любые вопросы.

Она взмахивает кулаком.

– Мой отец ждал совершенно другого! – Характерно, что о матери она говорит редко, всегда только об отце.

Независимость приходит не одна, ее всегда сопровождает вызов – полная ответственность за свои поступки. Наблюдая, как Келли празднует свой триумф, я понимаю, как сильно она изменилась. Насупленный интроверт исчез, и теперь смотреть на нее – одно удовольствие. Верю, она готова к любым испытаниям и будет быстро учиться на ошибках, которые неизбежны в будущем.

23. Все меняется

После обеда мы проводим час в тренажерном зале, где Пирс проводит свой первый урок медитации. Я приятно удивлена. Я думала, что буду сидеть, гадая, зачем это нужно всем остальным, но получается по-другому. Он рисует словами картину прогулки на пляж, и так убедительно, что мне кажется, что я уже там, причем не одна. Другие находятся у меня в голове – не знаю, кто это и знакома ли я с ними.

– Что ж, эта часть упражнения позади. Теперь собирайтесь в пары и прогуляйтесь на свежем воздухе, чтобы разогнать кровь. – Пирс превосходит энтузиазмом всех остальных, лично я уже готова к тому, чтобы задремать.

Все встают. Сеана направляется к Бастьену, Тейлор и Келли, естественно, во время сеанса лежали на матах рядышком. Я колеблюсь, Нико делает шаг назад. Еще одну пару составят Одиль и Ди-Ди.

– Как я погляжу, у вас не остается выбора, – с хитрым видом шепчет мне Нико.

– Никто не хочет быть парой боссу, – отвечаю я. – Удивительно, что Пирсу удалось отвлечь вас от работы.

Пирс поднимает руки, призывая всех к порядку, потому что все говорят одновременно.

– Значит, так. На все про все уйдет не больше часа. Берите листы и следуйте инструкциям. Мне нужно, чтобы вы заполнили формуляры с заданиями для двух занятий. Прошу сдать их мне по возвращении. Приятной вам прогулки, обратите внимание на перечень заданий. Вы все молодцы, я понимаю и ценю, что для большинства эти занятия означают выход из личной зоны комфорта. Но все, что нас не убивает, делает нас сильнее.

Шутка Пирса вызывает смех и помогает развеять испытываемое всеми чувство неудобства. От него свободна только Сеана, для всех остальных происходящее в новинку.

Группа рассыпается, мы с Нико берем наши пальто. Сегодня опять холодно, но не морозно, ветер утих; могло быть гораздо хуже.

Мы все бредем по тропинке в лес и доходим до места, откуда расходимся в разные стороны.

– Вы прочли список? – спрашиваю я Нико, стараясь не хмуриться при изучении полученных заданий.

– Да уж, для меня это перебор.

– Тогда вы первый.

Он, глядя на меня, строит гримасу. Мы останавливаемся.

– Не бойтесь, я не стану подглядывать, – говорит он.

Первое задание: закрыть глаза и позволить партнеру вести вас вперед, обсуждая с ним свои ощущения.

– Натяните вашу лыжную шапочку на глаза, чтобы не поддаваться соблазну, – шутливо прошу я.

– Так не укрепляют доверие! Вы же требуете от меня доверия! – Он нагло ухмыляется, я хлопаю ресницами, притворно сердясь.

– Давайте начинать!

Нико подчиняется, и я прячу листок в карман.

– Готовы? Теперь я очень медленно поведу вас вперед. Говорите, что чувствуете.

Стоя рядом с ним, я твердо беру его за руку, другой рукой обхватываю за пояс. Это непросто, потому что на нем стеганая куртка, тем не менее я справляюсь.

– Ну? – обращаюсь я к нему после нескольких шажков.

– Странное чувство... Все время боюсь обо что-нибудь споткнуться.

– Я этого не допущу. Что еще?

Сначала он движется нетвердо, но потом набирается уверенности.

– Слышу, как высоко в небе летит самолет. Еще голоса, чей-то смех. Слышу, как вы дышите. Вы нервничаете?

– Нет, просто стараюсь не оплошать. Не хочу, чтобы вы шлепнулись.

Он останавливается:

– Теперь ваша очередь.

Мы меняем места, он натягивает шапочку мне на глаза.

– Послушайте, я не собираюсь жульничать, можете мне поверить, – твердо говорю я ему.

Он обхватывает меня за талию, и мы начинаем движение. Я чувствую себя в безопасности и без колебания делаю первый шаг,

потому что знаю, что Нико не допустит никакой оплошности. Он уже завоевал мое доверие.

– Ну?

– Земля под ногами какая-то хрупкая, корни мешают ступать, поблизости что-то движется, совсем рядом...

Несколько минут я осторожно переставляю ноги. Внезапно Нико срывает с меня шапочку.

– Кролик! – шепчет он.

Маленькое существо, привстав на задние лапки, что-то грызет – вероятно, желудь. Мы не шевелимся, зверек не сводит с нас глаз. Даже пролетающая над нами птица его не пугает, он не успокаивается, пока не съедает все. После этого он прыгает в густые заросли и исчезает, довольный, что не обманулся на наш счет.

Нико неуклюже отпускает меня и смущенно покашливает. Мы повторяем все сначала, хотя действуем не так серьезно, как хотел Пирс.

– Думаю, уже можно поставить галочку. Это было сенсорное упражнение, да? – Он смотрит на меня, я согласно киваю. – Теперь пункт «два». Сядем вон на то бревно?

– Как скажете.

Некогда могучее, а теперь поверженное дерево – грустное зрелище. Трудно сказать, что его повалило – молния или гниль, поразившая корни. Оно лежит так давно, между стволом и землей добрых три фута.

Нико подсаживает меня, я сажусь на бревно верхом, он тоже.

– Закрываем глаза. Вы первая. Проверка обоняния, – говорит он.

– Сильный запах гнилой древесины. Пахнет грибами, а еще... дымом, чувствуете?

– Чувствую все явственнее. Кто-то недавно развел костер. Жжет листья, наверное. Я улавливаю запах земли и не то что грибов, скорее слежавшегося торфа. Насчет гнилой древесины: на мой вкус, это скорее дикий чеснок. С горьким сырым запахом.

– Не знала! Как-то сомнительно...

Нико смеется.

– Что дальше?

Мы одновременно открываем глаза, он тепло мне улыбается.

– Заставляет задержаться и подумать, правда? Многое вокруг себя мы принимаем за должное и перестаем замечать.

Он смотрит на меня так пристально, что мне становится неудобно. Я отвожу глаза и достаю из кармана листок с инструкциями Пирса.

– «Найдите природный объект, выглядящий как что-то другое».

Мы несколько минут озираемся.

– Например, вон тот ствол, видите? – показывает Нико. – Слева, под самыми ветками, на нем большое утолщение, похожее на лицо ведьмы: два глаза и длинный крючковатый нос.

Я не сразу вижу то, о чем он говорит, но когда замечаю, то убеждаюсь, что он прав.

– Не уверена, что я в восторге, страшно как-то... Теперь я. Вон там, где тонкие высокие деревца, видите? Из одного торчат странные веточки, похоже на...

– ...оленьи рога, – почти шепотом договаривает за меня Нико.

Он прикладывает к губам палец, и мы восторженно наблюдаем за маленьким оленем, пасущимся в низком кустарнике. До его слуха долетают какие-то звуки, он вскидывает голову, напрягает уши, готовый и к бегству, и к бою. Секунда – и мы видим только его белый хвостик: красавец пустился наутек.

– Это chevreuil, косуля. Скоро он сбросит рога.

– Стоило сюда забраться, чтобы им полюбоваться!

Нико спрыгивает на землю и протягивает руку мне. У меня едет по влажной коре левая нога, и я едва не сбиваю его с ног. Только его сильные руки спасают нас от болезненного падения на слежавшуюся землю.

Нико смотрит мне в глаза.

– У вас замерзли руки, нужно было надеть перчатки. Давайте закончим с заданиями и вернемся. – Он говорит сбивчиво, а у меня колотится сердце.

Кляня себя за глупую реакцию, я говорю первое пришедшее в голову:

– По-моему, все это поразительно! Я думала, это будет какая-то ерунда, а выясняется, что мы бóльшую часть времени слепы. Если отвлечься от мыслей, вечно кишящих в наших головах, то все мы иначе посмотрим на окружающий мир. Это новая свобода, правда? – Я

со смущенным «спасибо» высвобождаюсь из рук Нико, но продолжаю ощущать на себе его взгляд, пока он обдумывает мои слова.

– Иногда новая свобода – это люди, – бормочет он и отворачивается, чтобы прочесть следующее задание в списке Пирса.

– Люди?..

Он снова поворачивается ко мне, в этот раз у него неуверенный вид.

– В вашем присутствии, Ферн, я начинаю иначе видеть все окружающее. У меня открываются глаза, мир, в котором существуете вы, кажется лучше.

Несколько невыносимых секунд Нико выдерживает мой взгляд. Дело не только в спугнутой нами косуле: я не могу объяснить, какая буря чувств поднимается во мне из-за его слов.

* * *

Возвращаясь под вечер в шато, я сталкиваюсь с Нико, тащащим огромную коробку.

– Хорошо, что я вас встретил, Ферн! Придержите дверь? Тяжеленная штука!

Я следую за ним, отставая на два шага, и когда он добирается до двери, тянусь к ней, открываю и вхожу следом за ним.

– Вижу, вы не бездействуете. – Глядя на холст, над которым он трудится, я поражаюсь внезапной разнице: мне бросаются в глаза цветки, которых я раньше не замечала. Удивительно, что после нашей прогулки в лесу у него возникло настроение работать. – Прекрасная штриховка, Нико. Мне бы ваше мастерство!

Он выходит из чулана и смотрит на меня, опершись о дверной косяк.

– Это приходит с практикой, Ферн. Главное – терпение. Рад, что, вы с Пирсом начинаете находить общий язык. Я заметил, что стоило вам отдать ему ваш лист с ответами, он тут же в него заглянул.

Да, сначала Пирс производил на меня устрашающее впечатление, но я готова признать, что могла ошибаться.

– Наверное, я поторопилась с суждением о нем. Понимаю, происходящие перемены имеют серьезный смысл для бизнеса.

Наверное, мы нуждались в том, чтобы нам напомнили об их неизбежности. Думаю, сегодня для некоторых из нас был поворотный момент в понимании используемых нами приемов. Все мы преданы работе, Нико, каждый на своем уровне.

Он согласно кивает:

– Пора нам начать извлекать достаточно прибыли, чтобы надолго гарантировать будущее для каждого сотрудника. Это означает превышение базового заработка и способность нести текущие расходы. Если мы не достигнем этой цели, то, боюсь, у меня кончатся деньги или мы лишимся хороших ребят, которые могут заработать больше в другом месте. Все начиналось ни шатко ни валко, и до недавних пор меня все устраивало. Но волонтеры в наши дни – редкость, а местные жители заслуживают достойной оплаты их усилий. Этого требует справедливость, а чтобы ее добиться, мы должны серьезно трудиться. Пирс не только опытен, но и наделен редкой деловой смекалкой, позволяющей не ударить в грязь лицом, а преуспеть. Благодаря этому я смогу расстаться с ролью, для которой никогда не годился.

Для меня облегчение слышать, как радостно Нико говорит о том, чтобы сбросить с себя часть груза; возможно, это значит, что в будущем он сможет проводить больше времени в мастерской. Надеюсь, при этом он все-таки испытывает гордость за свои достижения.

– У нас получилось все наладить и собрать группу единомышленников, Нико. Если бы не это, создание нового «Пристанища» так и осталось бы недостижимой мечтой. Не надо недооценивать собственные достижения.

Он криво усмехается; я его слегка смутила, но, как я вижу, мои слова пришлись ему по сердцу.

– Если захотите, Ферн, можете остаться здесь надолго. Время неограниченно, предложение не подлежит отзыву.

Я нехотя отвожу взгляд от его лица:

– Спасибо, Нико. Не думаю, что здесь мое будущее. С одной стороны, мне приятно думать о том, чтобы остаться, но ведь это означало бы для меня жизненное крушение. Это замечательный этап в моей жизни. И я рада считаться частью нового этапа еще долго, до конца июня.

Странно сознавать, что уже минула половина моего пребывания здесь. Сначала год казался нескончаемым сроком, но сейчас время пустилось вскачь.

– Танцуем сегодня вечером? – спрашивает он.

– Танцуем, – отвечаю я со смехом.

Хороший был день, многое достигнуто, поэтому почему бы и нет?

* * *

Сеана просит тишины, чтобы Нико мог говорить.

– Прежде чем мы наладим караоке и переведем дух, предлагаю пройтись по имеющемуся плану улучшения предоставляемых нами услуг.

Все за столом умолкают, всех интересуют окончательные изменения.

– Это было трудное решение, не думайте, что оно принято без размышлений. Чтобы оправдать повышение цен, которое обеспечило бы всем повышение дохода, мы должны снова размещать гостей в шато. Из-за этого постройки в обоих дворах станут служебными.

Бастьен, дружище, боюсь, тебе придется покинуть второй этаж коттеджа. Это не увеличит количество номеров для гостей – оно не превысит шестнадцати, зато в коттедже добавится два помещения для занятий.

В паузе Нико бросает взгляд на Сеану.

– Одно из них, – подхватывает она, – превратится в консультационный кабинет для еще одного нашего нового сотрудника, на приезд которого мы рассчитываем в марте. Все девять спален персонала в обоих помещениях окажутся заняты. Таким образом, мы получим новые тихие номера и эффективно используем все имеющиеся площади. Номера в шато – это часть нового плана, которая даст необходимые дополнительные средства.

Нико обводит глазами слушателей, интересуясь их реакцией.

– Не стесняйтесь, высказывайте ваше мнение. Знаю, вы пережили нелегкие недели.

– Это что же, я буду сталкиваться с этими людьми на лестнице? – подает голос Бастьен. – Куда катится мир?

Все смеются.

– Ничего страшного, – урезонивает его Тейлор.

– Может, проголосуем? – предлагает Сеана. – Кто за?

Постепенно поднимаются все руки, и Нико с Сеаной облегченно переводят дух.

– Мы с Пирсом ведем дискуссию с нашим бухгалтером о новом зарплатном плане, который вступит в силу в январе, чтобы он не противоречил возросшим затратам. Поскольку мы больше не станем прибегать к услугам волонтеров, придется подумать, как это повлияет на Ферн и на Келли, – говорит Нико.

Этого я не ожидала, Келли, думаю, тоже.

– Неизвестно, сколько недель в году мы будем достигать нашей цели – заполняемости восьмидесяти пяти процентов номеров, – вступает Пирс. – Предполагается устроить две-три недели выходных, когда «Пристанище» будет готово. Но, по словам Нико, в этом году наплыв не снизится. В конце первого года будет выплачен бонус за усердие и преданность делу.

Все удивленно разевают рты.

– Нико не намерен брать свои слова назад, – продолжает Пирс. – Дело не только в прибыли, но и в спайке коллектива, в гордости за совместный труд. Однако в прошлом финансовая нагрузка на него была так велика, что теперь наша задача – позаботиться о нашей репутации, чтобы впредь это не повторялось.

У Келли счастливый вид, у нее горят глаза, а у меня сомнения, что я, уезжая, не буду горевать, что подвожу всех остальных. Я пытаюсь понять сказанное Пирсом, но Нико приходит на помощь мне и остальным.

– Пирс теперь официальный генеральный менеджер «Пристанища», Сеана – старшая по персоналу. Антон будет работать у нас полный рабочий день главным садовником, в самые напряженные месяцы мы станем привлекать дополнительную рабочую силу для сада. Сеана продолжит обучать гостей растениеводству и здоровому образу жизни. Я буду и дальше вести занятия по живописи, но мы планируем переориентироваться на привлечение людей с каким-никаким опытом. Все, довольно о работе, лучше откупорим вино. Мы добились своего! За это мой тост. Я бесконечно благодарен всем вам,

без вас ничего бы не получилось. Для меня огромная радость работать с каждым из вас.

Все дружно хлопают. Нико поднимает руку и восстанавливает тишину.

– С тех пор как усадьба находится в моем владении, я чувствую, что у этого должна быть цель. Это мой дом, но в последние годы это и наш общий дом. Я не хотел его превращения в пустое и печальное место самозаточения от остального мира. Вы вернули ему жизнь, о большем я и мечтать не мог.

Радостный одобрительный шум. Путь был долгий, я была всего лишь малой частью целого, но от этого моя радость за этих прекрасных людей ничуть не меньше.

Стулья отъезжают, звучит музыка, Нико робко подходит ко мне.

– Как я слышала, меня здесь не держат? – насмешливо спрашиваю я.

– Простите. Я знал, что лично вам все эти перемены ни к чему, но вы член команды, с самого первого вашего дня здесь вы приносите огромную пользу. Это факт. Мы могли бы платить вам как консультанту. Наш бухгалтер обратится к вам и исправит допущенную несправедливость. Вы – неотъемлемая часть коллектива, ваш отъезд станет для нас утратой. Вы незаменимы, Ферн.

Я радостно улыбаюсь:

– Где-то обязательно есть люди, ищущие и еще не нашедшие, они обязательно к вам попадут, несколько в этом не сомневаюсь. Не надо мне платить, Нико. Этот год оплачен из выигрыша в лотерею.

– Я больше не диктую правила, Ферн, теперь у нас работает профессиональная команда управленцев. С моих плеч свалился огромный груз, я наслаждаюсь свободой. Перемены бывают благотворными: иногда надо просто запастись терпением.

Он знает, что я так не могу. Но сегодня общий праздник. Он берет меня за руку и увлекает в гущу танцующих. Мы празднуем вовсю.

Я обрела второй дом – это невозможно отрицать. Но первыми домом он никогда для меня не станет, и Нико придется с этим смириться.

24. Прошлое всегда будет частью настоящего

Пролетели еще две недели, и в этот вечер, хотя мы оба, Нико и я, пришли в мастерскую с намерением работать, оба были не в настроении. Кое-что мы не в состоянии скрыть.

Смешивая краски, еще можно лукавить с самим собой, но ты знаешь, что первое же прикосновение кисти к холсту покажет отсутствие вдохновения, и ты будешь жалеть о каждой мазке и ненавидеть себя за него. Знаю, Нико наблюдает за мной краем глаза, и для меня это свидетельство того, что ему тоже сейчас не до живописи.

Происходящие здесь перемены – во благо, хотя в некотором отношении они настораживают. Ирония в том, что я приехала сюда, сбежав от перемен в моей собственной жизни, но жизнь тут же напомнила мне, что это – одна из данностей. Ничто никогда не остается неизменным.

– В чем дело? – спрашивает Нико, начиная прибираться. На часах всего лишь начало двенадцатого вечера, совсем еще не время уходить. – Ваше настроение влияет на мое.

– Могу сказать вам то же самое, – парирую я. Не позволю, чтобы он навесил на меня то, в чем наполовину сам виноват. Мы смущаем друг друга своим плохим настроением.

– Ни к чему зря тратить время, Ферн. Давайте признаем, что выдался неудачный вечер.

Я согласно киваю:

– У меня пухнет голова от мыслей.

– Понимаю вас, до Рождества всего два дня. Вы впервые встречаете его вдали от семьи?

Я опускаю кисть в банку с водой, полощу, вынимаю, усердно вытираю тряпкой. Этим вечером нам полагается испытывать удовлетворение: вчера уехала вторая группа гостей, завершилась новая неделя, прожитая по новым правилам. Теперь мы закрываемся до 7 января, хотя некоторые занятия для своих продолжатся. Даже Сеана решила не уезжать на праздники в Шотландию.

Снег не помог, хотя здесь все равно неплохо: лесистое плато слегка припорошило. Некоторые не возражали бы отправиться по

домам, но все-таки остались и не горюют. Всем нам здесь спокойно и уютно.

– Да. Ханна в Австрии, Оуэн вернулся с заморских маневров и проводит каникулы в Норвегии с армейскими друзьями. Эйден считает дни перед отъездом в Таиланд. Мать с отцом проводят праздники с родственниками в Уэльсе, хотя сначала у них был другой план. Даже если бы я была дома, то сидела бы одна. Сейчас мне трудно это представить...

Нико встает с табурета и жестом манит меня к себе.

– Для прирожденного воина это непростой урок: ваши любимые обходятся без вашей суеты – возможно, не без труда, но они справятся. Сейчас я вам кое-что покажу.

Я стаскиваю через голову безразмерную майку, стараясь не испачкать свой девственно-чистый джемпер. Пригладив волосы, я выхожу за Нико из мастерской в коридор. Здесь тихо и темно, он светит перед собой фонариком телефона. Это неудобно: ему приходится зайти в кухню и, повозившись там, отыскать свечу и спички.

– Свеча? Вы забыли, что сейчас нет гостей?

– Надо, чтобы зрение привыкло к темноте. Скоро вы увидите, зачем это нужно. Берите свечу!

Он ставит тонкую восковую свечу в подсвечник в форме чашки с ручкой. Я жду, пока он зажжет вторую свечу и отдаст ее мне. Подсвечник старинный и очень тяжелый.

– Сюда! – зовет он, не оглядываясь, и выходит из двери.

Трудно сказать, что он чувствует сейчас, когда гости разъехались, а сотрудники живут не там, где жили раньше. Это странная ситуация. Шато велик, полы скрипят, трубы гудят по ночам – иного от такого старинного сооружения не стоит и ждать.

Даже при свечах тени не колеблются и тянутся высоко вверх. Здесь жива сама история, порой мне тяжело ее влачить, я почти чувствую ее неуловимое присутствие. Чувствует ли его Нико?

Мы минуем комнату, где раньше жила я, достигаем конца коридора и поднимаемся по лестнице на второй этаж. Передо мной узкая дверь, которую я раньше, кажется, не замечала, хотя не забредала в этот угол. Нико распахивает ее. Перед нами крутая лестница наверх, на чердак.

Я не тороплюсь на нее ступать.

– Не бойтесь. Ступеньки узковаты, крепко держитесь за поручень. Обещаю, вы не пожалеете.

Темно было и внизу, но здесь, в темноте, совсем мрак. Огоньки наших свечей отчаянно трепещут. Наверху нас ждет простор, галерея почти пустых комнат. В углу первой сложены коробки, у стены стоит кое-какая мебель. Сама комната смахивает на пещеру, шагая, мы поднимаем пыль, я боюсь расчихаться.

Войдя в следующую комнату, Нико вдруг замирает, глядя вверх. Я присоединяюсь к нему, нам в лица светят две наши свечи.

Поставив на пол свой подсвечник, он что-то ищет в темноте и приносит два толстых одеяла. На чердаке холодно, сюда почти не доходит тепло старой отопительной системы в главной части здания, а то, что доходит, быстро улетучивается в нежилой пустоте.

Он расстилает одеяла на полу, подносит свечу к лицу и задувает. Я следую его примеру.

– Утепляйтесь, – командует он мне, садится на одеяло и кутается в него.

Мы лежим и смотрим на синее-пресинее небо в широком окне в крыше. В сумраке оно похоже на картину. Мои глаза постепенно привыкают к темноте и уже видят россыпи несчетных звезд.

– Какая красота, Нико! Живое полотно!

Он поворачивает голову, но я не вижу выражения его лица, только отражение лунного света в его глазах, позволяющее угадать улыбку.

– Я прихожу сюда, когда мне бывает беспокойно. Здесь я вспоминаю, что жизнь обширнее того, что мы о ней знаем. Вселенная слишком необъятна, чтобы воображать, будто она ограничивается нашей маленькой планетой и будто жизни нет больше нигде. Какое нелепое допущение!

Я не могу оторвать взгляд от небес. Чем дольше это длится, тем больше в них оказывается слоев, тем больше я вижу. Плоскость начинает раскрываться, появляются глубина и перспектива, о которых я раньше даже не догадывалась. Это как свет в конце длинного тоннеля, когда взгляд привыкает и различает все больше там, вдали.

– Страшноватая мысль... – Я стараюсь от нее отмахнуться. – Сколько вы видели падающих звезд?

– Всего две за долгие годы, – сознается Нико с удрученной улыбкой. – Я подолгу вглядываюсь в небеса и знаю, что падающая звезда – большая редкость. Вы первый человек, которого я сюда привел. Это было тайное место моей матери, мы залезали сюда поздним вечером, лежали, болтали и дивились изобретательности Всевышнего.

Он глубоко дышит, как будто выполняет предписанные Пирсом упражнения по релаксации.

– В чем причина вашего беспокойства в этот раз? – спрашиваю я, догадываясь, что шато – то место, где Нико может быть самим собой. Может быть, его настигли старые воспоминания?

– Пришло новое письмо о последней картине.

Я смотрю на него, надеясь, что весть добрая.

– Обнадеживающее?

– Не сказал бы. Мой агент предпринял меры по возобновлению переговоров. Он получил сведения о смерти владельца картины вскоре после нашего последнего обмена письмами и о нежелании наследников обсуждать продажу картины. Ему ясно дали понять, что все кончено.

Я закрываю глаза, искренне ему сочувствуя.

– Может быть, для них невыносимо расстаться со столь дорогим предметом? Не торопитесь переживать, Нико. Если бы они собирались ее продать, то существование такого ревностного покупателя заставило бы их задрать цену. Не считайте это плохим известием, это просто не тот результат, которого вам хотелось.

Он поворачивается на бок, я тоже, теперь мы смотрим друг на друга. Нас разделяют полметра, и этого достаточно для зрительного контакта, даже в темноте.

– Не всегда все получается по нашему хотению... – бормочет он. – Вы полюбили мужа с первой встречи?

Это странный вопрос, заданный, полагаю, из чистого любопытства.

– Да, всем сердцем. Люди цинично относятся к любви с первого взгляда, принято считать, что безумная любовь в молодости недолговечна. Но это не так, если лелеять ее и не принимать друг друга за само собой разумеющееся.

Нико изучает мое лицо.

– Тем не менее он отпустил вас на целый год. Это большой риск, зачем так рисковать?

Такие вещи трудно объяснять, большинство ни за что не поймет. Надо жить нашей жизнью, чтобы понять, как мы оказались в этой точке нашего жизненного пути.

– Бóльшим риском было бы оглядываться в прошлое с вопросом «что, если?..». Или жалеть о несделанном. Мы оба этого не хотели. Нам нужно было точно знать, достаточно ли мы сильны, чтобы пережить еще одну крупную перемену в нашей жизни, которая забросит нас неведомо куда. Я пошла на это без особенного желания, зато столько узнала о себе! Теперь я готова согласиться, что трудности стоили того, чтобы их превзойти. Я не знала, что моя спрятанная творческая жилка просится наружу. – Говоря это, я стесняюсь оптимизма, звучащего в моем голосе.

Нико ворочается, закладывает руки за голову, чтобы лучше меня видеть. Я делаю то же самое и чувствую на своем лице его дыхание, наслаждаюсь обволакивающим меня запахом его лосьона после бритья.

– Подозреваю, что для вас, Ферн, на первом месте всегда были другие, для самой себя у вас не оставалось времени. Вы сильно изменились с того дня, как сюда приехали. Тогда вы были нервной, неуверенной, явно вышедшей из своей зоны комфорта. Вдруг, вернувшись, вы уже не почувствуете себя дома? Возвратитесь тогда к нам?

Сердце рвется у меня из груди, мне делается невыносимо грустно. Грустно за Нико и за свою неспособность ответить на его вопрос. Что, если он прав? Разве я сама не задавала себе тот же самый вопрос, причем неоднократно? Я пыталась от него уйти, потому что у меня есть другая жизнь, потому что ожидается, что я к ней вернусь. Я здесь не по наущению свыше. Ничего из этого не должно было произойти, я сильно ошиблась бы, если бы отнеслась к этому как к знаку, если бы придала своей жизни здесь слишком много смысла, не говоря о том, чтобы изменить вследствие этого всю свою жизнь. Я насмотрелась на то, как люди совершают дурацкие ошибки и потом рвут на себе волосы.

– Я устала, – признаюсь я. – Так устала, что даже не могу думать.

– Я еще раз прогуляюсь с вами через двор, когда вы будете готовы. Боюсь, жизнь без вас здесь будет... в чем-то неполной. Другой. Пустоватой... Простите, если это не то, что вы хотели услышать, Ферн, но я этот день никогда не забуду. Я про тот день, когда буду провожать взглядом вашу машину.

Ни он, ни я не делаем попыток встать; мы оба лежим на спине и смотрим вверх, туда, куда не проникнуть невооруженным взглядом. В конце концов ломота от неудобного лежания гонит нас вниз. Мы спускаемся в дружелюбном молчании.

Оба мы пребываем в смятенных чувствах. Правда, меньше чем через двенадцать часов к нам пожалует особенный гость, встречу с которым все предвкушают. Патриция – женщина сдержанная, даже тихая, но за свое короткое пребывание здесь она успела познакомиться буквально со всеми.

Надеюсь, через несколько часов сна, и Нико и я станем веселее. Нет смысла горевать из-за того, что мы не в силах изменить. Пора, наверное, признать, что у судьбы есть свой план.

25. Неожиданный рождественский подарок

Марго командирскими жестами направляет всех нас куда требуется: в гостиную, готовить ее к праздничному французскому буфету. Ребята собрали зелени, Пирс вызвался помочь Бастьену срубить рождественскую елку.

– Кривовата, – заключаю я, когда они показывают мне свою добычу. – Не беда, достаточно будет повернуть ее вот так... – Я показываю, как спрятать лысое место. – Молодцы, отлично!

Оба страшно довольны собой, их лица еще красны от усилий и от морозного ветра.

Сеана уже распаковывает елочные украшения и раскладывает их на диване. Келли, Тейлор и Ди-Ди вяжут на козлах букетики остролиста, плюща и омелы. Нико, забравшись на лесенку, развешивает их на толстых дубовых стропилах, беря из рук Одиль.

Чудесно наблюдать этот совместный труд, слушать их веселую болтовню.

Дверь кухни открывается, у меня тут же начинают течь слюнки от запаха жарящегося в духовке мяса.

– А музыка? – напоминает Марго, ставя на стол два блюда.

Бастьен заталкивает в ведро последний камень для закрепления ствола елки, пока Пирс его поддерживает.

– Сейчас решим, Марго! – отвечает Бастьен. – Помощь нужна? – Бастьен очень добросердечен и всегда готов помочь.

– Обязательно! Так много еще не сделано! – Сегодня она во всем черном, как обычно, не считая синего платочка на шее. Это говорит о том, что она собирается распустить волосы и танцевать.

Часы тикают, но обстановка замечательная. Все отдыхают от работы, чувствуется, что праздник уже начался.

Я счастлива, что нас решила навестить Патриция, ради нее и в ее честь все стараются вовсю. Когда она была здесь, я переживала, что она сторонится групповых занятий, зато на индивидуальных уроках она ни для кого не жалела времени. Я предвкушаю знакомство с ее мужем. Потом они отправятся отмечать Рождество в свой коттедж. Для нее, конечно, облегчение, что он опять может вести машину.

– Я сбегаяю в сад, хочу чем-нибудь расцветить центр стола, – предупреждаю я Сеану. Она улыбается до ушей, чувствуется, что настроение у нее праздничное. – Одна нога здесь, другая там. Потом помогу украшать елку. Там еще остались цветущие розы, их защитила высокая стена. Не сомневаюсь, Нико будет только рад, если я их спасу для всеобщего удовольствия.

– Отличная мысль! – одобряет она. – Цветы зимой – настоящее сокровище.

Мы киваем друг другу. Я замечаю, что после появления Пирса она буквально расцвела. Странно, что я не видела этого раньше. Он тоже расправил плечи, но я все больше понимаю, что этот человек строго следует своему кредо. «Порядок – это все» – вот его любимая мантра, он не успокоится, пока порядок не восторжествует на каждом квадратном сантиметре.

Я гадаю, чем вызван душевный подъем Сеаны: благодарностью Пирсу, взявшему на себя немалую часть обязанностей Нико, или личными причинами. Было бы замечательно, если бы между ними пробежала искра приязни. Одиночество – ужасная вещь, и двум этим трудолюбивым было бы полезно проявить внимание друг к другу.

На ходу я пишу сообщения – быстрые ответы Оуэну и Ханне на их отклики в одну строчку. Вчера утром Эйден в Скайпе снова был совсем невесел. Думаю, чем дальше, тем сильнее ему не хочется ставить точку в нынешнем проекте. Он привязался там к нескольким людям, особенно к одной семье. Он помогал им восстановить дом после пожара и теперь чувствует себя виноватым, отправляясь в путешествие ради чистого удовольствия. Но его статус в Мексике по закону страны не может превысить двадцати четырех недель; визы волонтерам подразумевают безвозмездный труд, и, оставшись дольше, он нарушит закон.

Но больше всего я опасаясь изменений в его отношениях с Джосс. Он никогда о ней не заговаривает, но она всегда присутствует на заднем плане. Мне всегда больно думать об Эйдене. Нико спрашивал, что будет, если, вернувшись домой, я столкнусь с тем, что там все изменилось. Что, если изменится мужчина, за которого я вышла замуж, – настолько, что я перестану его узнавать? Мне нужно помогать людям; я выстроила для себя эту роль как дочь, сестра, жена, домашняя хозяйка. Но сейчас они обходятся без меня; когда я вернусь,

оба мы начнем с того места, где прервались. Не почувствуем ли мы себя чужими друг другу, пока не научимся снова быть парой, любовниками, как раньше?

Джосс производит на меня впечатление свободной души, старающейся сполна прожить каждый новый день. Если судить по тому немногому, что я слышала от Эйдена, она свободна и одинока, то есть обходится без мужа и без домашних обязанностей. Жизнь легка, когда приходится ублажать одну себя.

Но, может быть, Эйдена это вдохновляет, а то и возбуждает? Всю свою взрослую жизнь он провел в твердых отношениях; не изменился ли он с момента нашей разлуки?

Я нахожу наконец в саду то, что искала, – островок ярких красок в дальнем углу, где сходятся две высоких каменных стены. Отодвигая побеги зимнего жасмина, я составляю букетик из алых цветов. Их аромат пробивается сквозь сладкий запах цветущего жасмина. Я застываю, вдыхая его вместе с холодным воздухом. У меня сводит зубы, но как пьянит этот аромат!

Не исключено, что в моей жизни предстоят кардинальные перемены. Осталось ли до сих пор что-то от той, прежней моей жизни? Я уже не могу представить ни дня без занятий живописью. Поймет ли Эйден, как это теперь для меня важно? И сумеет ли он вернуться к нашей прежней уютной жизни после своих захватывающих приключений? От бедности и отчаяния к чудесам света – и оттуда опять в домашний рай? Если задуматься, то это было бы сумасшествием.

Пока наш год врозь не закончится, точных ответов не будет. Я скучаю по нему. Я привыкаю к разлуке, но естественной ее не назову. Такое ощущение, что недостает частицы меня самой, что целостность вернется, только когда мы воссоединимся. Или я обманываю себя, что все так просто?

* * *

На стоянку заезжает замечательный черный дом на колесах. Мы с Нико торопимся через двор навстречу гостям. К нашему удивлению, за

рулем сидит Стефан. Он идет открывать пассажирскую дверцу, и я радостно машу рукой улыбающейся Патриции.

Стефан подает ей руку, она вылезает и спешит заключить меня в объятия.

– Как чудесно видеть вас, Ферн, снова оказаться здесь! Что за воспоминания! О, Нико!.. – Она выпускает меня и поворачивается к нему.

Он наклоняется и по-французски, трижды целует ее в обе щеки.

– Отлично выглядите, Патриция! – Он радостно улыбается, она заметно смущена таким приемом.

– Стефан! – Нико протягивает ему руку. – Неожиданный сюрприз! Я думал, вы дома, в Германии.

Я почти незнакома со Стефаном, поэтому ограничиваюсь коротким рукопожатием, он приветственно кивает.

– Идемте, зачем стоять на холодном ветру? – Я тяну за собой Патрицию, мы торопимся в гостиную.

Там нас встречают приветственный хор голосов, объятия, представления. Цепочку встречающих замыкает Пирс. Келли и Патриция, обнимаясь, не удерживаются от слез. Патриция выглядит совершенно счастливой, но мне не терпится понять, каким образом ее водителем оказался Стефан. Неужели он – ее муж? Это сюрприз, и я надеюсь, что хороший.

– Вот и вы! – Марго налетает на Патрицию, и все мы расступаемся. – Стефан?! Еще один сюрприз! Если бы я знала, то приготовила бы ваш любимый bouillabaisse. От меня все скрывают! Обед готов. Раздевайтесь, пора за стол!

Мне невдомек, что происходит, но атмосфера веселая, все с радостью наполняют себе тарелки.

Выбор блюд праздничный: мясное ассорти, картофельный салат с чесночным соусом айоли, салат табуле, гусь с черносливом и финиками. Коронный номер – «рождественское полено»: здесь Марго превзошла себя.

Музыка включена негромко, но разговоры и смех сливаются в невнятный гул.

Не уверена, что кто-то, кроме меня, в курсе, что Патриция замужем, поэтому эта тема не поднимается, но меня пожирает любопытство. Стефан объясняет, что он катался по Британии и

завернул к Патриции. Она продает здесь свой коттедж, и он не смог не подбросить ее к нам.

– Чего не сделаешь, чтобы заскочить во Францию! – добавляет он.

– Надолго вы во Францию? – спрашивает его Келли.

Он косится на Патрицию, и та спешит ответить:

– На недельку. Мне надо покопаться в вещах и кое-что забрать с собой. Стефан любезно предложил обеспечить мне транспорт. Личных вещей будет немного, от силы пара коробок: не хочу продавать их вместе с коттеджем. Чудесно будет еще раз встретить там Рождество, все соседи один другого лучше. Расставание будет грустным, но все когда-то кончается.

Разговор перепрыгивает с темы на тему. Патриция нескрытная, просто она – сама скромность.

После еды, когда стол пустеет, Патриция просит меня пройтись с ней и показать недавние изменения. Когда мы одеваемся, она трогает за руку проходящего мимо нас Нико.

– Вы не выйдете с нами, Нико?

Он с готовностью улыбается:

– Конечно, Патриция, только возьму пальто.

Стефан что-то ей сует, она быстро кладет это в карман, потом берет меня под руку, и мы выходим.

– Все хорошо, Патриция? – спрашиваю я на ходу.

– Да. – Она озирается на приближающегося к нам Нико. – Прежде чем любоваться вашими чудесами, хочу сделать вам, Нико, небольшой подарок. Он в багажнике фургона, будьте так добры, помогите мне его достать. – Она вынимает из кармана и отдает Нико связку ключей, тот недоумевает. – Это знак признательности за неповторимый опыт, приобретенный мною здесь в тот момент жизни, когда мне больше всего требовалось общество сердечных людей. И конечно, за возможность встретить Стефана.

Инстинкт меня не подвел: Фред, муж Патриции, похоже, ушел из жизни.

Нико бросает на меня непонимающий взгляд, но Патриция уже уводит его от меня, и я только и успеваю, что покрутить головой – мол, лучше помалкивайте.

Нико отпирает боковую дверцу фургона, отодвигает ее и отходит в сторону. Патриция предлагает ему залезть внутрь.

– Там к столику прикреплен пакет, – объясняет она. – Он тяжеловат, Стефан позаботился, чтобы он пережил дорогу. Может быть, отнести его в шато?

Нико вылезает, прижимая к груди объемистый пакет. Мы следуем за ним. Как я ни кошусь на Патрицию, понять пока что ничего невозможно. Я открываю для Нико тяжелую дубовую дверь, и мы идем по коридору в мастерскую.

Нико осторожно ставит пакет к стене и начинает вскрывать. Распаковав подарок, он меняется в лице. Я недоуменно смотрю на Патрицию.

– Последняя картина... – шепчет Нико. – Коллекция собрана.

Я вижу, что он потрясен: об этом красноречиво свидетельствует его бледность.

– Вы догадывались, что Нико делится со мной своими тайнами, но как вы узнали о картине, Патриция? – спрашиваю я.

Я крепко ее обнимаю и прижимаю к себе. Она, не высвобождаясь, начинает рассказывать. Это совершенно волшебный момент, вряд ли она до конца понимает его волшебство.

– Мой муж Фред купил ее мне много лет назад в маленькой галерее в Ковент-Гарден. Мы были в отпуске, увидели ее, и он заметил, как она меня впечатлила. Он сказал: произведение искусства – это капиталовложение, а не импульсивная покупка. Так он убедил меня купить наше первое полотно. Потом он покупал еще и еще, а пару лет назад мы приобрели картину Нико Галлегоса. Это было во время месячного путешествия по Испании.

Нико устанавливает картину на подставку, мы подходим к ней вплотную.

– Это наш сад в Испании осенью... – бормочет он, держась за подбородок. Я боюсь даже представить, какая буря чувств сейчас в нем бушует.

– Как только эта картина пришла и мы ее распаковали, Фред догадался, что она принадлежит кисти того же художника, что эта. Подписи разные, но динамизм и мазки не позволяют ошибиться. Из обеих рвалась жизнь, от обеих щемило сердце.

Нико вытягивает руки по швам и покорно смотрит на Патрицию.

– Зная, что одна из подписей фальшивая, вы ничего не предприняли, – тихо говорит он.

– Нам очень нравились обе картины. Перед смертью Фред захотел, чтобы я с вами познакомилась, потому я сюда и приехала. Мне требовался отдых после нескольких месяцев ухода за ним. Я занималась этим дома, одна. Задолго до этого человек, связавшийся с нами, сказал, что в покупке картины заинтересован сын Хосе, стремящийся собрать все отцовские картины. Нас, естественно, разобрало любопытство: мы-то были уверены, что у всех картин один и тот же автор.

То, как Патриция произносит слово «любопытство», означает, что они с Фредом наводили справки и кое-что знали об отце Нико.

– Нам была нужна правда или, если хотите, вся история целиком. Для нас это не могло повлиять ни на красоту, ни на ценность картины, но если бы вскрылась афера, это было бы страшное огорчение. Дело не в деньгах, а в репутации.

Я перестаю дышать, Нико тоже, она продолжает:

– Я поняла, что Нико расходует все, что у него есть, на базу отдыха. Он взял на себя ответственность за группу людей, которым нужен кров, объединил их. Мне открылась вся правда. Задавать вопросы было излишне. Я поняла на собственном опыте, чего вы достигли на базе и теперь в «Пристанище». Я вернулась к Фреду, полная оптимизма.

Примите наш подарок, Нико. Такова была предсмертная воля Фреда. Мне немного грустно расставаться с этой картиной, но она принадлежит вам. Об этом никто ничего не знает, включая Стефана. Он думает, что я решила поблагодарить вас за оказанный мне прием: давайте держаться этой версии. Пусть это будет маленькой тайной нашей троицы, не выходящей за ее пределы.

Мы со слезами обнимаемся, отдавая долг памяти Фреду. Мы с Нико переполнены благодарностью к двоим чудесным, бесконечно добрым, великодушным людям.

Последний элемент головоломки встал на свое место. Мы с Патрицией обнимаем Нико, тихо всхлипывающего и сотрясающегося всем телом.

Выходит, у судьбы все же был план.

Мое сердце одновременно пусто и переполнено. Для Нико это завершение многолетних терзаний, и мне посчастливилось сыграть в этом какую-никакую роль. Я не смела даже мечтать об этом. Теперь,

когда все кончилось, я не могу представить, как уеду отсюда, как вернусь к своей прежней жизни. Глубоко внутри меня меркнет свет, сердце как будто придавило глыбой льда.

26. Ревность или вина?

– Привет, Эйден, ты можешь говорить?

Я звоню без особой причины, просто день был полон волнений, и теперь, проведив Патрицию и Стефана, я чувствую опустошение и неприкаянность. Нико рано ушел к себе, в гостиной продолжается веселье, но мне не до веселья. Скоро полночь, в Мексике еще только смеркается. Я сижу в постели, в темной комнате нет другого освещения, кроме слабого света луны, сочащегося в окно.

– Вполне. Я только что вернулся. Вечером будет пирушка. Неделька выдалась та еще... – У него усталый голос.

– И у нас веселятся. Хотя мне не до пирушки.

– Проблемы?

В этот раз он разговаривает свободнее, даже с удовольствием; где бы он сейчас ни находился, впервые за долгое время он один.

– Одна из первых приезжих, с которой я здесь поладила, заезжала сегодня к нам на обед по пути на юг. Ее муж болел, она отдыхала здесь неделю, с тех пор он скончался. Она сделала от его имени щедрый подарок, я ужасно тронута. В первую неделю после моего приезда, когда я еще не освоилась, она была ко мне очень добра.

– Наверное, тебе досталось, я тогда этого не понимал... – Наверное, Эйден решил, что я жалуюсь.

– Не в том дело. По доброте душевной она старалась облегчить мне жизнь. Я решила купить скамью вместо старой и гнилой, стоящей здесь у озера. Таковую, что простоит годы. На ней будет табличка с именем ее мужа. Как тебе мысль?

– Не надо меня спрашивать, сделай так, и все. Очень правильный поступок.

– На это пойдет пара сотен фунтов. Помнится, ты беспокоился о наших средствах.

– Я истратил здесь гораздо больше тебя, – говорит он со смехом. – Не знаю, что будет дальше, когда я продолжу путь. Так что трать спокойно, и пусть тебя не гложет чувство вины. – Это говорится почти снисходительным тоном.

– Эйден, если бы там у тебя что-то случилось, ты бы со мной поделился, правда?

Тяжелое молчание. Чем дольше оно длится, тем сильнее у меня болят уши. Как молчание может быть таким оглушительным?

– Между прочим, я понятия не имею, что творится там у тебя. Ты сближаешься с людьми, строишь с ними отношения, как будто они – часть твоего будущего. Не осуждаю тебя, у меня здесь то же самое. Как ты считаешь, где мы должны провести черту?

– О ком мы сейчас говорим – обо мне или о тебе?

Я вдруг начинаю слышать его тяжелое дыхание.

– Я имею в виду Нико. По словам Ханны, вы очень близки.

Он обвиняет меня в том, что я завела роман, тогда как меня преследуют мысли о нем и Джосс?

– Он мой наставник, Эйден, только и всего. Находясь здесь, я открыла в себе новое, то, что раньше было недосуг исследовать. Должна тебе сказать, то, что происходит с тобой, тоже исподволь тебя меняет. Но я по-прежнему люблю тебя всем сердцем.

Он стонет.

– Я болван, не обращай внимания. – Он как будто сожалеет, но что я могу вынести из его слов? Что он болван, потому что спит с Джосс? Или потому что решил, что я сплю с Нико, и ревнует?

– Давай не мучить друг друга, Эйден. Мы отвели год на приключения. Большинство людей позволяют себе эту свободу, прежде чем остепенятся. Мы этого не сделали, и судьба не просто так послала нам этот лотерейный выигрыш. Ты жил своей работой и так близко принимал к сердцу жизнь других людей, что обязан был устроить себе перерыв. Я была... – Я делаю паузу, чтобы подыскать правильное слово.

– Ты была счастливой, а я все испортил. – Я слышу, какой он пришибленный.

– Нет, не говори так.

– Это же правда.

Неужели он прав? Я была совершенно счастлива – или жила на автопилоте, просто переползая из одного дня в другой?

– Вероятно, я жил в привычной колее. Ты знаешь, что я вечно волнуюсь. Теперь у меня было время осмотреться и иначе взглянуть на вещи. Чувствую, я стал лучше.

– А я нащупала интересы, о которых раньше не догадывалась, взять хотя бы медитацию. Мы сами себе хозяева, главное – позволить засиять своим талантам. Когда мы оба вернемся домой, я хочу, чтобы мы могли помогать друг другу, чтобы продолжать расти и оставаться счастливыми. Нельзя твердить, что мы счастливы, на самом деле не веря в это. Мы знаем много таких пар, живущих не на полную катушку, верно?

Он фыркает:

– Без сожалений и без «что было бы, если бы»...

– Помнишь, Эйден, ты сам сказал так в самом начале?

– Помню. Так то тогда, а это сейчас.

– Что-то тебя огорчило. Ты не умеешь скрытничать, Эйден, сам знаешь. Мы можем это обсудить.

Как же мне сейчас хочется его обнять! Ему явно это нужно.

Тянется пауза, которую, знаю, лучше не нарушать, чтобы у него было время собраться с мыслями.

– Завязалась драка банд, в которой пырнули ножом младшего сына семьи, в чьем доме я работал. Мальчик умер, прежде чем подоспела медицинская помощь. Ему было одиннадцать лет, Ферн. Это открыло мне глаза на то, что мы почему-то принимаем каждый день как должное. Просыпаемся утром, начинаем новый день, не думая, что ему, возможно, суждено стать последним. Несчастный случай, сердечный приступ, мало ли что... Мне не дает покоя навязчивая мысль, вопрос: ЧТО Я СОВЕРШИЛ?

Тревога? Это я все время волнуюсь, а не Эйден. Он всегда был человеком действия, всегда, засучив рукава, делал то, что правильно.

– Тебе нужно с кем-то это обсудить, Эйден, я серьезно. После такого происшествия требуется поддержка. Помощь людям в таком положении сказывается на самом помощнике, если ты поддашься унынию, то станешь принимать неверные решения и наделаешь ошибок. Ты уже никому не поможешь, а только навредишь себе.

Он вздыхает так тяжело, что у меня замирает сердце.

– Ты права. Я увязаю, в башке туман. Надо будет потолковать с Алистером, он у нас ведает психическим благополучием сотрудников. Рад, что мы поболтали. Прости мне мою взвинченность. Ты этого не заслуживаешь, я не собирался тебя напрягать.

Это уже превратилось в правило. В начале каждого звонка у меня чувство, что я перестала узнавать человека, которого всегда любила, я боюсь, что его больше нет. Но к моменту прощания он снова со мной, пусть это ощущение и нетвердое. Тревожно то, что от разговора к разговору восстановление этой связи занимает все больше времени.

– Ты занимаешь все мои мысли, Эйден. Так будет всегда. – Это правда, но в душе я чувствую, что-то изменилось. Надеюсь, все дело в огромном расстоянии между нами.

– Обещаешь? – У него дрожит голос; наверное, он скучает по дому.

– Обещаю. Путешествие в Таиланд будет захватывающим. То, чем ты занимался до сих пор, было достойнейшим делом, но все когда-то кончается. Ты внес свой существенный вклад, Эйден, и можешь этим гордиться, а теперь пришло время передохнуть, расслабиться. Никакого давления, туристический отдых, как в отпуске.

– М-м-м... Все-таки нет, иначе со мной была бы ты. – В его голосе искреннее сожаление. Гибель несчастного паренька сильно на него повлияла.

– Не убивайся из-за вещей, которые не можешь изменить, Эйден. Ты усвоил это много лет назад. Не погружайся в негатив. Жизнь продолжается, какими бы суровыми ни оказывались некоторые ее уроки. Ты должен быть сильным, чтобы поддержать людей, скорбящих по мальчишке. Им иначе нельзя, тебе тоже.

Он шумно дышит.

– Спасибо, Ферн. Просто он... Понимаешь, он напоминал мне Оуэна в детстве. Когда мы познакомились, Оуэну было как раз одиннадцать. Почти все время дурацкая ухмылка до ушей, вечное дурачество, одни ноги да руки... Помнишь этот этап?

Я мысленно улыбаюсь, прижав телефон плечом к щеке.

– Еще бы! Стоило тебе прийти к нам, он тащил тебя играть в футбол, хотя нам хотелось просто уединиться. Он был вечно голодный. Мама делала вам обоим свои непревзойденные сэндвичи с сыром.

Эйден усмехается:

– Оуэн всегда был готов поесть – и днем, и ночью. Вообще-то я бы и сейчас не отказался от стряпни твоей матушки.

Наконец-то он повеселел. Для меня облегчение узнать, что его мучило.

– Мне не хватает тебя, твоей заботы. Я эгоист?

– Нет, что ты! Это моя работа, то есть не работа, а... – поздно спохватываюсь я.

– По-моему, ты правильно сказала. С нами всегда было нелегко – со мной, с твоей семьей, но ты всегда нас спасала. Наверное, я не всегда признавал, сколько усилий это от тебя требовало. Лишиться сестры в такой момент – будучи невестой! Это испортило тебе первые дни супружества. Взрослая жизнь никогда не была для тебя беспечной. Когда мы вернемся домой, я уже ничего не должен буду принимать как должное.

Какое облегчение слышать эти его слова! Я опасалась, что в последнее время наша прежняя жизнь стала казаться ему слишком спокойной, даже скучной. Теперь у него открылись глаза слишком на многое вне нашего домашнего мирка. Достаточно ли ему будет только ожидания возвращения ко мне?

– Удивительно, нас разделяют тысячи миль, а ты по-прежнему знаешь, когда нужна мне. Вот она, любовь! – Его слова полны чувства.

Я боюсь, что сейчас расплачусь, но ведь я приказала себе быть сильной. Дыши глубже, Ферн, заверши этот разговор на уверенной ноте.

Мы прощаемся, и я закрываю глаза, стараясь вспомнить, как чувствовала себя в объятиях Эйдена. Не понимаю, как мне протянуть еще шесть месяцев, зная, что трещина между нами будет расширяться, и стараясь гнать от себя мысль, что он проводит это время в чужих объятиях.

Мысли о Нико меркнут под тяжестью неизбежного: нашим путям суждено было пересечься на кратчайший миг – всего на год, что это в сравнении со всей жизнью? Но порой год перевешивает всю остальную жизнь... Когда я озираюсь, все это начинает казаться зыбкими грезами, и я укрепляюсь в мысли, что найду силы все превозмочь.

Март 2019 г.

27. Не поддаваться страхам

В «Пристанище» дел невпроворот. После Рождества погода все время нестабильная: в январе-феврале почти всю Францию несколько раз засыпало снегом; у нас он лежал недолго, но успел создать неудобства. Впрочем, новых гостей он не останавливал: почти все время у нас аншлаг.

20 марта – официальное начало весны, но первая половина месяца выдалась ветреной и дождливой. Под нудным мартовским дождем нельзя не промокнуть насквозь, едва высунув наружу нос, настроение при этом соответствующее. В морозную погоду, когда под ногами приятно хрустит, можно, закутавшись, позволить себе долгую прогулку. Но когда ждешь весну, а она упорно запаздывает, нельзя не пасть духом.

Даже Бастьен проводит занятия в помещении, лишь изредка приглашая учеников под открытый навес. Он занял нижний этаж студии живописи во дворе, потому что Нико перебрался в мезонин. Бастьен учит изготавливать поделки из кожи: закладки, ремни, бумажники.

Тейлор и Бастьен меня растрогали: невзирая на погоду, они сконструировали и собрали для меня скамейку имени Фреда. Для нее я купила на местной лесопилке хорошие дубовые доски. Теперь на ней красуется табличка:

*В память о Фреде, незабвенном муже Патриции.
Теперь ты на небесах и в сердцах всех, к чьим жизням
прикоснулся.*

Табличку сочинила Патриция, и все мы поражены проникновенностью ее слов. Для меня это особенно важно, потому что она понимала все значение дара Фреда для Нико. Оба, муж и жена, знали это. Мы подумали, что гости, читая текст на табличке, будут соотносить его со всем окружающим и, сидя там, тихо вспоминать собственные невосполнимые утраты.

Мы ждем, когда пройдет март, ждем, что апрель принесет улучшение погоды. Через неделю к нам присоединится очередной

новый сотрудник – Йенн Биссон, персональный фитнес-тренер, и я планирую ходить на его занятия. Возможно, это рассеет зимнюю тоску, которая подзадержалась в этом году.

В эти дни нам приходится поторапливаться: гости хорошо откликаются на предложение новых услуг. Тренажерный зал превращается с десяти до одиннадцати утра в зону медитации. Я продолжаю помогать Пирсу, служу для него глазами и ушами.

Теперь я уже могу сидеть рядом с кем-то и показывать правильные позы. Некоторым бывает нелегко принять удобное положение, тогда мне приходится класть один на другой несколько матрасов. Если у кого-то из гостей проблемы с коленями, не позволяющие сидеть на полу, я приношу подходящее кресло.

В коттедже на первом этаже осталось два тихих помещения, хотя и там мне не хватает покоя: мимо постоянно снуют люди. Поэтому, когда мне нужно побыть одной, я забираюсь на чердак в шато. Комнаты там обеспечивают больше приватности, чем нынешние помещения для персонала в строениях вокруг двора. Там и стены тоньше, и комнаты меньше. Я тоскую по бывшему соседству с Нико... Но каждый вечер мы встречаемся в мастерской, и эти вечера я не могу не ценить.

Есть что-то особенное в переходном периоде, когда зима не торопится уходить, а весна не спешит ее сменить. Мне хочется на воздух, но в этом году слишком много дождей, заставляющих оставаться в помещении. Дома я, конечно, страдала бы от холода, и мы коротали бы вечера в гостиной перед газовым камином.

Сегодня мы узнали, что наши картины благополучно доехали до галереи в Севилье и будут выставлены там уже на следующей неделе. Казалось бы, я должна ликовать, но я почему-то в унынии. Возможно, дело в состоянии здоровья: вот уже пару недель у меня саднит горло и болит голова, вирус вцепился в меня и не собирается отпускать.

Простившись с последней группой гостей, я вяло вхожу, вернее, вползаю в выходные. Нико перемещается вокруг меня на цыпочках, озабоченный моим невеселым состоянием. Он думает, что я скучаю по дому, но дело не только в этом. Мое состояние стало меня тревожить, вчера я даже не утерпела и пожаловалась Пирсу.

– Мы коротко обсудили гибель вашей сестры, не хочу сейчас в это вдаваться, Ферн, но считаю, что ваша тревога отчасти коренится там.

Ваша тревога за любимых людей порой слегка избыточна. Вам кажется, что вы теряете контроль? – спросил он, и я пожалала плечами, не зная, что ответить. Не хватало мне нового груза тревог!

– Если это продолжится, то мы сядем и как следует все обсудим. Не верю, что вы не обращались тогда за психологической помощью. Подозреваю, что существует связь между чувством утраты, от которого вы так и не оправились, и вашей реакцией на разлуку с семьей. Бессонница – это красный флажок, одна она может вызывать депрессию, усталость, угрюмость. Я рядом, Ферн, это моя специальность. Но вы должны быть готовы раскрыться и принять мысль, что причины могут быть глубже.

Его внимание было непритворным, и, возможно, он не ошибался. Потеряв Рейчел вот так, внезапно, даже не простившись, я ощутила пустоту и бессилие. Я гневалась из-за того, что глупая случайность отняла у нас такого бесценного, такого живого человека. Она отправилась отдыхать с двумя лучшими друзьями. Почему судьба бывает так жестока?

Неудивительно, что теперь я цепляюсь за любимых людей: не хватало потерять и их! Возможно, я перегибаю палку, но это так понятно... Этот ящик я еще не готова отпереть, хотя, возможно, обманываю себя, что справлюсь сама, без чужой помощи.

При этом я чувствую вину за то, что причиняю мучения Нико своими приступами уныния по вечерам, когда берет свое усталость, когда я становлюсь вялой и раздражительной, а тут еще скачущая температура... Он очень старается меня отвлечь и развлечь.

Стоя за своими мольбертами, мы порой беседуем: он делится историями из своей жизни, в основном счастливыми моментами раннего детства в испанской деревне. В остальное время мы работаем молча. Так происходит и сегодня.

Яростные алые мазки на моем холсте выдают мой гнев, взявшийся, кажется, из ниоткуда. Внезапно у меня за плечом вырастает Нико.

– В чем дело, Ферн? Что вас гложет?

Он обнимает меня за плечи, забирает у меня кисть, прижимает меня к себе. Мы стоим так до тех пор, пока моя ярость не стихает, пролившись слезами.

– У меня чувство, что ничего уже не будет по-прежнему, и я не знаю, смогу ли вынести эту мысль. Летят недели, ко времени отъезда я стану другой. Последние восемь месяцев во мне было столько жизни, сколько не бывало никогда прежде, но при этом я чувствую, что чего-то мне недостает. Недостает моей семьи. Здесь легко жить просто день за днем. Люди приезжают в «Пристанище» расслабляться, весело приобретать новые навыки, они счастливы, они исцеляются. Но для меня это ненастоящая жизнь, Нико.

Правда в том, что сегодня я совершенно обессилена. Вот уже две недели я сплю не больше двух часов за ночь: это не может не сказываться. Меня слегка лихорадит, мозг неустанно рождает воображаемые тревоги.

– Что творится у вас в голове? До недавних пор вы прекрасно со всем справлялись. Почему вы вдруг запнулись? – Он наклоняется ко мне, мы почти соприкасаемся лбами, он заглядывает мне в глаза и в волнении морщит лоб.

– Я понимаю, что у Ханны проблемы в университете, она сникла. Что-то пошло не так, но она не хочет меня волновать, поэтому все реже звонит и пишет. От этого только хуже, я не перестаю гадать, что стряслось. Вдруг она бросила учебу? – Я всхлипываю и достаю из кармана платок. – Оуэн летит в Норвегию на учения НАТО: я боюсь за него. Он будет писать гораздо реже; его реальный мир наполняет меня ужасом. Эйдену в четверг исполнилось тридцать лет. Я не смогла ему дозвониться, пришлось ограничиться эсэмэской и письмом. Знаю, это глупо, мы договорились отметить его день рождения потом, но это не отменяет моего отсутствия в такой важный для него день. Надеюсь, он увлеченно исследует Таиланд, но на этом его перемещения не кончатся. В наш последний разговор его планы были туманными, сам он был какой-то не такой. С каждой неделей он становится все отстраненнее. Он уже больше месяца почти постоянно в пути. Перерыв, который должен был вернуть ему силы, наоборот, только их отнимает.

Мама и папа тоже стали реже со мной связываться: понятия не имею, что у них там происходит. У меня ощущение оторванности сразу от всех. Я к такому не привыкла – обычно мы все обсуждаем.

– Вас ни от чего не отрезали. Ферн. Когда вы им понадобится или когда у них появятся настоящие новости, они с вами свяжутся.

Зачем вы так себя терзаете?

– Потому что мы должны быть вместе как семья, но этого нет. – Я борюсь с собой, чтобы мой голос звучал тверже, чтобы не донимать Нико нытьем.

– Чепуха! – произносит он убедительным тоном. – Это жизнь, нельзя крепко привязать к себе любимых людей, они не настолько хрупки, чтобы бояться самим выходить в мир. Безграничная любовь к кому-то – это прекрасно, но жить вместо кого-то невозможно. Все, что вы можете, – это служить для них палочкой-выручалочкой. Это особенная семейная связь, чувство, что при любом событии есть кто-то, кому не все равно, кто выслушает и при необходимости окажет помощь.

Вижу, он говорит это от всей души.

– У вас ведь этого не было? Во всяком случае, с отцом.

Он мотает головой и осторожно размыкает объятия. Отвернувшись, он продолжает говорить, готовясь к уходу.

– В нашей семье самой сильной была мать, но ее жизнь была несладкой. Это длинный и грустный рассказ.

– Вам больно этим делиться? – мягко спрашиваю я, видя, что он колеблется.

– И да, и нет. Сказать по правде, сам не знаю, никогда не делился...

Наведя за несколько минут порядок, мы молча отправляемся на чердак. Нико поставил там напротив друг друга, на расстоянии всего метра, два старых кресла чтобы мы могли полулежа смотреть в небо. Теперь это наше потайное место.

Мы усаживаемся, и я хмуро смотрю на него, давая время собраться с мыслями и начать рассказ. У него уходит на это несколько минут. Он начинает говорить, глядя вверх, и я тоже откидываюсь в кресле.

– Мой отец происходил из семьи возделывателей олив, но, унаследовав ферму, не захотел продолжить дело – сердце не лежало. Какое-то время он пытался, чтобы не разочаровывать родных, но мало чего добился. Я был мал, помню только нескончаемые родительские ссоры из-за его растущей зависимости от спиртного. Простаивая днями у мольберта, он нырял с высот восторга в глубины уныния. У матери не было выбора: пришлось нанять двоих местных работников,

потому что отец потерял интерес к чему-либо вокруг себя. Я старательно его избегал и, возвращаясь из школы, помогал по хозяйству.

В добром расположении духа, когда ему хорошо работалось, он пил, после мазка, который он считал губительным для всего полотна, пил снова. В такие моменты его переполняло разочарование. Бывало, он пьянствовал по нескольку дней кряду – в такие периоды я учился становиться невидимкой. Моей матери и так хватало дел: на ней были все счета, к тому же надо было позаботиться, чтобы отец не спалил дом, не свалился с лестницы и не сломал себе шею.

Глядя в темноту, я воображаю страшные картины. Какое страшное было у него детство! И в каком отчаянии находилась его мать, не видевшая выхода! Все они были пленниками в аду, созданном папашей Нико.

Выдавались и неплохие моменты, но все реже, со все бóльшими перерывами. Когда я тоже взялся за кисть, матери это не могло понравиться. Рисовал я всегда. Но в редкие часы просветления отец приглашал меня к себе в берлогу. Помню, как сейчас, насколько счастлив я бывал в такие моменты.

Он пользовался традиционными масляными красками, весь дом пропах льняным семенем, который он применял для ускорения просушки, и скипидаром для мытья кистей. Все это, даже тяжелые запахи, вдохновляло ребенка. Его берлога была местом, где рождалась красота.

Мне хотелось выразить, высвободить все то, что накапливалось у меня внутри. Во мне крепла потребность воплотить свою страстность, добиться ее признания – но только не отцом. Даже сегодня, входя в свою мастерскую, я испытываю огромную гамму чувств, но их назначение – питать мое творчество.

– В каком возрасте вы занялись живописью?

– В школе, акварелью. Лет в восемь. Учительница рисования распознала во мне способности и убедила мою мать, что их надо поощрять. Можете представить, как нелегко это было для матери, ведь живопись уничтожала у нее на глазах моего отца. Она приносила ему все меньше удовлетворения, но мать поняла, что позволить мне творить – значит открыть путь к бегству. Я был плодовит, готов экспериментировать. Сами видите, куда это меня завело.

Он говорит очень уверенно, словно опять переживает то время, испытывает тот подъем.

– Я внезапно обрел чувство цели, – признается он.

– Как это повлияло на вашего отца? – робко спрашиваю я.

Он перестает смотреть вверх, и наши взгляды встречаются.

– Мне разрешалось писать только в одном из сараев, подальше от его глаз. Прошла пара лет, прежде чем он понял, чем я занят. Он никогда не заглядывал ко мне в школу; мать ходила туда одна, он был слишком занят собой, чтобы интересоваться происходящим вокруг.

У меня в горле спазм от жалости к способному мальчику, вынужденному прятать свой талант.

Однажды ему срочно захотелось выпить. Мы с матерью только что вернулись с покупками и заносили их в кухню. Я вышел за последними свертками, мать пошла парковать машину. Войдя в дом, я увидел, что отец роется в наших покупках. Он схватил бутылку вина и пакет с акварельными красками, купленными матерью мне на день рождения. В то время это было все, что она могла себе позволить, холсты мы делали сами – это обходилось дешево.

Я не удерживаюсь от тяжелого вздоха, представляя его тогда, двадцать лет назад. Не хочу даже шевелиться, не то что говорить, чтобы не нарушить ход его воспоминаний.

– Он посмотрел на меня как на предателя. Бутылка выпала, залил ему ноги красным вином и усыпав все вокруг осколками стекла. Он схватил тюбик с краской и так сжал его в кулаке, что раздавил. Как сейчас вижу прусскую синь, капающую на пол с его пальцев.

«Ты этого хочешь? – крикнул он, разжимая кулак и показывая мне испачканную ладонь. – Если так, то ты дурнее, чем я думал, Нико. Это разрушает меня и тебя разрушит. Дурак-отец породил дурака-сына». Его слова были как плевки.

У меня сердце разрывается от сочувствия к мальчишке.

– Ферма теряла деньги. После смерти родителей матери решено было переехать во Францию и не продавать усадьбу, а поселиться здесь. По ее словам, в сохранении фермы не было смысла, к тому же она слишком от всего этого устала.

Когда мы собирались, отец наткнулся на мои полотна. На многих картины были с обеих сторон. Моя страсть к живописи так развилась, что я нанимался подрабатывать к соседям, чтобы покупать краски и

холсты. В тот раз он ничего не сказал. Мы приехали во Францию, все разобрали, мои картины очутились здесь. Только спустя несколько лет я случайно узнал, чем он занимается. К тому времени я устроил себе собственную мастерскую в старой конюшне. Когда я затеял ремонт, ее пришлось снести. Я перешел к масляным краскам и стал подписывать свои работы. Мать активно меня подбадривала, потому что видела, что я не слабак, в отличие от отца, и что живопись – это моя судьба. Мы завели огород, чтобы торговать овощами, дела пошли неплохо. Она была, можно сказать, счастлива, насколько позволяли обстоятельства.

Нико, вспоминая мать, почти что улыбается, но язык тела свидетельствует о том, как тяжелы ему все эти мысли. Держась за ручки кресла, он опять запрокидывает голову к небу. Стоит мирная тишина, но она пронизана печалью.

* * *

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я вздрагиваю от будящего меня прикосновения Нико к моей руке. Он осторожно ведет меня вниз, в свою спальню, укладывает в свою кровать и укрывает одеялом. У меня сами собой закрываются глаза, в голове продолжается сновидение о густом поле желтых цветов, на котором мы с родителями устраиваем пикник; Ханна еще совсем малышка. Солнце греет мне лицо, это так приятно, что спешу снова нырнуть в этот сон.

Ранним утром я просыпаюсь почти без головной боли, температура упала. Нико спит в шезлонге в углу. Стоит мне открыть глаза, как он, несмотря на полумрак, обращается ко мне:

– Все в порядке, Ферн, спите. Настала пора отдыха.

28. Знакомство

Утром я почти что прихожу в себя, но все равно решаю не идти вместе с остальными на воскресную утреннюю прогулку. Эйден опять не звонил мне вчера по Скайпу, потому что путешествует. Надеюсь, в течение дня на моем телефоне появится его иконка. Не верится, что он не может найти спокойный уголок с хорошим Wi-Fi для недолгого разговора, просто чтобы меня успокоить.

С глаз долой – из сердца вон? Или он решил уйти в тень? Меня жжет огнем вопрос: где Джосс? Маячит, как прежде, на заднем плане, когда он не спешит выходить на связь? Или все серьезнее?

«ПРЕКРАТИ, ФЕРН, – мысленно одергиваю я себя. – Самое обычное дело – закрутиться в суматохе дней, сама представь, что значит постоянно быть в пути». Знаю, я несправедлива, но даже сообщений от него стало гораздо меньше, не говоря о письмах.

Теперь я в мастерской, перед пустым холстом. Дрожа от предвкушения, я выдавливаю на палитру первые краски и начинаю их смешивать. Первый мазок – всегда огромная ответственность, напряженные, как канаты, нервы. Я сделала много пейзажных набросков озера. Теперь, когда там стоит мемориальная скамья, я хочу ее запечатлеть, чтобы, глядя на картину дома, с теплом вспоминать проведенные здесь месяцы.

Стоя над мерцающей водой, я вспоминала много трогательных моментов, пережитых как в одиночестве, так и в обществе людей, так по-разному закрепившихся в моей памяти. Когда я вернусь домой, частица меня останется здесь, потому что ей не будет места в моей прежней жизни.

На память мне приходит портрет загадочной женщины Нико, и я понимаю, что это дань не только его матери, как я раньше думала, но и женственности. Ему хочется запечатлеть женскую красоту в ее любимой обстановке. Это способ обессмертить особую связь матери и ребенка; для него она была ангелом, человеком, так старавшимся, чтобы все они оставались вместе. Не потому ли он просил меня ему позировать?

Я вздрагиваю от щелчка дверного замка. Нико и Пирс работают в гостиной, они ищут варианты дальнейшего расширения. Знаю, Нико против использования чердака шато, поэтому планируется построить во дворе новый корпус с восемью шикарными спальнями на двоих. Мы наводим справки о вариантах, и Пирс считает, что это будет стоящее капиталовложение.

Поэтому при виде незнакомки я ахаю от неожиданности.

– Ферн? – спрашивает она. Я киваю, она подходит ко мне. – Я Изабель. Нико сказал, что я найду вас здесь. Простите за вторжение, я приехала без предупреждения. Направлялась в Ниццу, в галерею, и решила сделать крюк.

Вот она какая, маркиза де Каса Айтона, добрый ангел Нико!

Она протягивает руку, мы здороваемся, она внимательно меня разглядывает. Наверное, я растрепана после того, как натянула через голову майку. Могу себе представить, что она обо мне думает. Она красива, изящна и элегантна. На ней черные легинсы, кожаный приталенный пиджак голубого цвета, очень идущий к ее пронизательным карим глазам. Короткие, до подбородка, блестящие каштановые волосы, лихой полет прически от дорогого стилиста, шикарные духи. После рукопожатия я проверяю свою руку из страха, что могла испачкать ее краской.

– Не беспокойтесь. – Она приятно, музыкально смеется. – Краска не проблема. Как я погляжу, вы взяли за новый холст. Надеюсь, со мной скоро свяжутся, кое-кто уже интересуется одной из ваших картин. Может быть, эта тоже отправится в мою галерею?

Я надеюсь написать что-то для дома, постоянное напоминание, на которое захочется все время поглядывать. Но пока что я не готова в этом сознаться, поэтому молча пожимаю плечами.

Ее глаза так полны жизни, так искрятся! И вся она, что называется, больше самой жизни. Вижу на ее пальце обручальное кольцо и не удивлена. Такая женщина без труда выбирает мужчину себе по вкусу. Ее муж – наверняка особенный человек.

– Нико сказал, что вы покажете мне ваши работы. Это возможно? Или мне лучше вас не тревожить? Знаю, Нико к этой минуте уже указал бы мне на дверь. Он терпеть не может, когда его отвлекают.

Она напоминает мне актрису Пенелопу Крус – всем, в том числе страстной, задыхающейся манерой говорить. Я потрясена, чувствую,

мне надо собраться, чтобы не выглядеть дурочкой.

– Простите, Изабель! Это так неожиданно, я просто лишилась дара речи! Я с радостью покажу вам другие мои работы. Я чрезвычайно благодарна вам за интерес к ним! Знать, что мои картины красуются на стене настоящей галереи, – это такая честь!

Мне стыдно за свой лепет, напрасно я вообще раскрыла рот. Я молча веду Изабель к шкафу с картинами, сдвигаю первую дверь, выкатываю ящик с дюжиной своих полотен и наклоняю переднее, чтобы было видно стоящее за ним.

– Чудесно! Все это вы создали, пока находитесь здесь?

Я утвердительно киваю:

– Да. Прошу вас, не торопитесь. Я только сполосну руки.

Я оставляю ее перебирать картины. Проверяю в зеркале над раковиной, не забрызганы ли волосы и лицо краской. Надо еще закрыть крышкой палитру. На все вместе уходит несколько минут, я успеваю прийти в себя.

– Можно сфотографировать? – спрашивает она, указывая на одну из картин.

– Да, конечно.

Она щелкает подряд несколько картин. Я стараюсь не следить за каждым ее движением, но она относится к тем гламурным персонам, которые буквально завораживают вас своим безупречным обликом – так, что челюсть отваливается. Если бы я увидела ее фотографию в журнале, то не сомневалась бы, что это фотешоп. Живьем никто так не выглядит!

– Это именно то, на что я надеялась, спасибо. Я имею дело с крупным инвестором, ищущим нового художника. Он делает на этом деньги, поэтому мне нужно постоянно раскапывать новые таланты.

Не зная, что на это ответить, я глупо улыбаюсь.

– По его мнению, вы – хорошее вложение. Мы не должны на вас продешевить. Все мы стремимся к обоюдной пользе, вы согласны?

Я киваю. Мне не верится, что кто-то готов платить за мою ученическую мазню. Пока что я не художник, а скорее стажер.

– Вы составляете компанию Нико, когда он работает допоздна?

– Да, когда все спят, здесь очень тихо, для работы это хорошо.

Она наклоняет голову:

– Вы здесь давно, Ферн?

Понятия не имею, зачем она об этом спрашивает, и чувствую смущение.

– Семнадцать недель. Как бежит время!

– Со временем все меняется. Нико очень старался все это построить, но в первую очередь он художник. А вы? Что будет после того, как вы вернетесь домой?

Я была не права, решив, что она против моего пребывания здесь: ей просто любопытно.

– Я и дальше буду заниматься живописью, хотя моя семья будет сильно удивлена. Будет прекрасно снова воссоединиться. Сейчас мы все вдалеке друг от друга.

Не знаю, хочет ли она про это слушать.

Она озирается, теперь ее внимание приковала работа Нико. Она подходит к мольберту и отгибает край полотнища, скрывающего женщину у озера.

– Еще не готово! – восклицает она огорченно. – Ему надо сосредоточиться. Это его прошлое, оно будет его преследовать, пока он не допишет картину. Он никогда меня не слушает, сама не знаю, почему волнуюсь. – Она обращается не ко мне, а разговаривает вслух сама с собой. Я смотрю, как она разгуливает по комнате.

Помимо женщины у озера, у Нико подсыхают еще две работы.

– Хочу вот это! – восклицает она, любуясь чудесной картиной Нико – цветущим садом. Она снова поворачивается ко мне: – Что, если, вернувшись домой, вы больше не сможете рисовать? Что, если источник вашего вдохновения здесь?

Она ставит под сомнение мое упорство? Или все дело в Нико?

Ее вопросы застают меня врасплох. По ее мнению, меня вдохновляет Нико? Ей отвечает голос у меня за спиной, и я вижу, как тут же смягчается ее лицо.

– Ферн не нужны для вдохновения ни усадьба, ни Франция. Что ей необходимо, так это мастерская. – Нико скользит глазами по моему лицу и переводит взгляд на Изабель.

Собственная мастерская... У меня еще не было времени подумать о будущем моего нового увлечения. Сейчас меня больше тревожит другое: вдруг Изабель права?

Я тщательно одеваюсь к ужину, желая по неясной мне самой причине произвести благоприятное впечатление, ведь первое впечатление в дальнейшем нельзя побороть. Как бы это не было тщеславием. Изабель принадлежит к совсем другой лиге, и мы обе это знаем. Но она – деловая женщина, и я лелею пьянящее чувство, что нашлись люди в этом бизнесе, считающие, что мои работы будут хорошо продаваться. Для этого есть другое определение – признание.

Но что будет, если все мои домашние решат, что я сошла с ума и мечтаю о несбыточном? Я не знаю больше никого, кто дружит с кистью, большинство моих знакомых покупают живопись в магазине, чаще всего в ИКЕА. Это отрезвляющая мысль.

Когда я занимаю свое место за столом, Нико и Изабель беседуют по-испански. Они обильно жестикулируют, но при этом не спускают друг с друга глаз. Он завершает диалог взмахом рук в знак поражения. Оба смеются.

– Она хочет картину с розами, Ферн. Ту, которую я не хочу продавать, потому что это неотъемлемая часть усадьбы. Расстаться с ней все равно что остаться без руки.

У него взволнованный вид, но она над ним подсмеивается. Их отношения производят приятное впечатление. Я думала, что он один на свете, но теперь уже не так в этом уверена.

– Это очень красивая вещь, Нико, поэтому Изабель хочет выставить ее в своей галерее.

– Если ты мне откажешь, то опять будешь передо мной в долгу. Приезжай летом. Ты давно у меня не был, я устрою в твою честь прием. Обязательно приезжай, это будет полезно для дела.

О чем бы Изабель ни говорила, даже если бы просто зачитывала прейскурант, каждый слог в ее исполнении звучит сексуально: настолько мелодичный у нее голос.

– Я нужен здесь! – восклицает Нико. Теперь все за столом прислушиваются к их пикировке.

– Твои картины будут продаваться лучше, если люди тебя увидят, познакомятся с тобой лично. Ты не можешь этого не знать. Пора наведаться домой. – Ее тон меняется на совершенно серьезный.

Нико смотрит на нее и хмурится:

– Мой дом теперь здесь, Изабель. Но я подумаю о твоих словах. А теперь перейдем к еде. Я умираю с голоду.

Кассуле Марго восхитительно. Я надеюсь, что Изабель не вегетарианка и отдаст должное кролику.

Поглядывая на нее за едой, я вижу, что она всем довольна. С одной стороны от меня сидит Келли, с другой Ди-Ди. Из-за этого я вовлекаюсь в два совершенно разных разговора.

Насытившись, люди переходят к другим занятиям. Нико и Пирс режутся в карты, я оказываюсь напротив Изабель. Мне ничего не остается, кроме как обойти стол и подсесть к ней. На ней розовый кашемировый свитер, облегающий ее стройную фигуру, как вторая кожа, и модные черные брюки. Все просто, но одновременно изысканно. Рядом с ней я чувствую себя деревенщиной. Поймав себя на этой мысли, я прыскаю. Она удивленно смотрит на меня, когда я сажусь с ней рядом. Деревенщина? Скорее просто зануда.

– Простите, я немного отвлеклась. Нико очень любит свою картину с розами, – начинаю я объяснять. – Он хотел, чтобы она оживляла передний холл в зимние месяцы.

Даже не знаю, почему считаю необходимым отстаивать его точку зрения.

– Ему хорошо заплатят. Художнику нельзя быть сентиментальным. Одни картины продаются лучше, другие хуже.

Даже говоря жесткие вещи, она смягчает их своим теплым испанским выговором.

– Мне надо еще многому научиться, – признаю я.

– За картины Нико можно просить пятизначные суммы. Не больше чем за пять лет можно будет выйти и на шестизначные, если он и дальше станет меня слушать. Но для этого надо предлагать правильные картины в правильное время. Что касается вас... – Она внимательно смотрит на меня. – Это уже другой рынок. Вы еще более многообещающая в коммерческом смысле. Надеюсь, вы окажетесь плодovitой. Люди любят делать импульсивные приобретения, но по правильным ценам. Им подавай цвета: чем ярче, тем лучше. С их помощью они украшают свои гостиные, это аксессуары, а не вложения. Не вздумайте обидеться, потому что со временем они тоже могут принести большую прибыль, кто знает... Спрос велик, я дам вам свою карточку. Что хорошо для вас, то хорошо для меня. Идет?

Я согласно киваю:

– Спасибо. Даже не знаю, что сказать.

– Ничего не говорите, просто пишите свои картины, – говорит она, заговорщически наклоняясь ко мне.

Впервые я чувствую между нами связь; кажется, она попыталась во мне разобраться и теперь перешла к выводам.

– Насчет Нико. Поможете мне уговорить его приехать этим летом в Испанию? Ему надо выставиться, но он слишком долго не показывался. Здесь все идет хорошо. Это возможно?

Я кошусь на Нико и Пирса, которые не подозревают, что мы их разглядываем. Изабела не знает, что скрывает от нее Нико. Наконец-то его тревогам настал конец, но значит ли это, что он готов вернуться туда, где снова оживут его болезненные воспоминания?

– Теперь, при Пирсе, я бы сказала, что да, возможно. Но я не уверена, что Нико этого хочет, Изабель. Недавно он рассказывал мне о своем детстве, о вещах, которые ему лучше бы забыть. Возвращение может снова разбередить старые раны.

– Похоже, вы его понимаете. Я настаиваю не просто так, Ферн. Я только ради этого сюда и приехала, но ему я в этом не признаюсь. У меня много состоятельных клиентов. Когда такие люди покупают картину какого-то художника, по рынку бежит рябь. Это посылает правильный сигнал. В прошлом Нико был очень осмотрительным, но теперь это его сдерживает. У нас есть своя история, я по дружбе немало в него вложила. Но бизнес есть бизнес, мне нужно, чтобы он развернулся.

Я ее понимаю. Ее тревожит, что его радует только напряженная работа и не интересует не менее важная задача – сделать себе узнаваемое имя. Знай она об отчаянии его отца, этого разговора могло бы не быть. Я не знаю, насколько крепки их отношения, но в любом случае больше ничего не могу ей сказать – это их дело.

– Вряд ли я смогу на него повлиять, но я скажу ему, что считаю это хорошей идеей. Это так и есть, по ряду причин. И не в последнюю очередь из-за пользы смены обстановки. Ему пора получить заслуженное признание людей, которых он уважает. Я посоветую ему отойти в сторону и позволить его команде доказать, что они со всем справятся сами.

– Хорошо, мы мыслим одинаково. Я хочу только того, что будет лучше для него. Подозреваю, вы тоже.

Я стараюсь не реагировать на полный значения взгляд Изабель и отвечаю всего лишь вежливым кивком.

29. Чувство облегчения

Немного погодя Нико вспоминает о своей гостье. Я пересаживаюсь. Вскоре появляется Келли, очень довольная собой.

– У меня новости, – тихо сообщает она и указывает кивком в сторону кухни. Потом распахивает дверь и озирается, чтобы убедиться, что нас никто не слышит. – Я говорила с Пирсом и Сеаной. «Пристанище» оплатит мне кое-какие курсы. Первые – кристаллотерапия, по интернету. Если я получу диплом, то меня отправят в Вимре, на побережье, на первый модуль подготовки по «рейки». Здорово, да?

Вижу, она в восторге. Не могу не думать о том, поставила ли она в известность родителей. При всем своем беспокойстве за дочь они так и не соизволили взглянуть собственными глазами на обстановку, в которой та находится. Но в любом случае, она здесь счастлива.

– Чудесная новость, Келли, ты это заслужила. Страшно за тебя рада! – Я обнимаю ее, она приплясывает на месте.

– Тейлор тоже так считает. Когда мы закроемся на три недели в следующее Рождество, он поедет домой. Он попросил меня поехать с ним, я согласилась.

Девять месяцев – немалый срок, но у меня в отношении этой пары хорошее чувство. Возраст – не более чем цифра. В их конкретном случае их сравнял тяжелый жизненный опыт.

Она вдруг хохочет, не сумев сдержать возбуждение:

– Когда я сообщу родителям, они с ума сойдут. Ну и ладно. Мое будущее здесь, Ферн, теперь я это знаю.

Тут в двери появляется голова Тейлора, он адресует мне улыбку:

– Привет, Ферн! Келли, я подумал, может, нам взять гитары и побренчать?

Она строит виноватую гримасу:

– Ой, я совсем забыла, прости! Еще поболтаем, Ферн! – Келли вылетает в дверь, оставив меня радоваться за нее в одиночестве.

Чудесно наблюдать, как она расцветает, обретает уверенность в себе, веру в свои силы. Когда с хорошими людьми происходят хорошие события, на сердце становится тепло-тепло. У Пирса все получается, и

я только сейчас начинаю понимать, зачем Нико пригласил его в команду.

Нико ценит возможность поработать в мастерской, но нельзя запереться от людей. Изоляция – наихудший его страх: чувствую, он усматривает в этом общее со своим отцом, некое сползание в саморазрушительное состояние, которое, как ни печально, часто сопровождает крупные таланты.

Творческий темперамент заставляет художника чувствовать все преувеличенно. Это может не проявляться в поступках, но я часто улавливаю это в его взгляде. Он долго не расстается с воспоминаниями, старыми обидами; наряду с колоссальной силой и твердой волей ему присуща душевная хрупкость. Она залегает близко к поверхности, никогда не покидает его и грозит утянуть на дно. Таковы противоположные стороны человека, так старающегося сохранить равновесие.

Я возвращаюсь в гостиную и ищу его, но напрасно. Изабель тоже не видать. Мне не до праздной болтовни, поэтому я прощаюсь со всеми и поднимаюсь в мастерскую. Там темно, я зажигаю свет и улыбаюсь. Люблю эту комнату.

Сменив свитер на растянутую майку, я разглядываю ее. Каждое пятно на ней – как орден почета. Я не показала Изабель холсты, которые никогда не увидят дневного света. Свернутые в трубки, они ждут в глубине шкафа, чтобы я забрала их домой как важные напоминания об этом путешествии. О днях отчаяния, о терпеливых наставлениях Нико, удерживавших меня от падения в ямы ученичества. С одной стороны, это мои сокровища, этапы моего пути, а с другой – они напоминают, что совершенству нет предела. Здесь, в мастерской, я поняла, что живопись всегда была моим предназначением, и стала подписывать свои холсты.

* * *

Нико входит, когда я уже принимаюсь за уборку. На часах полвторого ночи: я потрудились на славу.

Я смотрю на него, гадая, где он пропал. Вид у него не усталый, а даже энергичный.

– Изабель ушла спать. Она уезжает рано утром. – Почему-то у него виноватый тон.

– Уже не будете работать? – спрашиваю я.

– Нет, просто увидел свет и зашел проверить, как ваши дела.

Я смотрю на кисть, которую вытираю тряпкой, и избегаю его взгляда.

– Лучше все ей расскажите, Нико. Она пытается помочь вам подняться на следующий уровень, но встречает ваше сопротивление. Ее преданность вам входит в конфликт с ее деловой жилкой. Если продолжите держать ее в неведении, толку не будет. Ваш долг – открыть ей карты.

Я поднимаю на него глаза и вижу, что он повесил голову.

– Знаю, вы правы. Я столько лет жил в страхе, что теперь не могу от него избавиться. Я еще не готов все ей рассказать, но все-таки подумаю об этом в поездке в Севилью этим летом.

Иногда он бывает таким упрямым!

– Нико, она еще здесь, это нужно сделать лицом к лицу. Нельзя ждать еще три-четыре месяца. За это время много чего может произойти, Изабель будет для вас стараться, выстраивать вашу репутацию, пропагандировать ваше имя. Она пускает в ход все, что можно, а вы в ответ должны сообщить ей правду. Когда она все поймет...

У него вспыхивают глаза.

– Никто не понимает! Я тяжело работал на отца Изабель в их хозяйстве, так я зарабатывал на необходимое мне для занятий живописью. Я помогал их садовнику: осенью греб листья, летом обрывал отцветшие цветы. Она знала о моем отце много нехорошего; на счастье, моя мать завоевала всеобщую любовь и уважение своей добротой и справедливостью. Но даже она стала отшельницей, перестала приглашать в наш дом гостей. Этот шаг пока для меня невозможен, Ферн. Оставьте пока что эту тему.

Мы стоим лицом к лицу, и я понимаю, что переступила черту и вызвала его гнев.

– Знаю, вы не хотите этого слышать, Нико. Но, умоляю, пересмотрите ваше решение! Воздух очистится, Изабель сильнее поверит в вас, вы только выиграете. Дело не только в том, чтобы выставить ваши картины, не понимаю, как вы этого не видите?

У него каменное лицо.

– Я поселился здесь, чтобы сбежать от всего этого. Наверное, я не готов платить такую цену. – Это сказано ледяным, предостерегающим тоном.

– Значит, я в вас ошибалась. Неужели Изабель тоже в вас ошибается? – Я заканчиваю возиться с кистями. – Не пойму, то ли вы обидчивы, то ли высокомерны. То и другое неоправданно и неуместно. Очень многие художники все отдали бы ради возможности, которую вы так необдуманно отвергаете.

– Думаете, это так легко? Вы очень многого не знаете. Изабель носит обручальное кольцо, хотя ее мужа уже пять лет нет в живых. Он превратил ее из сердечной девушки в хладнокровную бизнес-леди. Если я все ей расскажу, она от меня отвернется, и это погубит мою карьеру. Даже малейший слух о каком-либо участии в изготовлении подделок приводит в мире искусства к навсегда захлопнутым дверям – и для нее, и для меня.

Я смотрю на него в ужасе:

– Изабель в вас влюблена, Нико. Неужели вы не читаете этого в ее взгляде? В ее готовности всем пренебречь и поддержать вас, не слушая голоса собственного разума? Вы совершаете ошибку, скрывая от нее правду. Это несправедливо, Нико.

– Несправедливо? – Он отворачивается и, качая головой, идет к двери. – Вы совершенно не понимаете смысл этого слова, Ферн, уж поверьте.

30. Слова, вода и мудрость

Вина. Четыре безобидные буквы, сложившись вместе, способны разрушать надежды, мечты, отношения, даже жизни. Нико ощущает вину за то, что не справляется со своими демонами. Я – за то, что он мне небезразличен. Впрочем, здесь к нему все небезразличны.

Служит ли вина высшей цели? Может быть, ее назначение – остановить нас, заставить подумать перед пересечением воображаемой черты? Вдруг вина – внутренняя система тревоги, которую одни сознательно отключают, а другие благодаря ей вовремя останавливаются?

Возможно, это паранойя, но мне кажется, что сейчас все вокруг меня уперлись в ту же самую проблему. Келли, судя по всему, все ближе к тому, чтобы надолго связать свое будущее с Тейлором и с Францией. Но бегут дни, а она тянет и тянет со звонком домой.

На этой неделе мое общение с семьей красноречиво отсутствует – опять. Я не могу представить, что сейчас с ними происходит. Конечно, когда они звонят, все звучит хорошо, это-то и подозрительно.

Люди думают, что уберегают вас от тревоги, но получается, что они меня избегают, как же тут не тревожиться?

У меня не получается выбросить это из головы. Пора звонить Джорджии.

– Привет, соседка, помнишь меня?

– Ферн! Как ты там? – радостно кричит она.

Я убираю телефон от уха, чтобы не оглохнуть, и включаю громкую связь.

– Прости, что я пропала. У Стива опоясывающий лишай, это страшные боли...

Я невольно улыбаюсь. Сострадание – несильная сторона Джорджии.

– Да, я слышала, что это ужасная дрянь.

– Да уж... Пожалей меня, у меня выдалась кошмарная ночь. Но я так рада тебя слышать! Ты даже не представляешь, как тебя здесь недостает. – Я слышу в этих ее словах потайной смысл и еще сильнее волнуюсь.

– Я тоже по всем соскучилась. Думала, позвоню и услышу, что все в полном порядке... Сама понимаешь, что я имею в виду: все заняты и так далее. Со связью проблемы: то сигнал плохой, то время неудачное. Я так многого не знаю! Дом-то хоть еще стоит? – Я выдавливаю смешок.

Она секунду-другую колеблется, потом я слышу ее неестественно бодрый голос:

– Конечно, куда он денется. Тебе не о чем беспокоиться. Все мы считаем себя незаменимыми, но без нас вполне обходятся. Ну, когда надо.

Странно как-то...

– Согласна, но мне лучше знать о неприятностях.

И тут она перестает увиливать:

– Крыша на месте, можешь перевести дух и работать дальше. Слышала, во Франции у тебя все на зависть хорошо.

Так, с кем-то из моих она все-таки общалась.

– Все по-разному, каждый день не похож на предыдущий. Скучать некогда, это уж точно, – отвечаю я, не кривя душой.

– Живи спокойно, Ферн, наслаждайся свободой. Я бы на твоём месте так и делала.

Джорджия что-то от меня скрывает.

– В данный момент мне надо о чем-то тревожиться?

– Не надо. – Судя по тону, она не намерена ничего выбалтывать. Придется и мне сделать вид, что я ей верю.

– Тем лучше. Как дети?

Так я нарываюсь на двадцатиминутный монолог о том, как ей надоело день-деньской крутить баранку, таксист она, что ли? Стив из-за болезни не может сесть за руль, поэтому Джорджия на последнем издыхании. Я рада, что позвонила, ей нужно было выговориться, но спокойствия у меня не прибавилось ни на йоту.

Гости, проводшие у нас неделю, сегодня днем разлетаются по домам, и мне скоро бежать на утренние занятия. Пирс успешно ведет курс самоанализа, к нему ходит целая дюжина гостей, что даже удивительно.

Курс обычно занимает два полных дня и нацелен на полное осознание сил, слабостей, недостатков и мотиваций слушателя. По уверениям Пирса, он прокладывает «пусть к счастью». Слушатель

учится отбрасывать то, что его тормозит, угрожает его способности мыслить шире. Все это очень интересно, заставляет думать.

Особенно хорошо работает, по его мнению, одно из упражнений второго дня курса. Он считает, что оно подходит для последнего утра, когда группа уже восприимчива и собрана.

Для массовости Пирс позвал на занятие меня и Йенна. Кроме всего прочего, ему важна наша реакция. Мы должны будем написать небольшой отчет о результате курса для участников.

– Теперь каждый берет с пюпитра листок и пишет в правом верхнем углу свое имя.

Все берут листки, всем любопытно, что будет дальше. Профессионально группа очень разношерстная, но разница в возрасте между участниками не превышает десяти лет, что довольно необычно. Возможно, это и есть причина слаженной работы на этой неделе. «Высокохудожественный контингент» (чье-то удачное выражение) засел с утра с Нико в студии.

– Хорошо, – громко говорит Пирс, перекрикивая разговоры в классе. – Теперь напишите посередине два слова, вот так. – Он свинчивает с фломастера колпачок, кладет собственный листок на пол, пишет в углу свое имя, а в середине рисует две точки. В одну он вставляет слово «пылкость», во вторую – «альтруизм».

Он встает, мы собираемся вокруг него.

– Мне нужно от каждого из вас два слова: одно должно выразить вашу силу, второе – слабость. Эти слова должны максимально отражать вашу личность, суммировать ее. Да, я пылкий, не то что это плохо, но мне следует держать это мое свойство под контролем, чтобы не отпугивать других. Главная моя жизненная мотивация – альтруизм, такая у меня работа: если у меня не будет получаться помогать людям принимать самих себя, то придется закрывать лавочку.

Все смеются.

– Все хорошо? – Дружные кивки. – Разложите листки по всему полу. Бродя между ними, вы будете думать, какие слова хотите дописать на том или ином чужом листке, основываясь только на своем восприятии этого человека в эту неделю. Не спешите, у нас есть на это полчаса.

Забавное упражнение! О некоторых мне не приходится задумываться, о некоторых, наоборот, я ломаю голову: наверное, я

провела в их обществе недостаточно времени. Это отличный способ концентрации внимания, хотя задача не такая уж простая.

Я брожу между листками, удивляясь широкому диапазону характеристик. На свой листок я намеренно не смотрю. Ропот в гимнастическом зале стих, установилась тишина. Люди серьезно отнеслись к заданию. Мне вдруг становится не по себе.

Вижу, Йенн стоит на коленях, не понимаю, чем он занят: на то, чтобы написать слово и нарисовать облачко, требуется совсем мало времени. Я вдруг понимаю, что некоторые пишут целые послания. Тут в зале появляется Сеана.

– Прошу прощения, я пришла за Ферн. У нас лопнула труба, нужна лишняя пара рук. Боюсь, обед немного запоздает.

Виновато озираясь, я спешу на зов.

– Кошмар! – говорю я, догоняя Сеану.

– Бедная Марго стоит по щиколотку в воде. Электричество вырубил, но запорный кран не поддается. Надо вычерпать воду, пока она не полилась в гостиную. На счастье, испеченный хлеб уже остывает, обед не придется отменять.

Между комнатой и гостиной сооружена плотина из тряпок и старых полотенец.

– Хватайте швабру и помогайте Тейлору и Ди-Ди. Спасибо, Ферн.

Мы выстраиваемся втроем поперек широкой кухни и гоним воду в заднюю дверь.

– Жаль, здесь нет уклона в угол, – сетует Ди-Ди.

Она права. Несмотря на наши старания, часть воды течет обратно.

– Воду надо откачивать, – говорит Тейлор. – Вы продолжайте, я сейчас.

Если бы не серьезность ситуации, можно было бы посмеяться над нашими усилиями. Мы с Ди-Ди решаем работать парой, чтобы лучше отражать натиск прибывающей воды. Но, добравшись до задней двери, мы с сожалением видим, что наши старания почти ничего не дают.

Марго и Сеана снуют взад-вперед, переносят в гостиную все необходимое для обеда. Через несколько минут прибегает Тейлор с новыми помощниками и с водяным насосом.

– Молодец! – аплодирую ему я.

Келли и Одиль достают из холодильника блюда с едой.

– Надо набросать на порог еще полотенце! – кричит Сеана у нее за спиной.

Тейлор подключает насос.

– Келли, тащи что-нибудь побольше, лучше вон то покрывало с дивана, – просит он. – Я не могу стоять в воде, качать можно только с сухой стороны. Ты должна остановить воду.

– Я сейчас!

Появляется Бастьен с большим гаечным ключом.

– Где течет, под раковиной? – спрашивает он у Марго. Та кивает. Он ложится на спину, не боясь тугих струй воды. Текут секунды, ничего не происходит. Он бранится.

– Нашел! Сейчас закручу! – звучит наконец радостный крик.

Ди-Ди облегченно переводит дух: по крайней мере, море перестанет расти.

Мы еще сорок минут орудуем швабрами, а Тейлор насосом, прежде чем вода с пола была убрана. Придется долго ждать, прежде чем он окончательно высохнет.

Бастьен распахивает окна, мы отходим к стенам и оцениваем ситуацию.

– Все необходимое для обеда уже на столе. Ферн, попросите всех дать нам лишние полчаса. В гостиной полный порядок, не считая сырости на пороге. Ди-Ди, вынеси мокрые тряпки в сад, спасибо.

– Дружная работа! – радуется Марго. – Вот только юбка намочла и ноги замерзли! – смеется она.

Келли идет в кладовую за полотенцами для Марго. По дороге обратно в тренажерный зал я пишу Нико сообщение о том, что обед будет немного позже. Хлюпая мокрыми кроссовками, я толкаю дверь.

– Извините, еще полчаса – и можно будет обедать. Мне надо бежать переобуться, увидимся позже.

Я бы рада сказать, что жалею, что не дождалась конца упражнения, но, по правде говоря, оно мне не слишком понравилось. По какой-то непонятной мне самой причине я не захотела читать у всех на глазах написанное на моем листке. Меня спас прорыв трубы. У меня удачный день, не иначе.

– Ферн, у меня кое-что для вас есть, – говорит Пирс, снимая с плеча и расстегивая рюкзак.

Я останавливаюсь и оглядываюсь. Мы только что проводили автобус. Из-за утренней суматохи запоздавший обед затянулся надолго, превратившись в приятную общую беседу.

– Держите ваш листок, – говорит Пирс. – Я подумал, вас интересуют комментарии. Я заметил, что вы смущены, извините, что поставил вас в неудобное положение. Я надеялся на положительный опыт, но у всех разная реакция. Взгляните, когда будет время. Это очень мощное послание, за годы я на многое насмотрелся и могу вас заверить, что это нечто необычное. Так или иначе, спасибо вам, Ферн. Вы очень помогли мне на этой неделе, как, впрочем, и всегда.

Он уходит от меня по двору. Я смотрю на сложенный листок, не испытывая сильного желания его разворачивать. Некоторые любят узнавать чужое мнение о себе, но я к таким не отношусь. Знаю, я несовершенна. Слишком много волнуюсь. Никогда не стану другой, уж такая уродилась.

Стоит мне войти в мастерскую, у меня за спиной вырастает Нико. Напряжение между нами еще не прошло, и мне это совершенно не нравится.

– Захотелось к вам присоединиться. Или вы хотите побыть в одиночестве? У вас огорченный вид.

Я мотаю головой:

– Не огорченный, а неуверенный.

– В чем причина? В этом? – Он указывает на сложенный листок у меня в руке.

– Это с утреннего занятия Пирса. Всем нам было предложено охарактеризовать друг друга в двух словах, потом все добавили свои мысли. Для меня это было напряженно и некомфортно.

– Вы еще не прочли?

– Нет.

Он уходит в угол мастерской, стягивает через голову клетчатую рубашку и надевает рабочую майку. Я не отвожу взгляда, но он этого не замечает. Физически он сильный мужчина, сегодня утром я видела его выходящим из тренажерного зала. Такую хорошую физическую форму приходится тщательно поддерживать. К тому же он очень дисциплинированный человек. Такие способны сделать перед

завтраком сто приседаний. Режим возмещает ему нечто, отсутствующее в жизни, это помогает ему сохранять уверенность в себе. По-моему, это довольно грустно.

Он смотрит на меня, я отвожу взгляд.

– Можно прочесть?

Он проверяет Пирса? Надеюсь, он не считает, что у меня к нему критическое отношение.

– Если хотите... Просто это не мое, вот и все.

Я кладу листок на полку позади себя, к книгам Нико о живописи, и натягиваю через голову рабочую рубашку. Нико тут же подходит и берет листок.

Я слежу за выражением его лица.

– Вылитая вы! Не считая двух слов в середине. Их, полагаю, написали вы сами?

Я киваю.

– Вы должны это увидеть, Ферн.

Он протягивает мне листок, я его не беру, тогда он аккуратно кладет его на пол.

– Вы даете мне хорошие советы. Мой совет вам – прочесть и принять к сведению.

Сказав это, он скрывается в чулане.

Листок весь в облачках, их больше, чем было людей на занятии: большинство написало больше, чем одно слово. Между облачками тоже множество коротких посланий мелким почерком.

«Вдохновенная». «Добрая». «Думающая».
«Заботливая». «Сострадательная». «Настоящая».
«Решительная». «Позитивная». «Мотивирующая».
«Изящная». «Мягкая». «Теплая». «Симпатизирующая».
«Сочувствующая». «Добросердечная». «Подтянутая».
«Приятная». «Внимательная». «Общительная».
«Жизнерадостная». «Открытая». «Готовая помочь».
«Гостеприимная». «Талантливая». «Компанейская».
«Доверчивая». «Любящая». «Вдохновляющая».
«Понимающая». «Солнечная». «Умеющая прощать».
«Привлекательная». «Хладнокровная». «Бескорыстная».

*«Энтузиастка». «Убедительная». «Полная надежды».
«Ролевая модель».*

Два слова посередине, написанные мной, – «беспокойная» и «чувствительная».

Меня обдает волной позитива. Я начинаю читать короткие личные послания, пока глаза не застилают слезы.

«Спасибо, что выслушали меня, это важно».

«Я непременно последую вашему совету, прелестная леди!»

«Никто не знает о нашем пире поздней ночью, а?»

«Я всегда буду скучать по Спук, но, вернувшись домой, тут же отправлюсь в зоомагазин, обещаю, Ферн».

«Я так рада, что занялась гончарным делом, как вы посоветовали! Подумаешь, грязные ногти!»

Май 2019 г.

31. Сколько стоит муза?

Тяжелое чувство, когда инстинкт требует вашего внимания, но вы раз за разом отнекиваетесь... Предостережение трудно игнорировать, но я не знаю, как мне быть, – в этом весь вопрос. Весь день мы с Нико друг друга избегаем, а все потому, что я снова умудрилась его огорчить, хотя не сказала ни слова.

После визита маркизы трещина между нами так и не затянулась – потому, быть может, что Нико знает, что я увидела связь между ними, которую он упорно не замечает.

Изабель звонила раньше, я, к сожалению, при этом присутствовала. Я почти ничего не поняла из разговора, ведшегося по-испански, но язык его тела свидетельствовал о ссоре. Оглянувшись, он поймал мой взгляд, и я увидела в его глазах гнев.

– Что, опять я напортачил? Она хочет того, чего не может получить, больше тут нечего сказать.

– Кроме того, что вы скрываете, Нико. Откуда этот страх признаться, что вы в нее влюблены?

Он резко оборачивается с прямой спиной. Потом что-то вспоминает, и его голос теплеет.

– По словам Изабель, вы продали свою первую картину, еще одна зарезервирована. Она с вами свяжется.

Я не знаю, что подумать. До моего отъезда домой остается всего восемь недель, и в наших с Нико отношениях появляется все больше сдержанности.

Мне бы ликовать: сердце трепещет, маркиза хвалит мои работы, все идет как нельзя лучше. Новость и правда замечательная. Но я чувствую, что Нико зол на самого себя, потому что понимает, что в этот важный для меня момент не может унять свой гнев.

Я почти что в цейтноте: пока я здесь, надо успеть дописать как можно больше картин. Не знаю, сколько пройдет времени, пока я, вернувшись домой, снова смогу взяться за кисть. Изабель – женщина, сперва думающая головой, а потом слушающая свое сердце. Для нее главное – бизнес, как раз поэтому я воспринимаю все происходящее как что-то невероятное.

Мне важно вернуться домой уверенной в своих возможностях, с решимостью как-то включить живопись в свою повседневную рутину. Если бы не Нико, ничего этого не произошло бы. Но сегодня он не в том настроении, чтобы его благодарить.

Боюсь, что дома, где некому будет понять мою потребность в творческом самовыражении, я быстро растеряю иллюзии. А то и начну тосковать по «Пристанищу».

Бывают моменты, когда я сомневаюсь в том, насколько честен Нико в оценке моих работ. Наставник обязан одобрительно кивать и хвалить мазки, которыми ты любовно покрываешь холст. Сначала меня преследовало недоумение, даже неверие. Это, конечно, несправедливо с моей стороны. Он не давал мне оснований сомневаться в его намерениях. Наши чувства – совсем другое дело. Человек может контролировать свои поступки, но сердцу не прикажешь.

Сердце подсказывает мне, что я всегда буду тосковать по Нико. Всегда. И ничего с этим не поделаешь. Но как быть, если это нечто большее? Что, если, попав домой, я захочу обратно, потому что мое место теперь здесь? Мне страшно даже подумать об этом, сердце разорвется надвое, если на самом деле все не ограничивается жаждой самовыражения.

Этим вечером в мастерской напряженная атмосфера. Мы друг друга сторонимся, можно подумать, что это результат ссоры, хотя это глупо. До меня доходит, что я просто тяну время, ничего у меня не выходит, надо бы прибраться и уйти – но нет... Не знаю, что скажу Нико, прежде чем выбегу вон, – таково бессловесное напряжение между нами. Я отбрасываю тряпку, закрываю палитру и оглядываюсь с мыслью, что лучше, наверное, вообще ничего не говорить.

– Не уходите, – нарушает ужасную тишину его голос.

Я наблюдаю за каждым его движением. Он встает с табурета и идет гасить верхний свет.

– Попозируйте мне, Ферн. Пожалуйста.

Меня охватывает страх. А чего я, собственно, боюсь? Он проходит мимо меня к шкафу, открывает дверцу, достает сложенный коврик. Когда он расстилает его посередине мастерской, мне хочется сбежать, но ноги словно приклеились к полу. Он приносит из чулана черный шелковый халат, кладет его на коврик и опять скрывается в чулане, неслышно затворив за собой дверь.

В окно льется узким лучом лунный свет, светя в одну точку, и меня влечет к ней. Беспросветная тьма вокруг поглотила весь остальной мир, не существует больше ничего, кроме этого внутреннего святилища. Знаю, я в безопасности. Ни о чем не думая, я снимаю с себя одежду и кутаюсь в мягкий халат.

Картина Нико застряла в моем мозгу, поэтому я сажусь в ту же позу, подсунув под себя одну ногу, другую согнув перед собой в колене. У той женщины лежала на колене ладонь, на ладонь она клала подбородок.

Вернувшись, он не проявляет никаких чувств, ни малейшего удивления. Он смотрит на меня с одобрением, как на профессиональную натурщицу, еще больше убирает верхний свет, подходит ко мне и спускает халат с моих плеч, обнажая грудь. Потом он слегка поправляет угол изгиба моей ноги. Прикосновение его пальцев удивительно успокаивает. Я больше не Ферн, я – форма, которую он так жаждет перенести на холст. Я вижу, как сильно его желание сделать это. Он хватается карандаш и блокнот, и я понимаю, что приняла верное решение.

Он начинает работать. При этом он то и дело поглядывает на меня – такого взгляда я еще не видела. Сейчас для него важен каждый мельчайший нюанс. Мой страх, что мне будет неудобно, стыдно, оказался беспочвенным. Я одного боюсь – пошевелиться, отвлечь его. Он ловит каждую деталь, работает насупившись, с полной самоотдачей. Каждый штрих карандаша крайне важен, как будто его уже не стереть, не переделать. Он знает, что это позирование – мой подарок ему. Этой ночью родилась близость, какой я никогда не ожидала достигнуть с каким-либо мужчиной, кроме мужа.

Что-то глубоко во мне, в моей душе, соединяется с Нико – этого невозможно отрицать. Такого чувства я никогда еще не испытывала. Я люблю Эйдена и верна ему, но чувство к Нико повергает меня в смятение. Я жалею его, зная, что ему пришлось пережить, признательна ему, как мудрому наставнику. Но все равно в голове такая постыдная мешанина, что я знаю, что мне пора уйти.

Медленно застегивая на себе рубашку, я не могу унять поток слов:
– Я не могу остаться, Нико, это... – У меня дрожит и срывается голос. – Мое будущее не здесь, думаю, мы оба знаем это. Маркиза вас любит, но чувствует, что вы ее сторонитесь, не понимая причины, ведь вы не говорите ей правды. Я уже говорила и сейчас повторю: это несправедливо и неправильно.

У него пепельное лицо, во взгляде боль, глаза ищут мои. Между нами метра полтора, но электрический разряд бьет и на этом расстоянии. Всего два шага, но в этот раз я уже не могу уйти. Судя по выражению его глаз, в нем идет такая же внутренняя борьба.

– Вы – моя муза, Ферн. Ваше присутствие все для меня меняет, это гораздо больше любви. Когда вы здесь, моя кисть летает над холстом, так вы меня вдохновляете.

По моей щеке стекает одинокая слеза, я смахиваю ее рукавом. Нико смотрит, не в силах шелохнуться. Единственное, что я должна себе напомнить, – что без него я бы не реализовалась как художница и тем более не считала бы себя ею. Делает ли это его моим наставником или моим вдохновением – не знаю, но этот человек задевает мою душу.

– Этого недостаточно, Нико. Я не ангел, я женщина со своими недостатками и тревогами.

– И с огромным сердцем.

Я грустно качаю головой и отворачиваюсь. Видеть выражение отчаяния на его лице превыше моих сил.

– С сердцем, принадлежащим другому, – тихо говорит он. Эти тяжкие слова повисают в тишине между нами, и я ухожу – в последний раз.

32. Новый рассвет, новое начало

Я поворачиваю ключ в замке, вхожу, ставлю на пол чемодан. Знакомая обыденность сразу обволакивает меня, как старое одеяло. Это утешает и бодрит.

Вот я и дома. Почти на два месяца раньше, чем собиралась, зато будет время приспособиться. После путешествия с целью разобраться в себе мне нужно эмоционально отсоединиться от мира, где я была всего лишь мимолетной гостьей. Настало время вернуться к тому, что будет составлять мою жизнь впредь, и поблагодарить жизнь за выданный мне пропуск в будущее. Во мне теперь больше жизни, чем было когда-либо раньше. Но многое еще предстоит обдумать, переработать. Какое облегчение сознавать, что можно делать это не торопясь!

Я захопываю за собой дверь пинком ноги и иду по коридору, озираясь, словно я здесь в первый раз. С улыбкой убеждаюсь, что все стало мельче, чем мне запомнилось, но это не мешает чудесному чувству возвращения домой. Я опускаю на пол свой багаж, иду в гостиную, любовно разглядываю все любимые мелочи и с облегчением понимаю, что ничего не изменилось.

Сюда регулярно навещала моя мама, поэтому на фотографиях в рамках, запечатлевших самые драгоценные мгновения – нашу свадьбу, годовщины, Рождество, дни рождения, – нет ни пылинки. Я беру последнюю – семейной сходимости у нас дома, когда меня и Эйдена провожали в путь. Сосед Стив взгромоздился тогда на стул и заставил нас сгрудиться, чтобы никто не вылез из кадра. Столько улыбающихся лиц, такие крепкие объятия... Помню его вопли: «Еще теснее, еще!..» Это и есть моя жизнь, убеждаю я себя, стесняясь ощущения, что я – чужая, схватившая и разглядывающая чужое фото.

Мама ухаживала за домом так же тщательно, как это делаю я сама, готовя его к нашему возвращению и свято веря, что оно произойдет. А ведь даже у меня был момент сомнения...

С книжной полки на меня смотрит моя любимая фотография, при виде которой у меня сжимается сердце. Я застала Эйдена сидящим на

крытой веранде с рабочими документами в руках и сфотографировала его в профиль: он не догадывался, что я его снимаю.

«Все иначе, когда тебя нет рядом, – обращается к нему мой внутренний голос. – Мне страшно, что я сама теперь другая и что ничего не буду знать в точности, пока ты ко мне не вернешься».

Я оглядываюсь от громкого щелчка дверного замка. При виде Оуэна я хочу себя ущипнуть, чтобы проверить, не сплю ли.

– Ферн? – удивленно восклицает он.

– Оуэн... Что ты здесь делаешь?

– Хотел задать тот же вопрос тебе.

Сердце ухает в груди: вижу, у него рука на перевязи.

– Что с твоей рукой? – спрашиваю я, пытаюсь обнять его так, чтобы не задеть гипс.

– Военное ранение, – бодро отвечает он с нервирующей меня широченной улыбкой. Я невольно прыскаю и тут же укоризненно хмурюсь. Как он представит мне обстоятельства ранения?

– Как это произошло? – Я указываю на торчащий из рукава гипс.

– Просто оступился и грохнулся. Не беда, всего лишь перелом кисти. Куда хуже насмешки ребят. Ничего, гипс снимут уже через неделю.

– Почему ты поселился здесь, а не у матери с отцом?

– Долго рассказывать. Даже не знаю, с чего начать. Главное, не сходи с ума. Дай мне слово! Это семейное решение.

– Семейное? В обход меня? Я хочу в точности знать, что происходит. Немедленно выкладывай!

Он указывает кивком на кухню, я пропускаю его вперед и бреду следом как во сне. Выдвинув табурет, я тяжело плюхаюсь на него, кляня себя за то, что гнала подозрение, что дома не все ладно.

– Хорошо, я все тебе расскажу, а потом соберем семейный совет. Надеюсь, к тому моменту ты успокоишься. – Вижу, он еще не отошел от удивления, что я вернулась. – С чего начать?.. – Он откидывает голову и вздыхает. – Пожалуй, с того, что наша сестренка беременна.

– ЧТО?!

– Не волнуйся. Все будет хорошо. – Его угнетает моя реакция.

Я хватаюсь за голову, боясь, что она лопнет, вскакиваю и бегаю по кухне взад-вперед.

– Ханна не хотела, чтобы ты прискакала домой, хотя сейчас ей, конечно, очень нужна старшая сестра. Ей пришлось уйти из университета. Мама подробно тебе все расскажет. У Ханны сильный токсикоз, или как там это называется, ее почти все время тошнит.

Я замираю на месте и таращу на него глаза.

– И никто ничего мне не говорил? Я сама решила вернуться, Оуэн, напрасно вы скрытничали. Бедная, бедная Ханна...

У меня идет кругом голова.

– Уймись, Ферн. Главное – сплоченность семьи, вместе мы все преодолеем.

– Неужели?

Избегая моего колючего взгляда, он продолжает:

– План следующий: Лиам продает свою квартиру. Они ищут скромное недорогое жилье. Я думал, мы все сможем им подсобить, когда вернетесь вы с Эйденем и когда у меня срастется рука. Я могу взять отпуск, а потом меня опять вызовут. – У него довольно-таки индифферентный тон.

– Не могу в это поверить...

– Признаться, при виде тебя у меня было побуждение сбежать, – отвечает он с кривой усмешкой. – Мы думали, что у нас больше времени, чтобы... чтобы все уладить.

Понимаю, я была последней, кого он рассчитывал увидеть, отпирая дверь. Но мне до сих пор неясно, почему он поселился здесь. Я опять сажусь и смотрю на него как во сне.

– Ты ведь еще не все мне рассказал?

Он кивает, и я чувствую, что сползаю с табурета.

– Отец устроил на кухне пожар: побежал отвечать на телефонный звонок и оставил на огне сковородку. Они жили здесь два с половиной месяца, пока шел ремонт у них на кухне.

У меня падает сердце. Мое место было здесь, а не... Я развлекалась в Провансе, пока они...

Оуэн хмурится, я перестаю дышать.

– Если честно, я застал здесь полный хаос, когда вернулся. Но мы налегли все вместе, а еще мы постарались скрыть все это от тебя, чтобы ты не прыгнула в машину и не помчалась домой.

– Это же и есть моя роль, Оуэн. Если это не так, то кто я такая и зачем?

– Ты заслуживаешь хотя бы небольшой передышки, чтобы позаботиться о самой себе, вот и все. Мы очень тобой гордимся, Ферн, и в кои-то веки постарались тебя пощадить.

– Гордитесь?

Он вздыхает:

– Так или иначе, мы не мыслили себя без тебя, Ферн. Представь, нам захотелось отплатить тебе за все добро, которое ты делала. Эйден сказал нам, что ты продала несколько своих картин.

– Эйден вам сказал?..

Он пропускает мои слова мимо ушей.

– Я им говорил, что ты расстроишься, но мать с отцом и Ханна настояли на своем. Когда я вернулся, было не время тебя тормозить, потому что мать объявила отцу бойкот: ремонтники устроили в кухне черт знает что, а он и не заметил. Прости, Ферн, ты очень чуткая, с тобой трудно говорить, когда надо что-то утаить... Проще было вообще помалкивать. Теперь ты объясни, почему вернулась раньше времени?

Я вернулась, чтобы понять, кто я такая и что осталось от меня прежней, если осталось что-то вообще, прежде чем вернется Эйден.

– Я приехала, потому что думала, что, живя здесь одна, все равно буду рядом с вами. И что теперь? Мне переехать в отель? – спрашиваю я наполовину в шутку.

– Отцу приходится перекрашивать весь дом из-за дыма, поэтому, думаю, ты не будешь возражать, если я поживу здесь? Я не хотел ему мешать, в таком состоянии я все равно ему не помощник.

Его дурацкий вопрос вызывает у меня смех. В следующую секунду мои глаза наполняются слезами.

– Я стану тетей... – недоверчиво шепчу я.

– Знаю, сначала в это трудно поверить. Я стану дядей, что это, как не сюрреализм? У Ханны и Лиамы тоже сначала был шок, а потом они начали безумно ликовать. Все мы помирали от желания рассказать об этом тебе, Ферн.

Я киваю. На свете происходят вещи куда хуже этого. Знаю, Ханна и Лиам будут отличными родителями.

– У тебя тоже потрясающие новости, Ферн: тебя ждет совершенно новая карьера. Мы так рады за тебя!

– Откуда об этом узнал Эйден? Я не говорила ему о продаже двух своих картин.

Шорох у входной двери заставляет меня обернуться. Мой рот сам по себе распахивается на всю ширину.

Передо мной стоит Эйден.

– Придется устроить тебе мастерскую. Например, поставить в саду бревенчатый домик. Пространство для тебя одной! Что скажешь?

Я таращусь на Эйдена в полном недоумении, потом оглядываюсь на Оуэна, который смущенно пожимает плечами.

– Лучше я скроюсь. Вам надо побыть вдвоем, – говорит он испуганно и в считанные секунды исчезает. Эйден даже глазом не ведет.

– Я думал, что знаю тебя, Ферн, так же хорошо, как самого себя. А как иначе, тринадцать лет – внушительный срок. Но ты меня удивила: оказываешься, ты художница! Ты бы полегче с сюрпризами, детка. Без тебя, конечно, скучно, это чистая правда, но все-таки... Словом, добро пожаловать домой, Ферн.

Мы смотрим друг на друга, как два незнакомца. Но проходит секунда-другая – и мы кидаемся друг другу в объятия. Эйден так крепко меня стискивает, что у меня перехватывает дыхание и выступают слезы на глазах. Дар речи возвращается к нам только через несколько минут. Я смотрю на него и вижу на его лице непередаваемое замешательство.

– Что тебя заставило вернуться так рано? – то ли шепчет, то ли хрипит он.

– Мне нужно было увериться, что жизнь продолжается, – сознаюсь я.

Он стонет и почему-то отстраняется. В его глазах мелькает испуг. У меня по позвоночнику бежит отвратительный холодок, как будто мне за шиворот плеснули ледяной воды.

– Ты-то что здесь делаешь? – сурово спрашиваю я его. Я была уверена, что он держит курс на Бангкок.

Вижу, он в смятении. Не зря я боялась: что-то здесь капитально не так.

– Я вернулся уже почти полтора месяца назад. На работе аврал, без меня еле-еле справлялись. – Он медлит, заметно нервничая. – Скажу тебе честно, когда тебя нет рядом, это никуда не годится. Без тебя я сам не свой.

Эйден берет меня за руки, крепко сжимает, смотрит мне в глаза. У него такой напряженный взгляд, как будто он силится заглянуть мне в душу. Его тревога буквально осязаема.

– Почему ты мне не сказал? Почему никто мне не сообщал о здешних событиях?

– Потому что я вернулся в самый разгар суматохи, и никто не хотел твоего возвращения в неподготовленном состоянии. Я не спорил, потому что мне тоже требовалось время, чтобы встали на место мозги. – У него честный взгляд, полный сожаления – и боли.

– Но... ты же сам захотел взять год на самокопание. Речь шла не обо мне, Эйден.

– Знаю. Из-за своего страха перед жизнью я, совершенно этого не желая, чуть не погубил все, что у нас было. Все, в чем я убедился, – это что без тебя я принимаю неверные решения. Я насмотрелся на красоты, Ферн, но из-за этого поставил под удар все остальное. Я совершил ошибку.

Я закрываю глаза и тяжело вздыхаю. Я со страхом ждала этого момента, открытия, касающегося меня самой и Эйдена. Правда, я думала, что успею пожить здесь одна и соберусь с мыслями до его возвращения. А оказалось, что он уже был здесь и сражался с той же самой дилеммой. Мне трудно это переварить. Что мы натворили с самими собой?

– Это я поставил нас в такое положение, детка, я слишком поздно понял, что это превратилось в испытание. Это могло кончиться по-разному. Соблазны...

Мне кажется, что мое сердце превратилось в кусок свинца.

– Давай будем честны друг с другом.

Я смотрю Эйдену в глаза. Он ведет меня в гостиную, усаживает на диван. Мы сидим рядышком, и я рада, что не должна смотреть на него в упор.

– Я надеялся, что мы просто упадем друг другу в объятия и все снова вернется в норму. Но беда в том, что прежняя норма больше не работает... – Это не вопрос, а утверждение.

Эйден был средоточием моей жизни с тех пор, как мне исполнилось шестнадцать лет. Я думала, что знаю его как облупленного, но сейчас, искоса глядя на него, ловлю себя на том, что больше не понимаю его мыслей. Происходит ли то же самое с ним?

– Мы должны все начать сначала. Ты этого хочешь? – Я стараюсь, чтобы мой голос звучал твердо, уверенно, без следа отчаяния.

– Я спал с Джосс, – выпаливает он и роняет голову на грудь, смотрит на свои переплетенные пальцы с побелевшими костяшками.

– Ты думал, я этого не знала? – бормочу я чуть слышно. Я думала, что если не давать воли своим страхам, то они утратят реальность, но в глубине души знала, что происходит.

– Прости меня, Ферн, – говорит он со всхлипом. – Я не хотел, чтобы до этого дошло. Понимаю, это слабое оправдание. Джосс предъявила мне ультиматум, и я ушел. Такое чувство, что я временно, бездумно вывалился из своей жизни. Я надеялся, что возвращение сюда поможет мне одуматься.

– И как, помогло?

Он откидывается на диванные подушки и смотрит на меня:

– Стоило мне услышать твой голос и увидеть тебя, как я вдруг снова почувствовал себя... в безопасности.

– В безопасности? Как это понимать? – Я сдерживаю разочарование и злость, хотя во мне бурлит то и другое.

– Я не был уверен, что ты вернешься. Ханна все мне рассказала про этого твоего живописца, мне не давала покоя мысль о том, как вы работаете с ним бок о бок. Он, чужой человек, разглядел в тебе нечто такое, чего не замечал я. Человека не выставляют в галерее, его картины не продаются, если он не обладает истинным талантом. Какая ирония: чувство, что я угодил в ловушку, было у меня, а молча страдала ты.

Я так поражена, что отшатываюсь от него:

– Глупости, Эйден! Я знала, что рано или поздно выкрою время и определю свои интересы, но понятия не имела, что это к чему-то приведет. Как ты узнал про галерею?

– Ханна не виновата. Она назвала его фамилию, и я залез в интернет. Хотел больше узнать о человеке, проводящем столько времени с моей женой.

Для меня разочарование, что только ревность заставила Эйдена одуматься.

– Ты ни разу не говорил, что тебе неприятно, что я там нахожусь. Честно говоря, я не думала, что тебе это настолько интересно.

Он с кряхтением трясет головой:

– Ревность – отвратительное чувство, мне не хотелось сознаваться, что оно меня гложет, особенно когда... в общем, когда у меня не было причин гордиться собой.

Меня так и подмывает дать на это едкий ответ, но я помалкиваю.

– Я нашел ссылку на галерею в Севилье. Полубовавшись его талантливыми работами, я немного успокоился, но потом увидел твоё имя среди анонсов новых поступлений. Я позвонил Оуэну и спросил, что он знает, но он удивился не меньше меня. Ни Ханне, ни твоим родителям я ничего не сказал, потому что мне было неприятно и стыдно. Разве я не должен был сам понять, что происходит? А потом появилась мысль: я сам скрытничаяю, так на что жаловаться? Через несколько дней Оуэн написал мне, что твои работы уже выставлены, что Ферн Уаймен официально названа художницей. Думаю, он поделился ссылкой со всеми нашими знакомыми. Потом появилось сообщение о продаже двух твоих картин.

Раньше я сама всех поддерживала, а теперь все они поддерживают меня. Эйдену было особенно тяжело справляться со своими страхами.

Перед моим мысленным взором мгновенно пролетает вся моя жизнь. Потеряв сестру, я должна была заполнять пустоту, оставшуюся в нашей семье после её гибели. Мама на меня понадеялась, отец просто временно замкнулся. Я пристально за ним следила, подстерегая момент, когда он совсем отчаётся. Оуэн и Ханна, в свою очередь, приглядывали за мной, чтобы уберечь от волнения родителей. С этой ролью я не расставалась до самых последних пор.

Что до сказанного Эйденем, то соблазны бывают разные; я хранила верность, но оставаться в Провансе дальше было бы опасно. Когда оказывается, что нужно спасать себя от кого-то, иначе ты за себя не отвечаешь, то это означает, что между вами есть связь, неважно, признаешь ты это или нет.

– Что же будет с нами? – спрашиваю я, и Эйден отворачивается, пожав плечами.

Апрель 2020 г.

33. Глядя правде в лицо

– Что ты чувствуешь? Грусть? Злость? – спрашивает Ханна совсем тихо, чтобы не разбудить спящего младенца.

– Я в полном порядке. – Это не отговорка, потому что, когда что-то завершается полюбовно, это приносит облегчение. Это как доработать последний день на прежней работе, зная, куда переходишь. Немного печалишься о былом, о друзьях, о памятных вещах, с которыми вынуждена расставаться, но одновременно знаешь, что настало время прощания.

То же самое с разводом. Когда страсть погасла, время, уходящее на прекращение совместной жизни, похоже на вытекающую из перевернутой бутылки воду. Раньше бутылка была полной, а теперь постепенно пустеет, чтобы в конце концов превратиться в полый сосуд.

– Прости, сестрица. Знаю, вы оба очень старались, Эйден не хотел причинить тебе зла. Жаль, конечно, что он вот так взял и ушел. Он должен был все тебе объяснить, раз провинился.

Знаю, им тоже пришлось несладко, ведь Эйден очень долго был частью этой семьи. Как не тосковать по человеку, которого всегда считал своим близким? Для наших родителей он был как сын, для Ханны и Оуэна – как брат.

– Иногда вещи, которые люди решают не обсуждать, которыми решают не делиться, на самом деле неважны. А иногда, когда это важные вещи, их не нужно проговаривать вслух, потому что это ничего не изменило бы. Мы с Эйденем поняли это вскоре после возвращения. Надеюсь, теперь он с Джосс, но какая-то часть меня не желает этого знать. Глупо, когда ты приходишь к мысли, что человек тебе уже не нужен, тем не менее тебе больно представлять его с кем-то еще... Но главное, я хочу, чтобы он был счастлив.

Ханна устало вздыхает:

– Некоторые отмечают свой развод вечеринкой и тортом, радуясь долгожданной свободе. Как я понимаю, это не ваш случай?

– Нет, я одна, пью кофе в дешевой гостинице. Я провела две блаженные недели в Кентербери: рисовала карандашом и писала

красками, а еще познакомилась с Розмари, моей потенциальной партнершей по бизнесу. Скоро пойму, правильный ли это выбор. Пока что мне страшно участвовать деньгами в художественной галерее и давать уроки живописи. Но теперь, получив свою долю от продажи дома и продав благодаря Изабель больше дюжины своих холстов, я имею какой-никакой капитал. Уйдя с работы, я нуждаюсь в регулярном доходе. Пока что у меня тусклая жизнь. Следующие шаги кажутся невозможными, а все из-за расстроенных чувств...

– Ты открыла письмо, которое тебе дала маркиза? – вкрадчиво спрашивает Ханна.

– Нет, оно лежит у меня в сумке, никак не заставляю себя его прочесть.

– Глупости, Ферн! Прочти, вдруг это послужит стартом в новую жизнь? Галерея в Кентербери – это новые возможности. Если все время откладывать решение, кто-нибудь завладеет ею вместо тебя, а тебе останется кусать локти.

Знаю, она права.

– У меня есть срок, две недели. Мне страшно, Ханна. Вдруг я не продам больше ни одной картины? Те деньги, что есть, кончатся, и получится, что я все растранижила.

– Брось, пока что все идет хорошо, маркиза поддерживает каждый твой шаг. Она не делала бы этого, если бы считала, что чьи-то работы будут продаваться лучше твоих. Пора тебе поверить в себя, Ферн. Считай, что это приказ. Люблю тебя! Отдыхай. И гуляй, от долгих прогулок проясняется в голове.

Мне смешно. С каких это пор младшая сестра обращается со мной как с несмышленной? Я кладу телефон с мыслью, что время пришло, хватаю письмо и теплую куртку и выхожу на балкон. Дует прохладный ветерок, смеркается, в этой обстановке мне почему-то одиноко. Счастье кажется мне в эти дни недостижимой мечтой, чем-то, что у меня было, но больше никогда не будет.

Я поднимаю высокий воротник, чтобы побереечь уши, и сажусь с письмом за маленький столик. Ветер норовит вырвать письмо у меня из рук, но я, вцепившись в него, смотрю на свое имя, написанное на конверте от руки. У Нико почерк целеустремленного человека. Каждая буква старательно выписана, «Ф» и «Н» кончаются завитушками, похожими на цветочки. Это могло бы быть приглашением на свадьбу,

но я знаю, что в таком случае Изабель заранее сообщила бы мне о бракосочетании.

Мы встретились в августе прошлого года, когда она приехала в Лондон на крупный аукцион искусства. Она пригласила меня туда, а потом настояла, чтобы я пошла с ней на эксклюзивный прием в одной из местных галерей. Я хотела отказаться, но она была так добра со мной, что мне не хотелось отвечать ей неблагодарностью. Она не знала, что у меня в разгаре болезненный развод. Эйден отправился в Гималаи – думаю, с Джосс – и был почти недоступен. В точности я ничего не знала, потому что в день отъезда он не оставил записки. Это сильно меня ранило; я не упрекала его за желание начать все заново, но подозревала, что его погнала за тридевять земель моя раздражительность. Он ни на что не жаловался, но не мог радоваться, когда я мешала ему путешествовать. Точно так же была бы сейчас несчастной я, если бы не могла заниматься живописью. Когда-то Эйден любил меня, я это точно знаю, а я любила его. Осталось неясно, когда наша любовь стала меркнуть и отмирать.

«Вы должны это прочесть, – сказала Изабель, отдавая мне конверт и обнимая меня на прощание. – Я не знаю, что в нем, одно могу сказать: Нико настаивал, чтобы я отдала его вам из рук в руки».

«Он дописал портрет?» – Я не могла забыть его лицо в ту ночь, когда я ему позировала.

«Да. Он прекрасно передал в нем вашу сущность. Получилось красиво».

Я в испуге смотрю на нее. МОЮ сущность?

«Вы его видели?»

«Конечно».

Помню, как от моих щек отхлынула краска. Я уставилась на нее в ужасе. Нико предал меня, предал мое доверие, мои добрые намерения. Я никогда не стала бы позировать для ню, я согласилась попозировать, чтобы он закончил картину, ставшую для него мучением.

Сейчас, глядя на конверт, я понимаю, что пришло время узнать, что он хотел мне сказать. Если бы не Нико, я бы, может, и стала рисовать в тот или иной момент моей жизни, но мне не хватило бы отваги раскрыть свой истинный потенциал. Нравится мне это или нет, но он стал моим вдохновителем.

Я вскрываю конверт, достаю из него листок и прячу пустой конверт в карман.

«Моя дорогая Ферн,

та ночь, когда я закрыл дверь мастерской, оставив вас сидеть на коврике в спущенном с плеч халате, навсегда запечатлена в моей памяти. Мы купались в мягком свете, я был потрясен красотой моей музыки. Как художник, я посадил вас в совершенную позу, и мой карандаш жадно заполнял страницу за страницей. Моя душа пела гимн чему-то большему, чем физическая красота, чему-то, чего я до сих пор не могу толком объяснить.

Ваша внутренняя красота и доброта пробивались сквозь свечение вашей кожи, и я силился запечатлеть каждую мелочь, каждый чувственный изгиб. Я верю, что понял, как близка была той ночью моя страсть к безумию. Ибо я понял, что безумно в вас влюблен.

Вы были и всегда будете моим прекрасным ангелом. Но я знаю, что ангелы бестелесны и что, как ни грустно, вы никогда не сможете быть моей в истинном смысле слова. В немалой мере потому, что я этого недостоин.

Но на одну ночь вы стали моей, только моей – чтобы я запечатлел это на бумаге.

Всего на одно мгновение, когда я спускал с вас халат, мои пальцы прикоснулись к вашему плечу. За все время мы не обменялись ни словом. И все же то была самая неповторимая ночь всей моей жизни. До последнего своего вздоха она меня не покинет.

Я знаю, как вам дорога ваша семья; все, что вы делаете, посвящено им; как человек, часто бывающий эгоистичным в своей угрюмости и чувстве утраты, я счел это воплощением самопожертвования.

Живите долго и счастливо, дорогая моя Ферн, ибо вы это заслужили. Будьте счастливы, рисуйте, давайте выход вашему творческому естеству. Вы слегка коснулись моей жизни и тем заслужили мою вечную благодарность.

Ваш портрет – первое, на что падает мой взгляд утром, прежде чем я начинаю день, и последнее, что я вижу перед сном. Я вправду счастливый человек и хочу, чтобы вы это знали, потому что благодаря вам я наконец избавился от демонов моего прошлого.

Никогда не забуду вашу доброту. Для меня вы всегда будете ангелом.

Нико».

Мне тоже живо помнится тот лунный свет, те мягкие тени на моем теле. В ту ночь Нико заставил меня ощутить себя по-настоящему красивой. Такого со мной никогда еще не бывало. То было истинное поклонение. Время как будто остановилось для нас обоих, как будто все происходившее было не реальностью, а сном.

Я сижу не шевелясь, в голове хаос. Потом я звоню Ханне.

– Прости, уже поздно, но я последовала твоему совету и прочла наконец письмо Нико.

Она подавляет зевок, и я понимаю, что разбудила ее; хорошо еще, если ее одну.

– Он просит тебя вернуться? – спрашивает она, мигом просыпаясь.

– Нет. Зато признается мне в любви.

Проходит целая секунда. Думаю, Ханна ошеломлена не меньше, чем я.

– Отправляйся к нему, Ферн. Что делать дальше, ты решишь потом. Он не знает, что здесь творится, не знает, что ты теперь вольная птица.

Я закрываю глаза, чтобы не мешал мерцающий вдали свет. Возможно, эти блики из-за слез.

– Я отвергла его, потому что меня ждал Эйден. Вся моя жизнь вертится вокруг любви, долга и ответственности. Я всегда думала, что одно, другое и третье идут рука об руку. Не знала, что любовь может меняться, вянуть, превращаться в дружбу. С Нико все иначе. Мы никогда не разговаривали как любовники, сущность наших отношений была другой, уровень нашей связи был духовным. Если он теперь говорит, что это не так, значит, он меня обманывал.

– А ты, Ферн? Ты была честной? Вдруг ты просто не могла сознаться себе в своих подлинных чувствах? Не стоит этого стыдиться, ты же не упрекала Эйдена за связь с Джосс. Такое случается, чувствам не прикажешь, влечение повинуется инстинкту.

Думаю, настал момент сознаться ей в моем тайном грехе, но мне мешает страх, что в словесном виде он прозвучит слишком разоблачительно.

– Между нами ничего не было, Ханна, но я позволила Нико писать меня нагой. Мои мотивы были невинными, я думала... В общем, это долгая история: я хотела, чтобы он дописал портрет сидящей у озера женщины. Он был восхитительно красив, но это было не самое важное, я просто позировала. В своем письме он утверждает, что это МОЙ портрет, он повесил его на стену. Ни за что не стала бы ему позировать, если бы понимала, что таково его намерение.

– Жаль, что у тебя чувство, будто бы он тебя использовал, но если он тебя любит, то, может быть, заслуживает прощения? Почему это было ему так важно? Уверена, художники заканчивают не каждую начатую картину – ты сама, например.

Обсуждать это нелегко, с чего начинать? У Нико непростая история. Мне потребовалось много времени, чтобы ее понять.

– Отец так и не признал в нем настоящего живописца, Ханна. У них были очень разные стили. Для Нико написать портрет в манере старых мастеров сродни легализации. При всей его успешности утрата обоих родителей означает, что того признания, которого он жаждет, никогда не будет. Вместо этого он пытается что-то доказать самому себе – скажем, что отец не нашел бы в его живописи изъянов. – Я медленно вздыхаю. – Нико влюбился не в меня, а в некую музу. Влюбился и все еще не разлюбил.

– Понимаю, это тебя злит. Получается, он злоупотребил твоим доверием, Ферн, а такое причиняет боль. Вернись и потребуй, чтобы он снял твой портрет со стены. Ты всегда была погружена в себя, понятно, что он тебя не знает. Если ты действительно ничего к нему не испытываешь, кроме сострадания, тогда это будет твое последнее усилие, вперед! Если хочешь, я поеду с тобой, только позови. Малышка Рая обожает машину, вот только придется забить ее причиндалами весь багажник. Крепись, даже смельчак-испанец не устоит перед двумя злющими бабами и орущим малышом.

Я не могу не улыбнуться. Кажется, совсем недавно я взваливала на себя проблемы сестры, а теперь уже она готова засучить рукава и воевать за меня. С молодой мамашей лучше не связываться: милая малютка Рая разбудила в Ханне инстинкт воительницы, подстегиваемый гормонами и всплеском материнской любви. Можно подумать, что она готова идти войной против всего мира – и победить.

– Ты права. Пора нанести визит Нико, но мне придется сделать это одной. Уверена, он не хотел меня огорчать, доказательство – его письмо, просто он не понимает, как оно ранит, как я удручена его поступком. Изабель хвалит портрет, но дело не в этом, а в том, что я позировала по одной-единственной причине: думала, что это его исцелит, а портрет не будет моим.

Она ахает.

– Так ты знала, что портрет выставлен на всеобщее обозрение?

– Надеялась, что все-таки не на всеобщее, только на стене в усадьбе. Изабель все мне рассказала при нашей встрече в Лондоне. Я возилась с барахлом после внезапного отъезда Эйдена и в тот момент отнеслась к новости довольно безразлично. Но потом поняла, что позволять людям глазеть на мою наготу, пусть даже запечатленную вдохновенным живописцем, совершенно мне не нравится. При одной мысли об этом мне хочется сжаться в комок и спрятаться подальше. Я старалась об этом не думать, но мне претит такая откровенность, такая уязвимость. Нико не подумал о моей реакции.

– О, Ферн, мне так жаль! Это последнее, что тебе сейчас нужно.

Я знаю это. То, что было для меня волшебным воспоминанием, оказалось разбито вдребезги. До полной неузнаваемости. Как я могла быть настолько наивной?

– Я уточню, можно ли будет пересечь Ла-Манш уже завтра. Туда-обратно, одну ночь проведу в деревне рядом с усадьбой. На все про все уйдет не больше пяти дней, и хватит времени на размышление. После возвращения меня не покидает чувство неприкаянности, я уклонялась от этого решающего шага, но в глубине души знала, что без него не обойтись. Это как последний элемент головоломки: поставив его на место, я смогу все начать заново. Я вернусь со свежей головой и заживу в мире с собой.

– Наконец-то! – Она шумно выдыхает, я даже убираю телефон от уха и стараюсь не засмеяться. – Желаю тебе безопасной дороги,

отдохни за рулем. Воображаю, как красиво в Провансе весной!

По иронии судьбы, прошлой весной мы с Нико были на ножах: я пыталась уговорить его последовать совету Изабель. Нет сомнения, что она мягко подталкивает его в правильном направлении, и теперь, когда он в силах «отпустить последних своих демонов», у них уже нет причин находиться врозь. Разве что он использует меня для смехотворной и при этом саморазрушительной попытки лишить себя счастья. Оставляя за скобками живопись, если она поняла, зачем я ему позировала, то, конечно, согласится, что он переступил черту.

При всей своей нелюбви к конфронтации я не позволю, чтобы меня использовали. И да, будет чудесно отдаться волшебному притяжению дороги, мчаться под музыку, чувствуя, как ветер треплет волосы, – это именно то, что нужно, чтобы переосмыслить свою жизнь. К счастью, у меня остается много великолепных воспоминаний о жизни во Франции, и я не позволю одному недоразумению испортить все остальное.

Пора дать понять Нико, что его поступки разрушили доверие между нами.

34. Куда боятся залетать ангелы

Когда я наконец заезжаю на парковку перед шато, идет дождь. Я поднимаю глаза на окна, и у меня начинает ускоренно биться сердце. Гнев, сопровождавший меня почти всю дорогу, улетучивается, я снова чувствую себя... уязвимой. Трудно что-то разглядеть, когда «дворники» не справляются с потоками воды. Ливневые струи похожи на железные стержни, бесконечно долбящие машину и все вокруг. Разгул стихии соответствует моему настроению, потому что завершение пути вымотало мне нервы постоянным визгом резины о ветровое стекло.

Наконец-то я доехала. При всей моей нервозности пора развести по углам добро и зло. С каждой преодоленной милей становилось все яснее: мне нужно предстать перед Нико, ничего не чувствуя. Вот когда я пойму, что права и что всего этого не должно было произойти. Я тянусь за курткой, скомканной на заднем сиденье, и в этот момент распахивается задняя дверь. Это Сеана, она прибежала с разноцветным зонтом из «Пристанища», чтобы спасти меня от ливня.

– Вот это сюрприз! Какими судьбами в нашем дремучем углу? Глазам своим не верю!

Она искренне рада. Я натягиваю плащ и вылезая к ней под зонт.

– Осторожно, лужи! – Она смотрит на мои кроссовки. Утром, при выезде из Дижона, дождя не было. С каждым километром моя тревога нарастала, и теперь меня едва ли не тошнит.

Мы, держась за руки, перепрыгиваем через потоки воды. У меня потихоньку улучшается настроение.

– Почему вы не сообщили, что приедете? – спрашивает Сеана, пытливо глядя на меня.

– Я совсем ненадолго. Вчера я звонила Изабель, проверить, здесь ли Нико. Ее я не застала, но ассистентка сказала, что в галерее его нет.

– Изабель? – удивленно переспрашивает она, ведя меня через гостиную.

Мы вешаем плащи и идем в кухню. Сеана ставит чайник.

– Я подумала, что они проводят здесь немало времени. Вряд ли Нико хочется подолгу отсутствовать.

Сеана, стоя спиной ко мне, вынимает из буфета две чашки и обращается ко мне через плечо. Такого ответа я совершенно не ждала...

– Насколько я знаю, после вашего отъезда они виделись от силы пару раз. Один раз он ездил в галерею на какую-то крупную выставку, один раз, кажется, в конце июля в прошлом году, она приезжала к нему.

Она дает мне чашку, и мы садимся к стойке у задней стены, где обычно завтракали.

– Я думала, они вместе.

У Сеаны взлетают на лоб брови.

– Правда? Я помню одно: когда она приехала, у них произошла ссора. Он пишет меньше, чем раньше, ей это не очень понравилось. Но наш новый компьютерщик создал для класса живописи Нико отдельный сайт: теперь он ведет программу для начинающих художников. Ходят слухи, что уже возник план построить еще один корпус для гостей.

Неожиданный поворот! Но что удивляет меня сейчас больше всего, так это противоестественная тишина.

– Где все?

– Поехали на автобусе на экскурсию в Ниццу. После вашего отъезда здесь многое изменилось. У нас несколько новых сотрудников, благодаря Пирсу организация теперь на высоте.

– Нико поехал с ними?

– Нет. Думаю, он в мастерской. Ступайте туда, поздоровайтесь с ним. Экскурсанты вернутся где-то в полдесятого вечера. Некоторые будут очень рады вас увидеть, уверяю вас. Надеюсь, вы у нас заночуете?

– Нет, у меня небольшое путешествие, все отели забронированы заранее.

Она корчит гримасу:

– И напрасно! Ничего, раз вы к нам заехали, мы вас так легко не отпустим, сначала вам придется рассказать нам все новости. Как Эйден, как семья?

Я допиваю кофе и несую чашку в раковину. Сейчас мне трудно смотреть Сеане в глаза.

– Эйден в порядке, путешествует. Мы решили поставить точку в нашем браке. У Оуэна и у Ханны тоже все ничего, но оба сейчас страшно заняты. За последний год столько всего произошло!

Даже из дальнего угла кухни я чувствую ее реакцию – шок. Скрип ножек табурета по полу заставляет меня обернуться. Сеана бросается меня обнимать.

– Как мне жаль это слышать, Ферн! Когда вы затихли, я что-то заподозрила. Сначала ваши эсэмэски были жизнерадостными, а потом стало ясно, что не все в порядке. Значит, у вас небольшой праздник?

Она разглядывает меня, силясь угадать истинную причину моего появления.

– Типа того. Решила покататься, взяла время на размышление. У меня план стать партнершей одной художницы, хозяйки маленькой галереи в Кентербери. Пришла пора крупных перемен в моей жизни, прошлое должно остаться позади.

– Ужасно рада, что вы выкроили для нас хотя бы несколько часов. Нико будет очень рад вас видеть. После вашего отъезда он было впал в уныние, но у Пирса возник план... – Она добродушно смеется. Мне приятно, что она такая оптимистка, так радуется жизни.

– Теперь у него все хорошо?

– Да, думаю, вы заметите разницу. Ему нравится вести занятия. Его класс более профессионален, это художники с каким-никаким опытом. Эти уроки – отдельное бизнес-направление. По вечерам он участвует в групповых занятиях, поэтому Изабель к нам и нагрянула – хотела на него подействовать. По-моему, это она зря: когда он расслаблен, когда счастлив – это же прекрасно! Если при этом у него получается создавать меньше картин на продажу – ну так что ж... Деньги – больше не проблема, не то что раньше. Преподавание придает ему сил.

«Расслаблен и счастлив» – это, конечно, кое-что.

– Замечательно! Схожу к нему, взгляну, что да как, – неуклюже отвечаю я. С чего я взяла, что все это – удачная мысль?

Она опять сжимает меня в объятиях.

– Сочувствую, вы столько пережили! Досталось же вам!

– Да уж... Но худшее позади. Все, побежала. Я быстро!

– Возьмите зонт! – кричит мне вслед Сеана, когда я, накинув плащ, бегу к двери.

Зонт огромный, на парковке его выворачивает порывом ветра.

– Дьявол! – Я борюсь с ветром, рвущим у меня из рук зонт, с головы падает капюшон, струи дождя бегут по лицу. Ветер доносит до меня чей-то голос. Я силюсь вернуть зонту нормальную форму, как вдруг две руки обхватывают мне талию, и я все-таки выпускаю зонт из рук.

Нико смотрит на меня, я на него, дождь усиливается с удвоенным рвением. У меня волосы облепили голову, наверняка по щекам течет уродливыми черными полосами тушь. Зонт погублен безвозвратно, он отшвыривает его ногой и указывает в сторону шато.

– Я видел вашу машину... Глазам своим не поверил! – перекрикивает он шум ливня и наше хлюпанье по лужам. Бежать мы не рискуем – скользко.

– У меня отпуск! – кричу я в ответ. Он задирает голову к небу и пожимает плечами.

– Увидев вашу машину, я решил, что это моя фантазия, которую необходимо было проверить. Все в порядке? – С этими словами он толкает тяжелую дубовую дверь.

Наверное, я похожа на тряпичную куклу, застыв неподвижно и уронив руки и голову. С меня льется вода, вокруг тотчас вырастает лужа. Я скидываю полные воды кроссовки.

– Не уверена... – отвечаю я на его вопрос. – Простите, что все замочила.

Глядя на него, я убеждаюсь, что он промок еще больше меня, потому что выскочил под дождь без плаща, в одной рубашке, теперь облепившей его торс. Он выглядит еще более подтянутым, чем раньше. Я ожидала... собственно, чего – после того как узнала, что он не вместе с Изабель? Застать его в слезах? Еще более сломленным, чем когда я приехала сюда в первый раз? Что ж, если так, то я ошибалась. Если не верить в сказанное мне Сеаной, то я уже вообще не понимаю, что к чему.

– Идите в мастерскую. Я захвачу полотенца.

Все это какой-то сюрреализм, а то и похуже. Пока мы идем по коридору, меня осаждают воспоминания. Вот место, где я пыталась не дать пьяному Нико упасть, а он все равно чуть не шлепнулся. Помню, как я радовалась всякий раз, когда торопилась поздно вечером по этим истертым дубовым половицам, помню свое полуобморочное состояние

при мысли, хороши ли мои мазки. Или это было воодушевление от работы бок о бок с Нико? Я отбрасываю эту догадку. Я здесь с одной-единственной целью и не намерена давать волю непрошеным мыслям, даже если они вызывают бурю чувств...

Стоит мне войти в мастерскую, как воспоминания ударяют меня тугой волной. Знакомый запах обостряет восприимчивость, образы прошлого меняют друг друга с пугающей быстротой. Не все хочется так явственно вспоминать. Хорошо, что Нико сообразил оставить меня одну. Я ждала легкой ностальгии, а не такого напора.

Я уже паникую, сердце колотится с устрашающей скоростью. Когда Нико протягивает мне небольшое синее полотенце, я молча киваю – мне изменил дар речи.

– До чего же здорово снова вас видеть, Ферн, – бормочет он. Он не заботится вытереть голову, а просто стоит и смотрит, как я вытираю шею; мне за шиворот затекло много воды. – Вам нехорошо? – следует испуганный вопрос.

– Я в полном порядке, Нико, благодарю. А вот вам не мешает переодеть рубашку.

Он осматривает себя, как будто не знал, что насквозь промок.

– Конечно, – отвечает он с улыбкой.

Он идет в дальний угол мастерской за майкой. У меня такое чувство, что мы вернулись на год назад. Я исподтишка подглядываю, как он снимает рубашку, и вижу, что физические упражнения, которыми он себя изнуряет, не проходят даром. Каждое утро он делает гимнастику до седьмого пота. По его собственным словам, это важно для его душевного здоровья. Я тогда не поняла, и он объяснил: «Не хочу копировать отца. Он позволял себе излишества, он разрушил свой организм и в конечном счете мозг. Я, конечно, унаследовал его страстность, даже маниакальность, но нахожу этому положительное применение. Мое тело – отражение моей решимости. Правда, телом управлять проще, чем тем, что творится в голове...»

Помню, мне тогда взгрустнулось, но Нико стал мне еще ближе. Оба мы понимаем, что такое позитивная маниакальность. Никто не выбирает сознательно путь воина, острая чувствительность – тяжкое бремя. Тяжело, глядя на кого-то, видеть то, что скрыто от других.

– Все, переоделся. Вы не замерзли? – заботливо спрашивает Нико.

Я отдаю ему мокрое полотенце, мотая головой.

– Волосы немного влажные, не более того. Я приехала из-за вашего письма, Нико. Я позировала для вас, потому что думала... Думала, что помогаю вам закончить портрет незнакомки у озера. Но в письме речь о МОЕМ портрете. Так мы не договаривались, Нико.

Он отворачивается и вдруг нервно заламывает руки.

– Простите меня, Ферн. Напрасно я передал вам это письмо. Спрятанное глубоко у меня внутри рвалось наружу, это было для меня единственным способом отпустить вас. Что до портрета... Я больше не мечтаю о женщине у озера, тот холст уже использован вторично.

– То есть вы решили написать МЕНЯ, даже не подумав сначала попросить у меня разрешения? Потом вы повесили портрет на стену и показывали его другим. – Мне трудно побороть раздражение. Реакцией на его предательство должно было бы быть отвращение, а не любовь, но мне хочется его обнять и прижаться щекой к его груди, хочется слушать биение его сердца, чувствовать тепло его тела. А он теперь говорит мне, что двинулся дальше...

– Простите. Я не хотел вас оскорбить. – Он смотрит на меня, огорченный моей реакцией. – Ваше появление в моей жизни очень многое раскрыло мне глаза. Тяжело было сознавать, что у вас любящая семья, к которой вы спешите вернуться, а у меня ничего не останется на память от вас. У меня не было ни малейшего намерения вас оттолкнуть или использовать, прошу, поверьте, Ферн!

– Вы написали в письме, что любите меня. По-моему, вы запутались, того, кто тебя вдохновляет, ты не любишь. А вот Изабель...

Он качает головой и тяжело вздыхает:

– Можно я скажу все как есть? Или вы приехали вылить на меня ваш гнев? Которого я, между прочим, не заслуживаю.

Я не мигая смотрю на него:

– Я приехала на очную ставку. Вы были моим наставником, я вам доверяла. Теперь я хочу правды.

– И вы ее получите. – Вот я его и разозлила. – Я никогда не скрывал, что близок с Изабель, но она знает, что я не могу ответить на ее любовь взаимностью. Вы не хотели в это верить, потому что так вы могли уехать с чистой совестью. Но мы с вами не сделали ничего дурного, Ферн. Влюбиться – не преступление.

У нас с Изабель давняя история; мы спорим, мы занимаемся на пару бизнесом, и только; я всегда был с ней честен. У Изабель есть свойства характера, которые мне никак не подходят. Теперь, зная, что такое настоящая любовь, я уже не соглашусь на меньшее. Вы спасли меня от того, чтобы польститься по ложным причинам на уговоры, Ферн.

Неужели он прав? Неужели я сбежала от бури чувств внутри меня самой? От чувств, в которых я не хотела себе признаваться, чтобы не обречь на крах свой брак? А теперь уже поздно, момент упущен.

– Это неважно, Нико. Вред причинен. Я просто хочу увидеть картину, которую вы осмелились показать Изабель, не поставив меня в известность и не спросив моего согласия. – Я устала, смущена, хочу, чтобы все это кончилось, пока я не сказала что-то, о чем потом буду жалеть.

– Она висит на чердаке.

* * *

Изабель права: картина красивая. Я стою перед мольбертом в своей любимой майке, в которой написала не менее трех полотен. Майка почти такая же цветастая, как сами картины. У меня вытянута рука, на лице выражение крайней сосредоточенности.

– Одобряете?

– Даже очень. – Я с трудом проглатываю величайший ком, который когда-либо подступал к моему горлу. – Я похожа на художницу... – шепчу я, скорее себе, а не Нико.

– Вы она и есть.

– Я ждала совершенно другого.

Он хмурит лоб и, сложив руки на груди, рассматривает холст дюйм за дюймом.

– По-моему, это близко к совершенству. Современный вариант классического портрета. Ничего в нем не изменил бы; стоя перед ним, я каждый раз испытываю счастье. Возможно, ему не помешал бы хоть какой-нибудь изъян, но чего нет, того нет. Я говорю это с оправданной гордостью.

Я поворачиваюсь к Нико и вижу в его глазах любовь ко мне. Как я могла сопротивляться правде? Может быть, я ее стыдилась? Боялась сознаться себе, что полюбила другого мужчину так, как должна любить мужа? Я принимала свое чувство к Эйдену за всепоглощающую любовь, но разве возможна уверенность, когда не с чем сравнивать?

Любовь к Нико тронула мою душу раньше, чем сердце. Любовь к Эйдену была юношеской страстью. Гормоны и долгие разлуки приводили к бурным выходным в промежутках между занятиями в университете. Мысли о любви воспаляли нас, все, что мы вместе испытывали, было нам внове: брак, покупка дома, корни...

Страсть, связавшая нас с Нико, была совсем другой. Окажись она сугубо физической, она бы мало для меня значила. Я бы в ней не обольщалась и легко бы от нее отмахнулась. Но то, что заискрило между нами, было таким мощным, что я испугалась и собралась с силами, чтобы с этим бороться. Потому и уехала. А теперь вижу, почему вернулась.

– Вы не носите обручальное кольцо, – тихо произносит Нико.

– Нет.

– Я не хочу вам лгать, Ферн. Прошлым летом, привезя сюда Изабель, я хотел понять, правильно ли я вас изобразил. Она стояла здесь и смотрела на картину. Знаете, что она сказала? Она обвинила меня в том, что я в вас влюблен. Этого я не ожидал; мне просто нужна была ее экспертная оценка, подтверждение, что муза жива, что дело вовсе не в том, что мое сердце тает при каждом взгляде на эту картину. Ее реакция стала для меня шоком. Неужели это так очевидно? Для нее – да. Я признался, что никогда не говорил с вами о любви; как бы я мог, учитывая обстоятельства? Изабель обозвала меня болваном.

Я подхожу ближе к картине, испытывая восторг перед изощренностью мазков.

– Как она вас! Но и ей пришлось несладко, учитывая ее чувство к вам.

Он кивает:

– Со временем она наверняка кого-нибудь найдет. Она мало кому доверяет, я – во многих смыслах ее зона комфорта, потому что мало кто знает правду об ее первом муже. Граница между нездоровой одержимостью и жестокостью очень нечеткая. Он ее не соблюдал. Мы

с Изабель привыкли все обсуждать открыто, поэтому я не оскорбился. Я сказал ей, что до встречи с вами не понимал, какую боль может причинить любовь. Потом я это оценил, это было прямо как божественный экстаз. Никогда не узнать эту правду – вот настоящая боль.

Нико – человек глубоких чувств, это и делает его вдохновенным живописцем, но подобная чувствительность имеет изъяны.

– Это она заставила вас написать письмо? – спрашиваю я, стараясь не волноваться.

– Да, я не хотел. Какое я имел право вас тормозить? Но чем больше я бился над текстом, тем лучше понимал, что нет ничего плохого в признании в любви, даже безответной. По крайней мере, для Изабель и для меня это так. Сейчас мы с ней не разговариваем, я трачу больше времени на преподавание, чем на живопись. Это ее раздражает, но она меня простит, потому что наша дружба преодолевала и худшие испытания.

Я думала, что потребую уничтожить картину. В действительности, стоя перед ней, я чувствую только невыносимое вождение и чувство причастности.

– И вы счастливы? – рискую я спросить.

– Счастливее не бывает. Меня больше не мучают кошмары – почти никогда. Я позволяю себе просматривать старые наброски и все больше убеждаюсь, что мои сны были вещими. Женщиной, являвшейся мне в них, были вы, но тогда наши пути еще не пересеклись. Вашим предназначением было спасти меня, что вы и сделали. Вы отдались мне тем единственным способом, которым могли. И это значило для меня все.

Я обнимаю Нико за шею, он привлекает меня к себе так ласково, что мне кажется, что сейчас у меня лопнет сердце.

– Я не ангел, Нико, – шепчу я, касаясь губами его плеча. – Я всего лишь женщина, думавшая, что знает, что такое любовь, но убедившаяся, что не знает ровным счетом ничего.

Декабрь 2020 г.

35. Два человека, одна жизнь

Выдался напряженный день, а теперь я направляюсь в мастерскую Нико, меня зовет холст. Этим вечером я намерена наложить последние мазки на картину, которую Изабель торопит закончить для своей следующей выставки.

Но когда я распахиваю дверь, в комнате, к моему величайшему удивлению, перемигиваются несчетные греющие свечи. Нико сидит на ковре среди россыпи подушек и подушечек. Рядом с ним ведро для льда, из него торчит бутылка какого-то невиданного вина и любовно собранный букет голубых зимних ирисов. Я смотрю на него с недоумением, слегка приправленным осуждением.

– В чем дело? – спрашиваю я, подходя к нему.

У Нико загадочный, немного насмешливый вид – Моне Лизе с ее сардонической улыбкой до него далеко, когда он что-то затевает.

Он вскакивает, я легко касаюсь губами его губ: меня не проведешь. Но его руки скользят по моему телу, один поцелуй превращается в два, в три. Беда в том, что он неотразим и знает это.

– Как вкусно! Даже сладко. Ты ела торт?

Мне смешно, он с осуждением отстраняется.

– Я бы, конечно, польстилась на стряпню Марго, если бы она оказалась у меня под самым носом. Увы, я всего лишь несла пустое блюдо в посудомоечную машину.

– Тогда понятно, почему ты задержалась. Скорее садись на середину ковра.

Я корчу гримасу:

– На пол?

– На пол.

– Но мне надо работать.

– Работа подождет.

Мягкий мигающий свет свечей действует расслабляюще. Он берет меня за руку и помогает опуститься на ковер. Я устраиваюсь поудобнее, потом поднимаю на него глаза.

– Ты тоже садись. Когда ты так надо мной возвышаешься, я нервничаю. Мне полагается бокал этой безалкогольной шипучки, или

это так, для натюрморта?

Неожиданно он падает на одно колено.

– Ферн Эмилия Слейтер, вы выйдете за меня замуж?

Я, смеясь, смотрю, как он достает из кармана коробочку. За выражение лица, с которым он это делает, можно отдать все на свете.

– Нет. Но это шаг вперед по сравнению с твоим первым предложением. Тесный чулан был не самой лучшей идеей.

Он смущенно опускает глаза:

– Согласен, тогда я дал маху. В этот раз я попытался приподнять планку.

– Подход засчитан.

Нико выхватывает из ведерка шампанское и тянется за бокалами.

– Это категорическое «нет»?

– Оно самое. Неужели я сейчас почувствую настоящий вкус?

Он садится рядом со мной и выстреливает пробкой. Мы со смехом следим за траекторией ее благородного полета через всю мастерскую. Держа перед собой бокалы, он начинает их наполнять.

– Это вряд ли. Альтернативой был апельсиновый сок. Как наш животик?

– Неплохо. Не знаю, правда, как с ним карабкаться на чердак...

– Прости. Я думал, будет романтично напомнить тебе о том твоём позировании в обнаженном виде. Как трудно мне было тогда совладать с соблазном заключить тебя в объятия и доказать свою любовь!

– Романтика романтикой, но на восьмом месяце беременности у меня одно желание: поработать кистью час-другой, а потом понежиться в теплой ванне и помассировать себе ступни.

У Нико разочарованный вид.

– Но есть и положительная сторона: когда ты снова сделаешь мне предложение, мы сможем выпить за мой очередной отказ настоящего шампанского.

Он широко улыбается. Мы чокаемся. Напиток не так уж плох, но чтобы оценить его по достоинству, нужна привычка.

– А я думал, ты сделаешь мне одолжение и наконец-то скажешь «да».

– Ты, главное, продолжай, глядишь, рано или поздно услышишь «да». А пока ответь: мы ведь решили назвать нашу дочь Оливией?

Нико утвердительно кивает, мы смотрим друг на друга, и у меня усиливается сердцебиение. От такого его взгляда у меня всегда ощущение, будто я тону. Дыхание перехватывает, ничего не могу с собой поделать. Я не хочу формализовать наши отношения, Нико, знаю, тоже. Он просто проверяет, не передумала ли я, раз близятся роды. Наша любовь неизмеримо глубже, чем узы, фиксируемые свидетельством о браке. Вместо того чтобы, держась за руки, получить благословение перед толпой гостей, мы пришли солнечным днем к озеру и признались друг другу в любви.

Я давно знаю, что клочок бумаги ничего не значит, Нико тоже понял это, и за это я еще сильнее его люблю. Не хочу, чтобы он стал моим вторым мужем, ведь наш союз – это не просто брак, а две души, слившиеся воедино.

Начиная вместе каждый новый день, мы ручаемся, что нашей любви и преданности друг другу не будет предела. Каждый раз, когда он делает мне предложение, мы оба знаем, что я отвечу «нет», потому что это напоминает, что мы наносим краску не только вне строк, но и ВНУТРИ. Наши различия не дают забыть, кто мы и что. Два человека, соединившиеся вопреки всем трудностям. Союз, скрепленный на небесах.

Когда наступит время, когда наша дочь вырастет и будет слышать вопросы, почему ее родители так и не поженились, мы решим, что справились со своей родительской задачей, если она в ответ будет просто пожимать плечами и улыбаться. «Потому что они уже получили благословение».

Слово «конец» создает у вас желание узнать больше?

У меня неизменное чувство, что конец истории – это всего лишь сигнал о начале новой главы в жизни персонажей. Когда я пишу эти слова, в голове звучит вопрос: «Что было потом?» Меня никогда не покидает любопытство, мне всегда трудно их отпустить.

Впрочем, теперь вы знаете их не хуже, чем я, и, вероятно, имеете собственное представление об их будущем. Но если у вас велик соблазн узнать, куда их ведет мое воображение, то читайте дальше.

Жизнь неоднозначна, не всегда в ней можно надеяться на счастливый конец, но порой он все же наступает...

Нико и Ферн

В конце концов Нико написал портрет Ферн, сидящей над озером в глубокой траве. Спустя много лет его приобрела лондонская галерея живописи за сумму, сильно превысившую сто тысяч фунтов стерлингов. Картина называлась «Ангел любви», ею Нико Галлегос сумел заворочить взор смотрящего. Это была дань женщине, которую он полюбил, лишь только впервые увидев.

Однажды Ферн призналась дочери, что, когда она наконец сказала себе, что любит Нико, у нее возникло чувство, что она видит все вокруг впервые в жизни. Мир вдруг расширился, стал светлее и заманчивее. И с каждым днем, прожитым ими вместе, это чувство нарастало. Многие считали, что ее счастье обусловлено успехом как плодовитой и очень популярной художницы, но сама она, оглядываясь на свою жизнь, не кривила душой, когда говорила: «Это была только глазурь на торте. Нико и моя красавица дочь Оливия – вот ярко блестящие звезды, озаряющие мой маленький рай на земле».

Изабель, маркиза де Айтона

Галерея в Севилье обеспечила маркизе неизменный успех и сделала карьеру многим живописцам, включая Нико и Ферн, для которых она была не только деловым партнером, но и добрым другом.

Но в памяти Изабель навсегда запечатлен восьмилетний Нико, носившийся за ней по саду ее семейной усадьбы, заставляя ее визжать что было мочи. Они были еще детьми, суровые уроки жизни были в далеком будущем.

Нико станет свидетелем упадка отца, который на многие годы оставит на его душе глубокие шрамы. Только встреча с музой его жизни излечит его от них.

Интриганка-мать, а потом властный муж повлияют на позицию Изабель в жизни. Исключением станет для Изабель Нико, ее первая, незабываемая любовь.

Смогла бы она пожертвовать успехом и богатством ради Нико, чтобы послужить бальзамом для его ран? Без сомнения. Но она увидела, что его суженая – Ферн. Принять как реальность то, что кто-то предназначен не тебе, очень больно; и все же огонек бескорыстной

любви в глубине сердца Изабель делал ее с годами все мягче. Благодаря этому она продолжала стремиться к любви и в конечном счете вышла замуж за весьма успешного бизнесмена на пятнадцать лет моложе ее.

Люди, знавшие ее, видели только сильную, независимую женщину, чей фантастический образ жизни часто расписывали таблоиды. Никто не знал о ее жертве – всепоглощающей любви, позволившей ей отпустить Нико, побудить его написать Ферн письмо, ставшее первым шагом в строительстве судьбы двух неразлучных душ.

Ничто в жизни не происходит беспричинно.

Эйден и Джосс

После нескольких лет скитаний и посещений всевозможных мест погружения с аквалангами Эйден и Джосс стали инструкторами глубоководного плавания и поселились на Каймановых островах. На долю Эйдена в лотерейном выигрыше они приобрели небольшой бизнес и сделали его базой Sea Spirit – гордость и отраду Эйдена.

Они зажили бесхитростной жизнью на острове Гранд-Кайман, где часто гуляли по Семимильному пляжу ранним утром или поздним вечером. Скромное бунгало вдали от шума и роскоши Джорджтауна было их раем.

Джосс знала, что Эйден следит в интернете за карьерой Ферн, но очень старалась не чувствовать себя на вторых ролях. В конце концов, это она сумела дать Эйдену ту жизнь, о которой он мечтал, но не отваживался обрести. Она убедила его, что жизнь слишком коротка, чтобы изменить своей мечте. Он сказал ей однажды, что, плавая со скатами в кристально прозрачной воде, он чувствует себя в раю. Это наполнило ее душу гордостью и чувством покоя.

Тейлор и Келли

Порой люди исцеляют сами себя; иногда двое людей способны исцелять друг друга. Именно так произошло с Тейлором и Келли, хотя процесс был медленным.

Когда Тейлор познакомил Келли со своей семьей, она сразу поняла, что он практически порвал с родней, тем самым наказывая

себя за умение выживать. Ей оставалось одно: после возвращения во Францию напоминать ему о необходимости хотя бы изредка давать им знать о себе.

Четыре года Келли усердно училась на психолога-инструктора здорового образа жизни, а потом Тейлор сделал ей предложение. Она согласилась – но с одним условием: что они уедут жить в Штаты.

Как ни печально было расставаться с любящим коллективом «Пристанища», заменившим обоим заботливую семью, Келли чувствовала, что Тейлору пора избавиться от чувства вины. Возвращение на родину сулило ему новый жизненный старт; осознав свои страхи, он понял, что они – порождение его подсознания. Ему предстояло усвоить урок: научиться принятию.

Тейлор завел собственное плотницкое дело: стал строить на заказ уникальные блоки «кухня-ванная». Еще через два года Келли родила дочь Алисию, а потом устроилась на неполный рабочий день в частную клинику, не бросая учебу.

С течением лет ее отношения с родителями продолжали ухудшаться, с внучкой они почти не виделись. Келли пришла к пониманию, что нельзя позволять другим решать за тебя, кто ты такая, тянуть тебя вниз. Личный опыт помогал ей в работе, за годы она стала незаменимой для множества людей. Но величайшей ее победой стало превращение Тейлора в уверенного в себя человека. Их дочь выросла в сильную решительную женщину, любовь к природе и к животным позволила ей получить прекрасную профессию – стать ветеринаром.

Сеана

После смерти отца несколько лет спустя Сеана вернулась в Шотландию, чтобы ухаживать за матерью. Долгие годы она поддерживала связь с Нико и Пирсом и дважды навещала в Провансе двоих своих старых друзей.

Так и не найдя любви, не обретя спутника жизни, своей второй половинки, Сеана стала патронатной воспитательницей: соглашалась ненадолго приютить у себя детей, оставшихся без присмотра. Это оказалось истинным ее призванием. Со временем она начала предлагать временный уход родителям и семьям с ребенком-инвалидом. Она активно собирала средства для местных

благотворительных инициатив и заслужила своими усилиями уважение и благодарность односельчан.

В возрасте 78 лет Сеана удостоилось ордена Британской империи. Узнав о награде, она, как сообщала пресса, сказала, что это «очень мило», но для нее имеет значение только помощь ближним. Ответная любовь людей всех возрастов служила ей исчерпывающим вознаграждением и позволяла считать свою жизнь богатой и счастливой.

Пирс

После возвращения Сеаны в Шотландию Пирс нанял себе новую ассистентку. Сейди Марчент понимала, что должна не ударить в грязь лицом и выдержать сравнение с предшественницей. Она добилась не только этого, но и завоевала сердце Пирса: они стали не только сильной управленческой командой, но и супругами.

Через пять лет у них родились близнецы, и они попросили Нико и Ферн стать крестными. Если Карл и Кайла пропадали с глаз, то все знали, где их искать: в мастерской Нико, где они, вооружившись кистями, радостно пачкали холсты. Их близость с Оливией, дочерью Нико и Ферн, продлилась всю жизнь, и они часто предавались воспоминаниям о счастливом совместном детстве в «Пристанище».

Ди-Ди и Одиль

Когда между этими совершенно разными женщинами стали складываться отношения совершенно особого рода, никто не удивился. На самом деле между ними было много общего – обе талантливо делали свое дело, вдохновляя гостей «Пристанища», впервые попробовавших там работать с тканями и с глиной, продолжать эти занятия и в дальнейшем.

При этом Ди-Ди перебирала по части пафоса, а Одиль уравнивала ее своим непробиваемым спокойствием. С течением времени между ними создалась связь, и в один прекрасный день они образовали пару, что ни в коем случае не мешало гостям всех возрастов уважать их и ценить.

По прошествии лет они ушли на покой, поселились в домике на окраине Буа-Сен-Вернона и жили счастливо, пока не ушли в мир иной с разницей в полгода.

Патриция

Когда смерть отнимает у вас любовь всей вашей жизни, ничто уже не может быть по-прежнему, но Патриция знала, что Фред останется с ней навсегда. Судьба определила ей прожить до 91 года.

Стефан оставался рядом с ней, хотя их отношения были сугубо дружескими. Они без устали путешествовали во все том же сверкающем черном доме на колесах.

Десять с лишним лет они приезжали в августе в «Пристанище» и проводили там неделю, а потом продолжали распространять благую весть об этом месте, чем помогли многим впервые открыть его для себя.

Патриция умерла мирно, во сне, через месяц после смерти Стефана от рака. Прежде чем в последний раз закрыть глаза, она улыбнулась. Ее ждали двое мужчин, в чьей жизни ей повезло участвовать. Предстояло начало новой главы.

Бастьен

Никто не знал историю Бастьена, пока он неожиданно не умер от сердечного приступа через двенадцать лет. Неизменно вежливый, добросердечный, он слыл сказочным добрым великаном. Обладая железными ручищами, он бывал бесконечно счастлив рядом со своим разожженным горном, при невыносимой, опаляющей кожу жаре.

Среди его личных вещей нашли письма, и Пирс связался с некоей Анной, которую он посчитал его родственницей.

Анна оказалась женой Бастьена, с которой они давным-давно разошлись. Их единственный сын утонул в трехлетнем возрасте в пруду позади их дома. Бастьен, не сумев справиться с потерей, однажды исчез и снова дал Ане знать о себе только спустя годы.

Желая узнать, где он жил, она приехала с сестрой с северо-востока Франции, из Виттеля. В его комнате ее взгляд сразу упал на черное деревянное распятие на стене. Вера помогла ей сохранить рассудок, но

как ревностная католичка она боялась, что Бастьен погубил свою душу. Теперь она разрыдалась, сняв распятие со стены и прижав его к себе. Испытывая огромное облегчение, она благодарила Бога за то, что разыскала человека, которого никогда не переставала любить.

Марго

Сменив Сеану, Сейди первым делом составила «список пожеланий гостя» – короткую анкету, подлежащую заполнению в первый же вечер, после ужина. Гостям предлагалось написать, чего им хочется достигнуть за время пребывания в «Пристанище». В последний день эти ответы сопоставлялись с анкетой, которую раздавал Пирс гостям перед их отъездом. «Облако тегов», как любовно называли этот проект, оказалось чрезвычайно успешным. Из написанного гостями в конечном счете вытекали очень полезные предложения.

Стала ясна, в частности, возрастающая популярность спорадических кулинарных выступлений Марго. Когда ее спросили, не хочет ли она преподавать кулинарию трижды в неделю по вечерам, она радостно ответила согласием.

Пирс и Сейди поняли, что ей нужна помощь. Марго привлекла к работе свою дочь Иветт и одну свою давнюю подругу. Получилось неподражаемое трио. Марго разрабатывала меню и надзидала за приготовлением ужинов. Ее занятия превратились в классы-практикумы, на которых гости трудились вместе с ней. Классы Марго стали у гостей любимыми, для них построили специальное уникальное помещение. Так появилась пятидневная «Кухонная гавань Марго Брессан», приглашавшая практикантов весь год напролет.

Марго была в восторге от своей новой привилегированной роли, и очень скоро новая кухня выбросила на рынок джемы и соусы марки «Пристанище». Родилась небольшая ремесленная индустрия.

Ханна и Оуэн

За шесть лет Ханна произвела на свет четырех детей.

Когда все дети пошли в школу, она стала учиться на ассистента школьного учителя. Вся ее жизнь, и домашняя и профессиональная,

вращалась вокруг детей. Она нашла свое призвание.

Военная карьера Оуэна продолжалась двадцать лет, за этот срок он дослужился до звания уорент-офицера 2-го класса, отвечавшего за обучение, быт и дисциплину роты из более чем ста человек.

После увольнения из армии он целый год колесил по миру, и Ферн уже боялась, что брат переживает кризис среднего возраста. Однако в конце концов он повстречал свою будущую спутницу жизни и женился на ней в Лас-Вегасе через полгода. После окончательного возвращения в Британию они с женой создали центр отдыха на природе в Лесу Дина, где можно было играть в пейнтбол, стрелять из лука и все такое прочее. Бизнес развивался, и Ферн успокоилась: наконец-то ее брат остепенился и обзавелся подружкой жизни.

Каждый год на Рождество, когда закрывалось «Пристанище», семья Ферн арендовала микроавтобус, и Оуэн вез всех в Прованс. Получался бедлам, он же напоминание о том, что на свете нет ничего лучше общения с родными людьми. Для всех них эта встреча становилась кульминацией года.

Не каждому везет обрести семью. Такова жизнь. Порой ваша семья – не то, что вам нужно. Но повсюду в мире группы людей, как в «Пристанище», собираются вместе по какому-то неведомому космическому плану. Их объединяют общее дело, потребность, бескорыстная цель. И это очень мощные узы.

*КОГДА МЫ ОДНИ, МЫ – ОСТРОВ;
ОБЪЕДИНИВШИСЬ, МЫ СТАНОВИМСЯ СИЛОЙ.*

Благодарности

Пора сказать добрые слова в адрес моего замечательного издателя Сары Ритердон, работа с ней – огромное удовольствие, помощь ее неоценима. Вы – живое вдохновение!

Я бесконечно благодарна всему коллективу издательства Boldwood – чудесной группе всееляющих оптимизм женщин – за огромную помощь и поддержку.

Обнимаю моего непревзойденного агента Сару Кин, сопровождавшую меня на каждом шагу этого будоражащего путешествия.

Множество друзей не оставляют меня в беде и в радости. Они терпят мое молчание, когда я с головой ныряю в работу. Я прячусь от всех, провожу время в обществе своих героев, обретающих для меня плоть и кровь, и грущу, когда история приближается к концу. Но когда я выныриваю на поверхность, у меня чувство, что я никуда не пропала и никто не упрекает меня в непостоянстве.

Ни одна книга не выходит без содействия большого количества людей, заслуживающих признательности за ее появление. Меня приводит в восторг доброта моих читателей и рецензентов. Вы продолжаете радовать, восхищать, удивлять меня своим бескорыстием и поддержкой. Если бы не ваши усилия по распространению сведений о моем новом труде, если бы не ваши драгоценные отзывы, побуждающие других скачать его или взять мою книгу с полки, я бы не могла посвящать себя этому постыдному удовольствию – сочинительству...

Я обласкана судьбой и признаюсь вам всем в любви за вашу бесценную поддержку и дружбу.

notes

Примечания

1

Герой романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

Курт Кобейн – американский рок-музыкант, вокалист. Джон Адам Белуши – американский комедийный актер, сценарист, певец.

3

Грушевое пирожное (*фр.*).

4

Эта старушка (*φρ.*).

5

Отлично, спасибо (*фр.*).

Во Франции современные американские горки называются Les Montagnes Russes – «русские горки».